И. П. КОТЛЯРЕВСКИЙ

И. КОТЛЯРЕВСКИЙ

Собрание
произведений

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Проворено
1980 г.

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. П. Орлов (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов, А. Л. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И. КОТЛЯРЕВСКИЙ

НГПУ
проверено
1995 г.

СОЧИНЕНИЯ

Вступительная статья и примечания
И. Я. Айзенштока

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1969

К 73 4

И. П. Котляревский (1769—1838) — выдающийся украинский поэт и драматург. Центральное место в литературном наследии Котляревского занимает сатирическая поэма «Энеида». Мастерски используя сюжетную канву одноименной поэмы Вергилия, И. П. Котляревский создал блестящее, остроумное произведение, по своему значению перерастающее рамки пародийного жанра. «Энеида» И. П. Котляревского вошла в золотой фонд украинской классической литературы. В настоящее издание, приуроченное к 200-летию со дня рождения писателя, включены также его стихи и пьесы «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей».

7-4-1
335-69

И. П. КОТЛЯРЕВСКИЙ

1

На рубеже XVIII и XIX столетий в Петербурге появилась книжная новинка — «Енеида, на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским, иждивением М. Парпуры» (СПб., 1798), с «усерднейшим посвящением» — «любителям малороссийского слова». Эта небольшая книжечка знаменовала собой начало нового этапа в развитии украинской литературы.

Среди литератур всего мира немного найдется произведений, судьба которых была бы в такой же степени связана со всем последующим развитием родной литературы, которые, подобно «Энеиде», пользовались бы такою же непреходящей популярностью у читателей, начиная с самого своего появления. Вскоре после смерти И. П. Котляревского, в 1841 году, Вадим Пассек писал, что «„Энеида“ была принята в Малороссии с восторгом: все сословия читали ее, от грамотного крестьянина до богатого пана».[1]

Действительно, на протяжении одиннадцати лет, с 1798 по 1809 год, было выпущено три издания поэмы, — для того времени это было свидетельством большого ее читательского успеха. Успех этот станет еще очевиднее, если сказать, что этим изданиям «Энеиды» предшествовали и им сопутствовали многочисленные рукописные ее копии.

Поэтом неожиданно заинтересовывались люди, имевшие очень слабое касательство к литературе (в частности, к литературе украинской), вроде, например, Наполеона, вывезшего из похода в Россию, в числе прочих «сувениров», также экземпляр «Энеиды», или великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. Как сообщал «Украинский вестник», посетив в 1816 году Полтаву, он

---

[1] «Москвитянин», 1841, № 4, с. 563.

«удостоил обещаний высокого покровительства своего... известного дарованиями своими автора Вергилиевой Энеиды наизнанку на малороссийском языке капитана Котляревского и изъявил желание иметь у себя два экземпляра оной». [1]

В 1822 году «Соревнователь просвещения и благотворения», публикуя отрывок из незадолго перед тем написанной пятой части поэмы Котляревского, именовал его «известным сочинителем» и в подстрочном примечании писал так: «Сообщаем его (т. е. отрывок) читателям журнала, надеясь, что доставим удовольствие любителям сего произведения, исполненного необыкновенной веселости, остроумия и во многих отношениях весьма оригинального». Журнал приглашал читателей «порадоваться», «узнав, что г. Котляревский совсем кончил Малороссийскую Энеиду и в скором времени намерен издать оную». [2]

Надеждам на скорый выход полной «Энеиды» не было суждено осуществиться, хотя об этом заботились многие. Полная «Энеида» вышла только в 1842 году, уже после смерти автора.

«Коренные русские, читавшие «Энеиду» Котляревского, — отмечалось в «Отечественных записках», — хоть и вполовину понимали ее, однако ж дивились и чудному языку, и остроумию автора; между тем как переделка «Энеиды» на великорусское наречие Осипова, совершенно им доступная, наводила глубокий сон. Такова сила таланта!» [3]

Об увлечении «Энеидой» русских читателей имеется немало и других свидетельств, начиная с заявления М. А. Максимовича о том, что «знали тогда многие великороссияне «Энеиду» Котляревского, даже его оду князю Куракину», и вплоть до упоминания в романе Д. В. Григоровича «Проселочные дороги» некоего провинциального помещика Николая Степановича Окатова, который «любил ... иной раз прочесть во всеуслышание басню Измайлова или страничку из «Энеиды» Котляревского, которую считал первым сочинением в мире». [4]

Параллельно с успехом «Энеиды» Котляревского рос и год от года ширился успех его драматургии — «Наталки Полтавки» и «Солдата-чародея». Едва ли не самым горячим пропагандистом обеих пьес с самого их появления был М. С. Щепкин; для него они, как утверждает предание, собственно, и были написаны. Великий актер, много

---

[1] «Украинский вестник», 1816, № 7, с. 93.

[2] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1822, ч. 17, с. 98—99.

[3] «Отечественные записки», 1839, № 3, с. 134.

[4] Д. В. Григорович, Полное собрание сочинений, т. 3, СПб., 1896, с. 191.

гастролируя по стране, неизменно включал в свой репертуар «Солдата-чародея», сделав общеизвестной и чрезвычайно популярной роль простодушного крестьянина Чупруна. Нередко удавалось ему ставить и «Наталку Полтавку», где он играл роль Выборного Макогоненко. Благодаря Щепкину обе пьесы прочно утвердились в репертуаре не только провинциальных и любительских сцен; время от времени они исполнялись и в столичных (петербургских и московских) театрах, полностью или в отдельных сценах. [1]

Светлой и прочной оставалась слава Котляревского на протяжении многих десятилетий. Славу эту не могли поколебать лихие нападки разного рода «ниспровергателей», вроде О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса) или П. А. Кулиша. Первый, в связи с изданием полной «Энеиды», объявив остроумие поэмы «простонародным» остроумием, которое «нельзя вывозить из одной земли в другую, как вывозят сало и пеньку», заметив попутно, что «даже Вольтерово остроумие кажется нам теперь вялым и безвкусным», патетически вопрошал: «Как же хотеть, чтобы остроумие Котляревского, остроумие не новое, не современное, и притом существенно малороссийское, прельщало жителя Великороссии?» [2]

Критику Сенковского можно было бы вовсе не принимать во внимание, если бы основной ее тезис — о пошлости и грубости юмора «Энеиды» — не был двадцать лет спустя подхвачен Кулишем. Для Кулиша, так же как и для Сенковского, «Энеида» являлась «бурлацким юродством». Но если в представлении Сенковского чтение «Энеиды» оскорбляло вкус «благородного» русского читателя, то для Кулиша поэма Котляревского оказывалась поношением всей украинской литературы.

«Когда появился Котляревский со своим Энеем, — писал Кулиш, — все от души расхохотались: вот он каков, этот простой украинский народ, от которого мы отошли, благодаря кое-кому из старых деятелей... Расхохотались, и этот хохот был самым страшным испытанием для нашего украинского писанного слова... Хохотом над «Энеидой» едва не убили сами земляки своего же новорожденного слова». [3]

Можно было бы не вспоминать сейчас о попытках «ниспровержения» Котляревского, если бы попытки эти и позже время от времени не возникали в литературной критике. Последние выступления

---

[1] См.: Т. С. Г р и ц, М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества, М., 1966, с. 768—769.

[2] «Библиотека для чтения», 1843, т. 6, «Литературная летопись», с. 47—48.

[3] «Основа», 1861, № 1, с. 244.

такого рода встречались в украинском советском литературоведении тридцатых годов.

Попыткам принизить и ослабить историческую роль Котляревского энергично противостояли представители передовой украинской литературы (уместно вспомнить здесь имена Ивана Франко, Михайлы Коцюбинского, Марка Кропивницкого).

О художественных достоинствах произведений Котляревского не раз говорил Максим Горький. Осенью 1920 года в беседе с автором настоящей статьи Алексей Максимович назвал Котляревского «очень большим, глубоким и умным поэтом». В письме к И. Ф. Ерофееву (29 марта 1933 года), упомянув о том, что к украинской литературе он всегда питал «влеченье, род недуга», Горький писал дальше: «Очень хотелось издать Гулака-Артемовского, Основьяненко, Котляревского — особенно». [1] А несколько позднее, беседуя с группой украинских писателей, Горький рекомендовал по образцу «Энеиды» создать памфлетную, остросатирическую поэму с современной тематикой — о буржуазных дипломатах, националистах разных мастей и рангов: «Почему бы вам, — говорил он, — не написать такой веселый бурлеск, как, скажем, «Энеида», про наших врагов?»

Славу Котляревского утвердили те его читатели, что видели в нем замечательного мастера родного слова, патриота, искренно любившего свою родину и поставившего ей на службу свое слово, свое мастерство. В этом кроется залог длительной и славной жизни его произведений.

«Мы смеемся, читая «Энеиду» Котляревского. Но подлинно смешны в ней не троянцы, а боги, не люди, а цари. Дух, который живит троянских «казаков», несмотря на то, что они одеты в бурлескное одеяние, остается героическим духом...

Мы живем в эпоху, вовсе не схожую с эпохой Котляревского... Но вспомним слова, произнесенные украинским народом устами П. Тычины:

Я стверджусь, я утверждаюсь —
Бо я живу.

В далекое от нас время, в несхожих условиях «Энеида» Котляревского была также самоутверждением — и в этом ее большое общественное значение, в этом тайна ее живучести, ее славы». [2]

---

[1] М. Горький, Собрание сочинений, т. 30, М., 1955, с. 295.

[2] Олександр Білецький. Зібрання праць, т. 2, Київ, 1965, с. 121.

Материалов для биографии Котляревского немного. Документальная их часть скудна и маловыразительна. Рассказы о нем современников часто противоречат один другому, иногда, очевидно, сочинены впоследствии и явно анекдотичны.

Вот то немногое, что позволяет установить основные вехи жизненного пути замечательного украинского писателя.

Иван Петрович Котляревский родился 29 августа 1769 года в Полтаве. В это время Полтава, некогда славный «полковой город», считалась заурядным уездным городом Новороссийской губернии, а по всему строю жизни представляла собою большое украинское село, с чисто сельским укладом жизни.

Отец будущего писателя, хотя и числился дворянином, но «маетностями» (поместьями) и «во владении своем крестьянами» обременен не был. Средства к жизни добывал службой — был мелким чиновником («канцеляристом») магистрата.

Следуя установленному в то время обычаю, отец будущего поэта вписал его в 1779 году в «штат Новороссийской канцелярии», где Иван Петрович (в это время ему было десять лет) числился в продолжение четырех с небольшим лет, пока 14 сентября 1783 года ему не был присвоен первый классный чин — губернского регистратора. Делалось это повсеместно среди дворян, для того чтобы сократить сроки обязательной чиновной выслуги.

В действительности детство Котляревского прошло, как полагается, в учебе. По старинной украинской традиции, начальным обучением мальчика чтению и письму занимался местный дьяк.

В начале 1780 года десятилетний мальчик поступил в незадолго перед тем открытую в Полтаве духовную семинарию. О семинарской учебе в Полтаве дает представление рассказ однокашника Котляревского, известного впоследствии ученого-классика, высокопоставленного чиновника, члена Российской академии И. И. Мартынова. В автобиографических своих записях он вспоминал: «Проходя ординарные классы от форы до богословия, по обыкновенному тогда в семинариях порядку, сверх главных предметов учения, коими почитаются латинская и российская грамматика, поэзия, риторика, философия и богословие, я научился тут греческому, несколько немецкому языку и арифметике: другим наукам и языкам в сей семинарии тогда не обучали».[1] Вопреки последнему категорическому заявлению,

---

[1] Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпиревым, т. 2, СПб., 1872, с. 69.

биографы Котляревского обычно указывают, что семинарии поэт обязан знанием французского языка.

При всем том и семинарская учеба, и «методы» преподавания, и в еще большей степени семинарский быт сохраняли много общего с предшествовавшим обучением у дьяка. Бессмысленная, отупляющая зубрежка была основной формой постижения наук. Что же касается быта полтавской семинарии, то он был весьма похож на тот бурсацкий быт, представление о котором современный читатель может почерпнуть из гоголевского «Вия» или «Бурсака» В. Нарежного.

Подобно бурсакам Нарежного и Гоголя, Котляревскому, надо полагать, приходилось снискивать себе пропитание налетами на ларьки базарных продавцов, на многочисленные в то время в Полтаве сады и огороды обывателей. Очевидно, случалось ему участвовать и в театрализованных представлениях по разным поводам.

Много позже, в знаменитой своей поэме, Котляревский неоднократно обнаруживал превосходное знание семинарского быта, обычаев, специального семинарского жаргона, распространенной среди семинаристов макароническої, латинско-украинской речи и т. д. Вообще же говоря, о семинарских годах жизни будущего поэта сохранились самые скудные, большею частью анекдотические упоминания и рассказы. Среди более вероятных из них можно назвать сообщение одного из соучеников Котляревского о том, что товарищи по семинарии прозвали его «рифмачом» — за любовь к сложному «плетению словес», за умение при случае говорить «складно» и в рифму.

В семинарии Котляревский провел десять лет и в 1789 году вышел из нее — незадолго до окончания курса, — так обычно поступали ученики, не предполагавшие в дальнейшем делать духовную карьеру. О нескольких годах жизни будущего поэта после выхода из семинарии известно только по рассказу близкого его знакомого и первого биографа С. Стеблин-Каминского. «По окончании курса наук, — писал он, — Котляревский занимался несколько времени в частных помещичьих домах воспитанием детей. В эту эпоху жизни своей... по словам современников его, он наблюдал нравы, обычаи, поверья и предания украинцев, бывал на сходбищах и играх простолюдинов и сам, переодетый, участвовал в них, прилежно вслушивался и записывал слова малороссийского наречия». [1]

Другой же ранний биограф Котляревского, пользовавшийся воспоминаниями и рассказами лиц, хорошо знавших поэта, Н. М. Сементовский, повторил эти же сведения с несколькими любопытными

---

[1] С. С(теблин)-К(аминский), Биография поэта Котляревского. — «Северная пчела», 1839, 4 июля.

оттенками: «Живя несколько лет в деревнях, — писал он, — Иван Петрович хорошо изучил родной ему быт малороссиян, вник во все обычаи и характер своих земляков, пользовался всяким к тому случаем, старался рассматривать духовную сторону малороссиян, и хотя казался холодным наблюдателем обрядов и обычаев соотчичей, однако был наблюдатель-философ».

По уверению Н. Сементовского, к этому же времени (конец восьмидесятых — начало девяностых годов XVIII века) относится и начало литературной деятельности Котляревского: он «писал разные вирши на малороссийском языке, которые или расходились по рукам его приятелей и знакомых, или оставались в его портфеле, но впоследствии все погибли». [1]

Украинская литература, достигшая высокого расцвета в XVII веке, создавшая талантливые образцы школьной литературы (поэзия, драматургия) и замечательные произведения народной поэзии (думы, исторические песни), на протяжении XVIII века постепенно приходила в упадок; она так и не вышла из рамок традиционных форм школьной поэтики и проблематики. Причин подобного отставания было много. Главнейшие из них могут быть сведены к следующему.

Начиная с Петра I политика царской России в отношении Украины была направлена на «искоренение украинского сепаратизма». Под это понятие подводилось все, что в какой бы то ни было степени напоминало или могло напоминать былую политическую самостоятельность Украины. После измены Мазепы и его сторонников началось умаление, а затем уничтожение функций «украинской старшины» — высших в государстве постов, занимавшихся казацкой верхушкой. Эти посты оказались частью подчинены вновь образованной Малороссийской коллегии, частью совсем поглощены ею. А позднее, при Екатерине II, была уничтожена и сама Малороссийская коллегия и установлена на Украине единая со всей Россией администрация.

Одновременно шла планомерная борьба царского правительства с культурой украинского народа. Пропасть, отделявшая «простой народ» от «образованных классов», безмерно ширилась, особенно после окончательной ликвидации Запорожской Сечи (1775), после закрепощения украинского крестьянства (1783), после преобразования Киевской Могилянской академии (которая в продолжение полутораста лет была средоточием культуры украинского народа) в рядовую русскую духовную академию (1786). В обиходе Киевской академии

---

[1] Николай Сементовский, Иван Петрович Котляревский. — «Северная пчела», 1846, 15 апреля.

практиковалось изучение ряда древних и новых европейских языков, но начисто было изгнано употребление родного для большинства студентов украинского языка.

Одновременно на Украине шли процессы, диктовавшиеся непреодолимыми законами общественного развития. На протяжении XVII и особенно XVIII века в составе Российского государства оказалась объединенной основная масса земель, населенных украинским народом. Небольшая часть украинских земель, остававшаяся за пределами государственных границ России (Галиция, Буковина), была связана с Правобережной Украиной теснейшими узами (культурными, особенно экономическими) вплоть до середины XIX века. Все шире и глубже проникали на территорию Украины, все больше внедрялись в ее экономику новые, капиталистические отношения. Были подготовлены, таким образом, условия для формирования украинской нации, для создания украинской национальной культуры. Одним из первых по времени ощутительных проявлений этого процесса была «Энеида» И. П. Котляревского.

У нас нет сколько-нибудь точных и определенных данных о том, когда именно приступил украинский поэт к работе над поэмой, когда окончил ее. Известно только, что непосредственным побудительным стимулом для Котляревского послужил выход в свет в 1791 году первых двух частей шутливой поэмы Н. П. Осипова «Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку». Весьма вероятно, что первоначально Котляревский предполагал дать украинский перевод поэмы Осипова — об этом убедительно свидетельствует сопоставление начальных строф обеих поэм.

Очень скоро, однако, Котляревский отходит от перевода поэмы Осипова; то сохраняя сюжетный ее костяк, то отдаляясь от него, соблюдая самый «выворот наизнанку», он щедро расшивает по этой канве уже по собственному почину, следуя велениям собственной творческой фантазии, украинским историческим и народно-бытовым материалом.

Когда увлекся Котляревский замыслом своей поэмы, когда приступил к работе над ней? Это не могло произойти ранее 1791—1792 года, то есть ранее выхода в свет «Енейды» Осипова, ранее того, как печатные экземпляры поэмы дошли до полтавского захолустья.[1] Вместе с тем это не могло произойти позже 1794 года, которым помечен один из самых ранних сохранившихся списков украинской по-

---

[1] Совершенно отпадают, таким образом, как несостоятельные, утверждения некоторых старых биографов Котляревского о том, что он будто бы начал работать над «Энеидой» еще в семинарии.

эмы. Можно с полным правом предполагать, что работу над поэмой Котляревский начал в 1793—1794 годах.[1] По-видимому, очень быстро одна за другой были написаны первые три части поэмы.

Они распространялись обычным для того времени способом — в виде списков. Процесс распространения шел также быстро: наиболее старый список «Энеиды» был сделан для Евгения Болховитинова, в то время епископа Воронежского, не с авторского оригинала, но с какого-то другого списка, не всегда и не во всем исправного; кроме того, в этом списке отсутствует вторая часть поэмы. Можно себе представить, сколько раз переписывалась поэма, пока в конце концов не попала на книжную полку рясофорного любителя поэзии.

В 1796 году Котляревский бросает педагогическую деятельность и вступает на военную службу — в Северский карабинерный полк, расположенный в самой Полтаве и сформированный Румянцевым на базе старинного украинского казачьего полка. В полку поэт провел двенадцать лет: начав службу 1 апреля 1796 года кадетом, он 23 января 1808 года, «по прошению», был «отставлен капитаном».

Военная служба могла привлечь к себе Котляревского тем, что давала ему возможность жить в самой Полтаве, которая быстро росла, обстраивалась, сделалась губернским городом. Конечно, не может быть вовсе исключено и другое предположение: что вступление Котляревского на военную службу вызвано было какими-то личными переживаниями, какой-то неудачной любовной историей, — такая версия также существует, хотя основывается на устном предании, не могущем быть ни подтвержденным, ни проверенным какими бы то ни было достойными доверия фактами или соображениями.[2]

«Аттестат», выданный Котляревскому 15 февраля 1806 года, характеризует его как офицера, «исполнявшего свою должность и звание с отличной рачительностью и прилежанием».[3]

К этому же времени относится и еще одно поэтическое произведение Котляревского: «Песня на новый 1805 год пану нашему и

---

[1] К этой же дате подводит, с другой стороны, признание самого И. П. Котляревского, дважды повторенное в его письме к Н. И. Гнедичу от 27 декабря 1821 года. В письме он говорит об издании поэмы в полном ее виде и о желании своем вкусить «плоды двадцатишестилетнего моего терпения и посильных трудов». И немного ниже еще раз: «Я над малор⟨оссийской⟩ Энеидою 26 лет баюшки баю» (І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, Київ, 1953, с. 85).

[2] См.: В. Савинов, Первая любовь Котляревского. — «Северная пчела», 1863, 24 марта.

[3] «Наукові записки Полтавського літературно-меморіального музею І. П. Котляревського», вип. 1, 1958, с. 75.

отцу князю Алексею Борисовичу Куракину», малороссийскому генерал-губернатору.

В 1806 году Котляревский был назначен адъютантом генерала Мейендорфа, командира 2-го корпуса русских войск. Назначение это совпало по времени с началом русско-турецкой войны 1806—1812 годов.

Кроме непосредственных адъютантских обязанностей, Котляревский одно время вел «Журнал военных действий 2-го корпуса войск под командою господина генерала от кавалерии и кавалера барона Мейендорфа»;[1] судя по объему «Журнала», его ведение не должно было отнимать у Котляревского слишком много сил и времени. Среди прочего материала «Журнал» отмечает один эпизод, в котором Котляревский принимал непосредственное участие: по поручению Мейендорфа он был направлен к буджацким татарам с заданием уговорить их «быть приверженными России». Поручение было успешно выполнено: четыре татарских уезда с 205 деревнями «прислали чиновников в засвидетельствование преклонности своей к России» и дали аманатов (заложников). За выполнение этого дипломатического поручения Котляревский был награжден орденом.

В 1807 году он был переведен в Псковский драгунский полк и, «через всю кампанию 1807 года», участвовал во «многих с турками сражениях», в частности при крепости Измаил. В январе 1808 года, как сказано, Котляревский вышел в отставку в чине капитана.

Нам представляется, что одним из возможных поводов добиваться отставки могло быть желание Котляревского (которому год спустя должно было исполниться сорок лет — возраст, по тем временам почитавшийся заслуженным и почтенным) поселиться оседло в Полтаве, поступить на гражданскую службу, используя очень лестные аттестации военного начальства, а также свою уже широкую литературную известность, и таким образом больше времени отдавать литературной работе, прежде всего — продолжению и окончанию «Энеиды».

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в годы военной службы Котляревский продолжал работу над «Энеидой» и написал четвертую ее часть. С. Стеблин-Каминский относит продолжение поэмы к 1803 году.[2] Во всяком случае, это не могло быть позже 1806 года, когда Котляревский получил новое назначение, вряд ли оставлявшее время для занятий литературой.

---

[1] См.: І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, Київ, 1953, с. 92—101. «Журнал» охватывает военные действия с 15 ноября по 16 декабря 1806 года.

[2] «Полтавские губернские ведомости», 1866, 22 июня.

Выход в отставку открывал перед Котляревским возможность самому позаботиться об издании завоевавшей читательский успех поэмы в подлинном ее виде. В самом деле, в 1798 году «Энеида» была напечатана не только без ведома автора, но и по весьма недостоверному списку, со множеством погрешностей и прямых ошибок. Нам неизвестно, как встретил в то время это контрафакционное издание сам автор; по всему судя, издатель, украинский помещик, видный петербургский чиновник и профессор-медик Максим Парпура, не преследовал каких-либо материальных выгод и действовал исключительно в качестве одного из тех «любителей малороссийского слова», которым была посвящена изданная им книга. Известно зато, что позднее, выпустив авторское издание поэмы, Котляревский в описание адских мук разного рода грешников (часть третья) включил новую строфу, явно намекавшую на Парпуру и его издание (которое в 1808 году было повторено):

Там страхолюдную фигуру
Поджаривали, как шашлык.
Стеснять бесчестную натуру
Корыстолюбец не привык.
Ему и медь за шкуру лили,
И распинали на кобыле;
Пришлось на вертеле торчать
За то, что рукопись чужую,
Нарушив заповедь восьмую,
За деньги отдавал в печать.

В 1809 году, когда эта строфа появилась впервые в тексте поэмы, Котляревский решительно был настроен против попыток воспользоваться его произведением: он сам хотел его публиковать и продолжить работу над ним. Эти настроения поддерживались в нем многочисленными свидетельствами о популярности «Энеиды» на Украине и за ее пределами. Особенно сильно должна была его поразить встреча на Дунае с запорожцами. О ней сам поэт неоднократно рассказывал позже друзьям и знакомым.

Переправляя Котляревского через Дунай на лодке, запорожцы, узнав по разговору в нем земляка, спросили его «призвище» и восторженно обрадовались неожиданному знакомству с автором хорошо им известной и всеми любимой «Энеиды». Они приглашали поэта остаться у них «за старшого», — это одно уже само по себе говорило о степени их увлечения поэмой. [1]

---

[1] «Полтавские губернские ведомости», 1866, 22 июня.

В 1808 году Котляревский возвратился в родную Полтаву, где был радушно принят как заслуженный воин, кавалер и известный поэт. Благодаря материальной помощи местного губернского предводителя дворянства С. М. Кочубея, он подготовил новое, авторское, издание «Энеиды», присоединив к уже известным трем частям еще одну — четвертую.

В связи с этим изданием Котляревский ездил в Петербург, возможно, связывая с поездкой также надежды служебного характера. Однако эти надежды не осуществились, ему пришлось возвратиться в Полтаву. Здесь 3 июня 1810 года он был назначен надзирателем Полтавского дома воспитания бедных; с 1827 года он совмещал с этой должностью еще одну — попечителя богоугодных заведений.

Служба не отнимала у него много времени, несмотря на отдельные поручения местных властей, иногда весьма хлопотливые. Так, в августе 1812 года Котляревский, по поручению малороссийского (полтавского и черниговского) генерал-губернатора Я. И. Лобанова-Ростовского, сформировал конный казачий полк для борьбы с Наполеоном. В 1813—1814 годах, по поручению того же Лобанова-Ростовского, Котляревский несколько раз ездил в различные командировки в качестве доверенного его лица. Бывая часто в доме генерал-губернатора, Котляревский принимал участие в любительских спектаклях, в частности с успехом выступал в пьесах Я. Б. Княжнина («Сбитенщик», «Кутерьма»).

Таким же доверенным лицом и добрым знакомым остался Котляревский и для сменившего Лобанова-Ростовского на посту малороссийского генерал-губернатора Н. Г. Репнина (1816). После посещения Полтавы великим князем Николаем Павловичем Котляревский даже получил чин майора и значительную прибавку к жалованию в виде пенсии.

Любитель театра, Н. Г. Репнин способствовал привлечению в Полтаву одной из лучших провинциальных трупп — И. Ф. Штейна, среди актеров которой был М. С. Щепкин. Котляревского Репнин назначил директором театра: он должен был ведать административными вопросами и репертуаром. При ближайшем его участии было начато и доведено до счастливого окончания дело об освобождении Щепкина из крепостной зависимости.[1]

Служба, управление театром, литературные занятия заполняли все время Котляревского, вызывая уважение всех его знавших. Видный чиновник канцелярии Репнина М. Н. Новиков в одном из част-

---

[1] См.: И. Айзенштok, Из первых лет сценической деятельности М. С. Щепкина. — «Театр», 1938, № 8, с. 51—58.

ных своих писем так отзывался о поэте как начальнике Дома воспитания бедных: «Чиновник сей в кругу воспитанников представляет почтительного и строгого родителя; награда трудов его напечатлена всегда на лице его, удовольствие внутреннее и одобрение совести видны во всех чертах его, и он, колико строг в управлении воспитанниками, столько же заботлив о доставлении им удовольствия».[1]

Работа над поэмой, хотя и медленно, все же приближалась к окончанию. В 1821 году наконец были написаны последние две части. По крайней мере, отрывок из пятой части автор, вероятно по инициативе Н. И. Гнедича, предлагал «Соревнователю просвещения и благотворения», после того как был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности (29 августа 1821 года).

Однако ни в 1821 году, ни в 1827-м, когда Котляревского посетил молодой ученик историка М. П. Погодина, Н. А. Мельгунов, пытавшийся, по просьбе поэта, вести переговоры с издателями-книгопродавцами, ни даже в 1837 году, которым датировано письмо Котляревского к издателю И. Т. Лисенкову с предложением напечатать «Энеиду» целиком («я Энеиду кончил вполне до тех мест, как и Виргилий написал»),[2] — дело с изданием «Энеиды» не подвинулось вперед. Лишь незадолго перед смертью поэта издание было поручено харьковскому книгопродавцу Волохинову, но самая книга вышла в свет только в 1842 году, когда автора уже не было в живых. Из двух своих пьес, издание которых было поручено Котляревским молодому тогда ученому И. И. Срезневскому, впоследствии известному академику-слависту, поэт незадолго перед смертью увидел напечатанной только одну — «Наталку Полтавку», вторая, «Солдат-чародей», вышла в 1841 году.

В начале 1835 года Котляревский вышел в отставку «по расстроенному здоровью» и последние годы жизни провел в своем полтавском домике, построенном, как значилось в надписи на сволоке (потолочной перекладине), еще 1 августа 1705 года. Здесь он и умер 29 октября 1838 года. Незадолго перед смертью он дал вольную семье крепостных своих крестьян. Скудное свое имущество (несколько рукописей, немного книг) он завещал друзьям. Разошедшееся было по рукам рукописи поэта в настоящее время большею частью попали в государственные хранилища.

---

[1] І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, с. 165—166.

[2] Там же, с. 91.

3

В количественно обширной литературе о Котляревском, естественно, особенно значительно число работ, посвященных «Энеиде». В подавляющем большинстве своем работы эти касаются собственно двух кругов вопросов: во-первых, вопросов, связанных с жанром и генезисом поэмы (отношение «Энеиды» к другим пародийным и бурлескным произведениям на тот же сюжет в России и на Западе; иногда в этой связи затрагивается вопрос о связи украинской поэмы с «Энеидой» Вергилия); во-вторых, о «реализме» поэмы Котляревского, о характере социальной сатиры в ней.

Первый из названных вопросов с достаточной полнотой освещен в существующей литературе.[1] Нет также надобности подробно разъяснять, что по жанру своему «Энеида» Котляревского не является пародией, хотя ее неоднократно именовали таковой. Еще Н. Остолопов специально разъяснял: «Иные несправедливо принимают за пародию те сочинения, кои называют *вывороченными наизнанку*, как, например, «Енеиду», переложенную таким образом на французском языке Скарроном, а на русском Осиповым и Котельницким. Сей *выворот наизнанку* есть не иное что, как описание шуточным слогом тех происшествий, кои прежде описаны были слогом высоким».[2]

Этот же «выворот наизнанку» имел в виду А. П. Сумароков, когда во второй своей эпистоле («О стихотворстве») писал:

Он в подлу женщину Дидону превращает,
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк.

---

[1] Из основных, наиболее значительных, работ можно назвать: И. Стешенко, И. П. Котляревский и Осипов в их взаимоотношении. — «Киевская старина», 1898, № 7-8; Н. Дашкевич, Малорусская и другие бурлескные (шутливые) Энеиды. — Там же, 1898, № 9; І. Стешенко, Енеїда Котляревського і Котельницкого в порівнянні з іншими текстами.—«Записки Українського наукового товариства в Київі», кн. 9, 1911; A. Jensen, Kotljarewskyj's Äneida. — «Записки наукового товариства ім. Шевченка», т. 117—118, 1913; «Ирои-комическая поэма», «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1933 (статьи В. А. Десницкого и особенно Б. В. Томашевского); Н. К. Гудзий, «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная поэма XVIII в. — «Вестник Московского университета», 1950, № 7; П. К. Волинський, Іван Котляревський. Життя і творчість, Київ, 1955; О. І. Білецький, Котляревський і Осипов. — В кн.: «Письменник і епоха», Київ, 1963; Karel Krejčí, Heroikomika v básnictvé Slovanů, Praha, 1964.

[2] «Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым», т. 2, СПб., 1821, с. 342—343; ср. также с. 27—32: «Изнанка».

Итак, таких поэм шутливых склад двояк:
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гекто́р не на войну идет — в кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных он хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами. [1]

Эти строки были написаны в 1747 году, то есть более чем за сорок лет до появления в печати «Вергилиевой Енейды, вывороченной наизнанку» П. П. Осипова и примерно за полвека до выхода в свет «Энеиды» И. П. Котляревского, но, читая их, очень трудно отделаться от мысли, что Сумароков явно не мог не иметь в виду обе эти поэмы, — настолько точно схвачены в «Эпистоле» жанровые и стилевые особенности обеих поэм, в особенности первой из них. Нельзя исключить возможность того, что «Эпистола» Сумарокова подсказала Осипову жанровый замысел его поэмы, так же как немецкая поэма Блюмауэра подсказала его сюжетное воплощение.

В свое время А. И. Соболевский верно заметил, что «Энеида» Осипова «может быть названа переделкой, даже вольным переводом «Энеиды» Блюмауэра. Осипов следует по пятам за Блюмауэром, передавая последовательно, одну за другой, его строфы в семь стихов своими строфами в десять стихов и заменяя главным образом подробности немецкого быта подробностями быта русского. Так, например, у Блюмауэра Эней, придя в Карфаген, заходит в Kaffeehaus и спрашивает себе Milchkaffee, а у Осипова он идет в кабак и пьет водку». [2]

Думается, прав был Б. В. Томашевский, заметив, что «при травестировании Энея Осипов вовсе не думал ни о литературной пародии на Вергилия, ни о политической сатире. Его задачей было нагромождение комических положений. Следуя за Блюмауэром, Осипов размазывал его рассказ, отличающийся сравнительной краткостью... Стремясь к тому, чтобы поэма вышла как можно потешнее, Осипов

---

[1] А. П. Сумароков, Избранные произведения, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1957, с. 123.

[2] А. Соболевский, К юбилею И. П. Котляревского. — «Библиограф», 1889, № 10—11, с. 190.

до предела снижал язык и бытовую обрисовку персонажей. «Низкий» стиль переходил в стиль кабацкий, или, по терминологии того времени, — «бурлацкий». Герои преимущественно пьют сивуху и обмениваются «тулумбасами». В их речах преимущественно господствуют разного рода „забобоны“». [1]

Следуя своим бурлескным образцам — Осипову и Котельницкому — в построении и развитии сюжета поэмы, Котляревский отнюдь не стремился вслед за ними писать нарочито сниженным языком: он писал языком украинского народа, языком замечательной народной украинской поэзии, народных песен, сказок, дум.

Широкое использование Котляревским народного языка естественно подразумевало столь же широкое использование реалий повседневного народного быта, вместо бытовых реалий городских, сниженных в русской поэме Осипова.

Осипов так изображает житье-бытье праведных душ в подземном царстве Плутона:

Здесь хлеба черства оржаного
Умерши тени не едят,
И на стакан вина простого
Ни мимоходом не глядят,
Но для забавы и утехи
Медовы прянишны орехи
С коврижками всегда грызут;
Горячу жженку подпивают,
Калачиками заедают
И самоварный сбитень пьют.

Нетрудно видеть, что в этом описании использованы бытовые подробности, характеризующие несколько социальных городских групп: с одной стороны, «жженка», с другой — «медовы прянишны орехи», «калачики» и «самоварный сбитень». Котляревский значительно распространил перечисление лакомых яств, которые могли привлечь воображение читателя в картине загробной жизни праведников:

Они сидели, руки сло́жа,
Для них и в будни праздник был;
Покуривали трубки, лежа,
А кто хотел — горелку пил.
Но угощались там не пенной,

---

[1] См.: «Ирои-комическая поэма», «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1933, с. 254.

А третьепробною, отменной
(Ей вкусу придавал бадьян),
А также запеканкой пряной,
Анисовой или калганной.
В ней были перец и шафран.

Вареники, оладьи, пышки
На блюдах высились горой.
Все наедались до одышки
Пшеничных калачей с икрой.
Там кушали паслен, клубнику,
Чеснок, рогоз, терн, ежевику,
Крутые яйца с сыровцом,
Какую-то глазунью — чудо! —
Немецкое, не наше блюдо, —
А запивали всё пивцом.

Здесь, так же как и у Осипова, наряду с народными яствами упоминаются яства «панские» («калачи с икрой», «глазунья»), однако Котляревский дает этому объяснение: ведь к сонму праведников причислены —

. . .бедняки, хромцы, юроды,
Что слыли дурнями у всех;
Слепцы, калеки от природы,
Сносившие глумленье, смех;
Все те, что летом и зимою
Голодные, с пустой сумою
Дразнили по дворам собак,
С мольбой в оконницы стучали,
Но «бог подаст» лишь получали
И уходили натощак.

«Панские яства», таким образом, в соответствии с народными воззрениями, должны были служить очевидным воздаянием за все испытанные в прошлом лишения, голод и холод.

У Осипова образ Невтеса нарочито снижен. «Смекало, знахарь и волшебник, колдун и сильный ворожей», он в то же время

Самой был научен Минервой
Пронырствам и пролазам всем;
. . . . . .

Окинуть не успеешь глазом,
Как он опутает вдруг разом
Хотя какого удальца.

Котляревский, так сказать, переводит образ Невтеса («по-нашему звался — Охрим») в обстановку старосветской Украины и создает ему немногословную, но весьма выразительную характеристику и биографию:

Опасный человек, пройдоха,
Он ворожить умел неплохо,
Был ведьмам родич и свояк,
Знал заговор на кровь людскую,
Отшептывал трясучку злую,
Гатить плотину был мастак.
Бывал в Силезии с волами,
Не раз ходил за солью в Крым
И продавал тарань возами;
Все чумаки братались с ним.
Собой невзрачный, а смышленый, —
Умнее, чем иной ученый!
Словечки сыпал что горох:
И растолкует, и расскажет,
И узелок любой развяжет.
Вдобавок был не трус и жох.

Как явствует из приведенных примеров (количество их можно было бы умножить), для Котляревского основной задачей было не столько «выворачивание наизнанку» Вергилиевой «Энеиды», сколько перелицовка всех без исключения действующих и упоминаемых в поэме лиц под персонажей современной ему действительности, под персонажей исторического прошлого Украины. Именно поэтому Невтес у него оказывается Охримом, поэтому и Палинур переименован в Тараса, поэтому же, наконец, спустившись в «пекло», Эней встречает там бесчисленное множество своих товарищей. Их имена и образы возникают не из поэмы Вергилия и не из осиповского «выворота наизнанку», — они навеяны недавним прошлым Запорожской Сечи, ее преданиями, в ту пору еще особенно живыми и близкими.

Вот троянцы плывут морем где-то неподалеку от Сицилии, они поют песни: «И запорожских песен славных Немало им пришло на ум». Вот приехали они в Карфаген и после богатого пира стали развлекаться плясками и играми:

Бандура «горлицу» бренчала,
Сопелка «зуба» заиграла,
От дудки звон стоял в ушах.
«Санжарку» выводила скрипка,
И девушки плясали шибко
В суконных свитках, в сапожках.

Судьба забрасывает тех же троянцев во владения богатого и скупого царя Латина; царь, услыхав, «что хлебом-солью и дарами Почтил его Анхизов сын», начинает готовиться к встрече гостя: начисто подметаются хата, сени, двор, закупается обильное продовольствие, светлицы оклеиваются «печатными шпалерами», покупаются «картины затейные» у богомаза...

«Перелицованная» на украинский лад «Вергилиева Энеида» становится живым бытописанием «старожитной» Украины, быстро уходившей в прошлое, но по-прежнему дорогой и близкой любителям старины и родного народа. Картины этой старосветской Украины разбросаны на всем протяжении поэмы; они отрывочны, пестры, по большей части не связаны одна с другой, но в совокупности дают некую цельную картину, иногда овеянную дымкой легкой грусти по безвозвратно уходящему в прошлое большому и славному периоду истории украинского народа.

И тут же рядом поэт дает те же картины в неожиданно новом аспекте — сатирическом. Нет, не все, далеко не все так уже хорошо и примечательно в развеселой жизни, изображенной в украинской «Энеиде».

В развернутой панораме подземного царства, «пекла», в сменяющих одна другую сценах адских мук, на которые обречены разного сорта грешники, отдельные сатирические нотки сливаются в целую сатирическую симфонию, до сих пор поражающую воображение читателей заостренными бытовыми характеристиками «грехов», сочетающимися со столь же заостренно сатирическим изображением «пекельных кар» за них.

И примечательно, что поэт объясняет причины, по которым привлекается этот обширный «адский» материал. Он пишет:

Небесное поэту царство, —
Вергилий рассуждал умно
И знал все адские мытарства,
Да жил он чересчур давно!
Теперь, наверно, в пекле тоже

Всё по-другому, непохоже
На то, как было в старину.
Покойного слегка поправлю,
Что скажут старики — добавлю,
На новый лад пером черкну.

Картины адских мук оказываются также своеобразным «выворотом наизнанку» повседневного человеческого быта: в пекле все оказывается наоборот, хотя вместе с тем все удивительно повторяет обычные отношения людей на земле. Отталкивание поэта от знакомого всем быта позволяет ему дать панораму большой сатирической силы, панораму, в которой многие литературоведы видят черты (или «элементы») сатиры реалистической.

О «реализме» Котляревского пишут часто, иногда с оговорками («элементы реализма»), иногда без них, с завидной категоричностью историко-литературных оценок. Как правило, при этом смешиваются воедино совсем различные понятия: реальность бытовых деталей, бытовой обстановки, бытовых персонажей и реализм как художественное мировоззрение, предусматривающее, в классическом определении Ф. Энгельса, «кроме правдивости деталей верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах».

Автор одной из многочисленных статей, посвященных «реализму» Котляревского, А. Ф. Шамрай, пытался обосновать типичность «сатирико-бытовых портретов», данных в «Энеиде». «Хотя они, — пишет он, — по большей части очерчены в «Энеиде» лаконично, в коротких зарисовках, однако при том являются значительным шагом на пути Котляревского к реализму. Его зарисовки можно назвать ассоциативными именно потому, что, по-своему переосмысляя картины античного первоисточника, автор дает определенную оценку и тем объектам, с которыми сравнивает своих персонажей. Именно путем таких ассоциативных сопоставлений Котляревский выводит ряд бытовых типов современного ему общества. Венера, независимо от своей сюжетной функции, переносится в обстановку полкового быта, создается знаменитый образ полковой дамы, которая «все с военными жила». В няньке Аматы едко обрисован тип старой помещицы с ее патологической привязанностью к своему песику, в Лавинии — образ молодой щеголихи, начитанной в романах, и пр.»

Указав на несомненную будто бы связь «зарисовок» Котляревского с русской сатирической комедией XVIII века, автор статьи полагает, что «Котляревский выразительнее, чем кто бы то ни было, поднимается над наивными приемами раннего реализма, изображавшего смешное то ли в физических диспропорциях персонажа, то ли

в физиологических его преувеличениях». Между тем, продолжает А. Ф. Шамрай, Котляревский в своих персонажах «раскрывает социальную ограниченность того или иного образа в связи с его вкусами, привычками, обусловленными социальным его бытием. Так, преувеличенная развязность Венеры объясняется ее положением маркитантки, которая продавала «горелку с перцем» и стирала «офицерские манишки»; паразитическое существование няньки Лавинии обусловило ее привычки старой девы, так же точно, как замашки типичной жеманницы Лавинии смешны именно тем, что в них раскрываются недостатки господского воспитания того времени».[1]

Мы привели эту большую цитату, так как она в своем роде может быть признана характерной для многих литературоведческих работ об «Энеиде» Котляревского. А. Ф. Шамрай прав, когда пишет о бытовой точности выбранных им цитат. Но стоит выйти за пределы этих цитат, стоит только попробовать на основе цитат из «Энеиды» представить себе «биографию» Венеры, как все рассуждения о «типичности» образа рушатся.

Если обратиться к упоминаниям о Венере в разных местах поэмы, разнобой в характеристиках получится особенно пестрый и разительный. Вот, например, в начале поэмы Венера идет к Зевсу — предстательствовать за своего сына Энея:

Была Венера-вертихвостка
Востра и на язык бойка.
Смекнувши мигом, в чем загвоздка,
Кто настращал ее сынка,
Она приубралась, умылась,
Как в день воскресный нарядилась.
Пуститься в пляс бы ей к лицу!
В кунтуш люстриновый одета,
В очипке новом из грезета,
Явилась на поклон к отцу.

Судя по этому наряду, Венера изображена городской мещанкой либо богатой крестьянкой. Но в следующей части, спеша навестить Нептуна, она

Поехала в своем рыдване,
Не хуже сотниковой пани.

---

[1] А. П. Шамрай, Проблема реалізму в «Енеїді» І. П. Котляревського. — І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 1, Київ, 1952, с. 51.

Сотник в старопоместной Украине был значительной фигурой, и поэт остроумно дает представление о богатстве Венеры развернутым описанием ее возницы и упоминаниями о том, что «зверье — не лошади у ней» или что «три гайдука скакали сзади».

В пятой части снова упомянут выезд Венеры («к Цибеле... старой»), — на сей раз значительно более скромный, «на кобыле сухопарой»:

Вскочила в тарантас богиня,
На облучок сел Купидон.

И, наконец, в шестой части последняя, наиболее развернутая «характеристика» Венеры, — именно та, которая дала А. Ф. Шамраю повод к приведенным выше замечаниям:

Венера молодицей смелой,
Живя с военными, слыла.
Битки в трактирах с ними ела,
Без церемоний пунш пила;
Привыкла щеголять в шинели,
Спать на соломенной постели,
Горелку с перцем продавать,
Мыть офицерские манишки,
В возке трястись без передышки,
Днем печься, ночью замерзать.

К каким бы «ассоциативным сопоставлениям» ни прибегать, приведенные цитаты не дают никакого материала для утверждения о том, что Котляревский, упоминая в поэме о Венере, имел в виду создать какой-то единый ее образ. Совершенно очевидно, что этот образ создавался в каждом отдельном случае самостоятельно, без оглядки на другие упоминания в поэме. Любое упоминание о Венере в поэме содержит ряд конкретных, живых бытовых деталей, но эти отдельные детали существуют разрозненно, каждая сама по себе, они не имеют ни малейших претензий дать в совокупности своей некий единый, цельный образ, тем более — образ типический. [1]

То же можно повторить и относительно любого другого персонажа «Энеиды», не исключая основного — самого Энея. Как в свое время хорошо подметил Н. К. Зеров, [2] Эней Котляревского не имеет

---

[1] Близкую к нашей оценку вопроса о «реализме» «Энеиды» дал Е. П. Кирилюк в докладе на VI Международном съезде славистов: «Український реалізм літератури слав'янських народов у XIX ст.» (Київ, 1968, с. 7).

[2] М. З е р о в, Нове українське письменство. — Історичний нарис, Київ, 1924, с. 44—45.

ничего общего с бледным и пассивным героем Вергилия. Он не ставит, как этот последний, свои намерения и поступки в зависимость от воли богов, не ищет проявлений этой воли в пророчествах и таинственных знамениях.

В первых же стихах поэмы он характеризуется как живой, «бедовый» «парубок», «на шашни прыткий, непутевый», как коновод «бритоголовых голодранцев», вместе с ними удравший от захвативших Трою греков. Эта первоначальная характеристика в дальнейшем многократно подтверждается всем содержанием первых четырех частей поэмы. Эней лихо пляшет («как на аркане жеребец») в Карфагене, сводит с ума Дидону, совсем при этом забывая о заповеданной ему богами задаче — основании Рима. Это развеселый бродяга, воплощение распространенного в народных сказках и песнях, в школьных интермедиях образа запорожца, только лишенный традиционного запорожского удальства, иногда даже просто трусоватый: на гневный оклик «хозяина Олимпа», «хвост поджавши, как щенок, Эней затрясся, словно Каин».[1] Даже узнав о смерти любившей его и полюбившейся ему Дидоны, Эней

Небесное сулил ей царство,
Себе — чтоб кончились мытарства
И новая вдова нашлась!

Таков Эней первых частей поэмы.

В последних двух частях «Энеиды» значительно реже и короче упоминается о «пьянственных подвигах» героя и его буйной ватаги. Эней предстает здесь перед нами рассудительным и предусмотрительным государственным мужем. Он успешно ведет дипломатические переговоры, заключает государственные союзы, умело командует войсками, храбро проводит поединок с Турном и серьезно выполняет свою миссию создателя новой Трои. Когда в шестой части поэт, по старой памяти, говорит о нем: «Эней — пройдоха, сам не промах», — это кажется несправедливым и неуместным. Ибо теперь Энея характеризуют совсем иные черты.

В тонкой и изысканной форме он отдает последние почести убитому в сражении союзнику (речь над телом Палланта); он полон чувства собственного достоинства; теперь это рыцарь, «к добру с рожденья склонный». Он храбр и могуч в сражениях, но в то же время готов прекратить ненужную драку, ибо — «зачем всех сангвис

---

[1] Ср. также поведение Энея в начале третьей части (встреча с Сивиллой, путешествие в пекло).

проливать? . .» Одним словом, это уже не запивоха-буян, не отчаянный гуляка-сердцеед, а мудрый и рассудительный запорожский атаман, отец казацкий, вроде многих, чьи имена сохранила благодарная память народная.

Нужно при этом еще иметь в виду: образ Энея в поэме основной, «стержневой», автор несомненно уделял ему особое внимание, — поэтому и отмеченный разнобой в его характеристиках представляется особенно выразительным. Этот разнобой показывает, что к поэме Котляревского нельзя подходить с мерилами реалистического искусства, что сам поэт, совершенно очевидно, вовсе не задавался задачей типизации своих персонажей, вполне довольствуясь верностью создаваемых им бытовых картин, бытовой точностью обстановки, костюмов и пр. Но все это само по себе, конечно, не является реализмом в современном значении этого термина.[1]

Говоря о Котляревском, об «Энеиде» в частности, пора уже перестать рядить его в ризы «реалиста», — право же, этим нисколько не будут умалены ни блестящий его талант, ни богатство и точность изображаемых им бытовых подробностей, сцен, персонажей! И замечательная его поэма ни на волос не утратит от этого ни своей привлекательности для читателя, ни своей ценности как плодотворного начала нового периода в развитии украинской литературы — для историков этой литературы.

4

Выше сообщалось, что Котляревский писал свою поэму на протяжении двадцати шести лет. Начинал он ее под свежим впечатлением от успеха переделки Осипова, когда даже далекий от увлечения бурлескной поэзией Карамзин в своей рецензии на первую часть «Енейды» признавал: «По справедливости можно сказать, что в нашей *вывороченной наизнанку* Энеиде есть много *хороших и даже в своем роде прекрасных мест*».[2] Заканчивая свою поэму, Котляревский уже мог познакомиться с «Русланом и Людмилой», конечно знал баллады Жуковского, басни Крылова, прозу Карамзина.

В начале девяностых годов XVIII века ни у кого из читателей не могло возникнуть сомнений относительно высокой эстетической

---

[1] См. в этой связи очень тонкие и содержательные замечания Г. А. Гуковского в его книге: «Пушкин и проблемы реалистического стиля», М., 1957, с. 144—145.

[2] «Московский журнал», ч. 6, 1792, май, с. 205; цит. по кн.: «Ирои-комическая поэма», «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1933, с. 255.

ценности произведений Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова. Сумароков, например, для этого времени «прекраснейших стихов разумнейший творец», «творец преславныя и пышныя Семиры», «наперсник Боалов». Когда Херасков написал «Россиаду» (1779), «несколько петербургских литераторов и любителей литературы собирались несколько вечеров сряду у Н. И. Новикова, чтобы обдумать и написать разбор поэмы, но не могли: тогда еще было не по силам обнять столь большое произведение поэзии!»[1] В начале двадцатых годов XIX века Хераскова, не говоря о Сумарокове, читали одни только немногие литературные староверы.

Уже априорно можно было бы предположить, что это общее изменение читательских вкусов не могло не затронуть и Котляревского, не могло не отразиться в его поэме, несмотря на всю «заданность» ее стилистики. Действительно, уже в одной из первых историко-литературных статей, посвященных «Энеиде», было отмечено, что «цельность поэмы страдает и оттого, что последние песни ... написаны в другом тоне, нежели первые».[2] В настоящее время замечания об этом стали общим местом. Выше мы вскользь коснулись этой разницы, заговорив об эволюции образа Энея в поэме.

Она особенно наглядно прослеживается на материале одного из наиболее характерных элементов стилистики «Энеиды» — ее сравнений.

В произведении, подобном поэме Котляревского, сравнения нарочитым своим подбором, своей неожиданностью, наличием подтекста, прямо противоположного тому, о чем идет речь, — должны подчеркивать шутливый, насмешливый характер «выворота наизнанку».

Действительно, сравнения первых частей «Энеиды» полностью соответствуют этой цели: как правило, они коротки, образованы большей частью с помощью союзов и наречий «как», «словно», «точно». Юнона «тут раскудахталась, как квочка»; «И пестовалась как с болячкой, Как с трясавицей иль горячкой, с Энеем пани каждый день»; «Взыграл и сам Эней-троянец, Как на аркане жеребец»; «Они, как брагу поросята, Горелку начали лакать»; «Уставились на схватку боги, Как жабы летом из росы»; «И как собака, хвост поджавши, Венера стала у дверей»; «С чего насупился ты грозно И, как индюк, раздул кадык? С чего затосковал ты слезно, Как по болоту, мол, кулик?». Самый характер сравнений — преимущественно с животными,

---

[1] М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 31—32.

[2] Н. М. В. ⟨Н. М. Минский⟩, И. П. Котляревский. — «Новь», 1885, № 4, с. 708.

болезнями и т. п. — должен был непосредственно, «в лоб» соответствовать бурлескному характеру поэмы.

Сравнений иного рода, то есть без прямого столкновения самого предмета сравнения с его «выворотом наизнанку», значительно меньше: Дидона «оделась, как в корчму на танцы»; «Эней как будто с неба — шасть!»; Эней «мутил, как на селе солдат»; Энею «уж больно море надоело, Как дождь осенний — чумакам»; «Хлестало с неба, как из бочки»; Дидона «побагровела, словно рак, Остервенилась, расшумелась, Как будто белены объелась».

В последних двух частях поэмы значительная часть сравнений принадлежит к той же категории, подсказывавшейся бурлескным характером поэмы: «Вулкан и сам размяк, что кваша»; «Меня раздавят, словно гниду»; «Юпитер ... свирепо гаркнул старый, Как на собак псари орут»; «Уж больно вы до смертных падки — Что грек до нежинских колбас»; Венера «сидела на цепи, как сучка»; Турн «ерзает, как черт в болоте»; «Сначала подскочил к Камилле, Как добрый жеребец к кобыле».

Но рядом с этими сравнениями — их можно назвать «традиционными» — мы встретим здесь сравнения совсем иного рода, например распространенные сравнения, каких раньше Котляревский не знал:

Как вихрь бушует на дорогах,
Как воды пенятся в порогах,
Так в ярости Эней летит.

Еще выразительнее другой пример:

Как волк в овчарне втихомолку
Смиренных потрошит ягнят,
Как хищный хорь, подобно волку,
Терзает в темноте цыплят,
Как, накуривши дымом серным,
В ночи, с нахальством беспримерным,
Без шума крадут бурсаки
Гусей, индюшек, уток жирных
Из хлева у гевалов мирных
(Чем промышляют и дьяки), —

Так наши смелые вояки,
В рутульский стан сумев залезть,
От крови красные, как раки,
Энея защищали честь.

В первом примере сравнение вовсе лишено бурлескного оттенка, во втором — стиль бурлеска налицо, хотя начато и закончено это распространенное сравнение вполне серьезно. В последних двух частях такие «серьезные» сравнения встречаются не раз. Вот несколько примеров: «как волна волну сменяла, Так дума думу прогоняла»; «Как молния летит сквозь тучу, Врага настиг в один момент»; «Как искра с порохом зажженным Должна исчезнуть заодно, Так Низу с ворогом сраженным Погибнуть было суждено».

Даже «зоологические» сравнения уже не несут обязательной установки на комизм; ср., например:

У Турна помутился разум.
Что супротив него Полкан!
Знай носится на Белоглазом,
Ревет, как раненый кабан.
Летит к Ролланту, лошадь хлещет,
Зубами лязгает, скрежещет, —
Вот вот укусит молодца!
Турн саблищей как замахнется
Да к шее конской как пригнется!
Так ловит хитрый кот скворца.

Можно спорить относительно бурлескного характера второго из отмеченных здесь сравнений, но первое, несомненно, имеет вполне серьезный характер, точно так же, как несколько дальше: «Как ястреб хищный на цыпленка, На Мага напустился он».

Примечательно появление в последних двух частях «Энеиды» сравнений сентименталистского характера: «Эней в беде — как птичка в клетке; Запутался, как рыбка в сетке, Теряясь в мыслях, молодец».

Особенно выразительна в этом отношении сцена смерти Паллаита:

Палланта он мазнул чеканом
По черепу что было сил,
Царевича с коня стащил.
Из раны кровь текла густая
И запеклась, уста смыкая.
Недолог был Палланта век.
Увял, сердешный, поневоле
Былинкой скошенною в поле:
Турн череп надвое рассек.

И, наконец, момент бегства Эвриала и Низа из вражеского лагеря:

Они, попавши в передрягу,
Бегут, быстрее гончих псов.
Бедняги к лесу дали тягу
От супостатов, от врагов, —
Так пара горлинок невинных
Летит — спастись в лесах пустынных
От хищных ястреба когтей.

Продолжая наши наблюдения, можно было бы, например, припомнить сцену свидания Венеры с Вулканом (часть пятая):

Венера, соскочив с полатей,
Простоволосая, в халате,
К Вулкану кралась босиком,
Как будто с ним и не венчалась,
А скрытно по ночам встречалась
И в кузню бегала тайком

и т. д.

Вся эта распространенная сцена, вместе с заключительной строфой («Кто станет осуждать Венеру?» и т. д.), сделана по образцу сентиментально-эротических произведений Макарова или Шаликова. Полное отсутствие бурлеска мы усматриваем в характеристике Эвриала, в его прощальном обращении к Иулу; здесь также довольно явственно пробиваются черты сентименталистского стиля, — самого Эвриала поэт называет «нежным» (в оригинале еще выразительнее: «чулий», то есть «чувствительный»).

Как ни разрозненны эти наблюдения, в совокупности своей они довольно согласно подсказывают мысль о том, что, начав свою поэму как бурлескную, поэт затем явно эволюционировал в своих художественных вкусах в сторону сентиментализма (это отразилось также в «опере» «Наталка Полтавка»). Вынужденный придерживаться в своей поэме избранного бурлеска, поэт все чаще отходил в сторону от такой легкой и некогда привычной шутливой манеры, все чаще допускал соединение элементов бурлескного и сентименталистского стилей.

Примером подобного смешения двух стилей может служить большая сцена сумасшествия матери Эвриала после его смерти и ее причитания. Н. К. Зеров полагал, что «сцена ее плача над сыном принадлежит к самым фальшивым сценам «Энеиды», особенно если сравнить ее с «поэтичным плачем матери Эвриала у Вергилия»: «Там,

ошеломленная горем, она не находит сил для проклятий; она вся изливается в скорбных жалобах: пускай рутульские стрелы унесут и ее ненужную ей жизнь, а великий отец всех богов смилосердится над нею, пославши ей смерть и право войти в Тартар». [1]

Думается, в данном случае сравнение поэмы Котляревского непосредственно с созданием Вергилия неправомерно, уже потому прежде всего, что Котляревский не подражал Вергилию и не переводил его поэму, а «выворачивал ее наизнанку». В действительности в данной сцене как раз очень отчетливо отразилось то сочетание различных манер изложения (бурлескной, сентименталистской), о котором шла речь выше. Припомним, что в первых частях поэмы Котляревский по возможности старался обойти трагичные моменты: сцену смерти Дидоны в первой части он включил лишь в третье (первое авторское) издание поэмы, нет никаких данных о том, что сцена эта существовала раньше.

Сцена отчаяния матери Эвриала сначала напоминает сцену отчаяния Дидоны в первой части поэмы: поэт ограничивается протокольной передачей действий старухи («Как будто разум потеряла: Седые волосы рвала И в грудь со стоном ударяла, Лицо щипала и скребла» и т. д.). Что же касается самого причитания, то оно совершенно лишено бурлескных моментов и является перепевом украинских народных причитаний и плачей.

Нам кажется, что эти отклонения от принятого с самого начала тона поэмы, во-первых, убедительно объясняют, почему именно последние части поэмы представлялись читателям художественно более слабыми, нежели первые; во-вторых, дают повод для предположений о творческой эволюции Котляревского-поэта, позволяют утверждать, что эволюция эта шла от классицизма (хотя бы и в такой форме, как бурлеск) к сентиментализму.

Эти утверждения и предположения в свою очередь позволяют кое в чем по-новому посмотреть и на драматургическое творчество Котляревского, по времени непосредственно предшествовавшее работе поэта над последними частями своей знаменитой поэмы.

5

Работа над «Энеидой», привлекавшая, как мы видели, творческое внимание Котляревского в течение двадцати шести лет, по всей справедливости может быть названа делом всей жизни поэта. Остальные его произведения, — их очень немного, — частью не тре-

---

[1] М. З е р о в, Нове українське письменство, с 45—46.

буют подробных характеристик и объяснений, частью принадлежат к иным литературным жанрам и, естественно, могут быть упомянуты в настоящей статье более общо и коротко.

В конце 1804 года Котляревский написал «Песню на новый 1805 год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину», которая в старых изданиях иногда называлась «Одой князю Куракину». Опубликованная сравнительно поздно, «Песня» широко распространялась в списках.

Ко времени публикации «Песни» старая одическая традиция уже давно прекратилась; самая «Песня» первым ее публикаторам представлялась каким-то поэтическим анахронизмом, весьма сомнительным по своим тенденциям и, во всяком случае, резко отрицательно характеризующим поэта. Так, П. А. Кулиш считал «Песню» «наполненной грубой лестью», характеризовал ее как уродливые и антинародные вирши, предназначенные единственно для того, чтобы привлечь внимание первой «особы» в Полтаве к скромному поэту-автору, так же как это делали в XVIII веке многие пииты.[1]

Эта резкая характеристика существовала до тридцатых годов XX века.

Были, однако, оценки и совсем иного рода: автор нескольких серьезных работ о Котляревском И. Стешенко считал «Песню» произведением «необыкновенно важным» «для определения личности» поэта, произведением, в котором «поэт продолжает быть не только украинским писателем и притом человеком добросердечным, ... гражданином в лучшем значении этого слова, является поборником не-феодальной правды».[2] Существенным следует признать также замечание историка Полтавы о том, что, обращаясь к А. Б. Куракину с «Песней», Котляревский не мог ожидать для себя лично никаких выгод, так как находился в то время на военной службе и ни в малейшей степени не зависел от влиятельного вельможи. Это выглядит тем более многозначительно, что сменившим Куракина на посту малороссийского генерал-губернатора Лобанову-Ростовскому и Репнину Котляревский никаких посланий не посвящал, хотя с обоими был довольно близок.[3]

Обращаясь к Куракину с посланием, Котляревский, видимо, был действительно восхищен деятельностью просвещенного вельможи, который, будучи назначен генерал-губернатором в родную поэту

---

[1] «Основа», 1861, № 1, с. 251.

[2] И. Стешенко, Иван Петрович Котляревский, автор украинской «Энеиды» (Критическая биография), Киев, 1902, с. 21.

[3] И. Ф. Павловский, Очерк жизни и деятельности малороссийского генерал-губернатора князя Куракина, Полтава, 1914, с. 123.

Полтаву, вознамерился сделать этот захолустный город достойной своей резиденцией. Вместе с тем Котляревского, с присущей ему «наклонностью к добру», не могли не прельщать такие черты Куракина, как его доступность для всякого рода просителей, его широкая благотворительность, его энергия администратора. Свое восхищение поэт и выразил «Песней»; какого бы то ни было «искательства» с его стороны в ней, конечно, не было.

В «Песне» Котляревского очень многое напоминает образцы традиционной оды: и одическая десятистрочная строфа с традиционным же распределением рифм, и размер, и общий характер стихотворения, призванного прославить лицо, которому оно посвящено. Вместе с тем украинский язык «Песни», отсутствие в ней «лирического восторга», при котором одописец, говоря словами поэта, —

. . .вскидает всюду взгляд,
Взлетает к небесам, свергается во ад
И, мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны, —

столь же близко напоминает традиционные украинские рождественские, пасхальные или новогодние поздравительные вирши, отличаясь от них «правильным» стихосложением и живым народным языком. Думается, сочетание обоих указанных источников и породило «Песню» — стихотворение, соединившее в себе наивную простоту школьных виршей с одической торжественностью.

Сказанное исключает существовавшие предположения, будто бы «Песня», подобно «Энеиде», также представляет собою травестию, что в ней действительность «вывороченa наизнанку», что «Песня», таким образом, двоемыслена, скрывает в себе некий подтекст.

То, что могло дать повод для предположений о травестии, вывороте, — прежде всего легкий, живой стих с подчеркнуто сниженными, разговорными интонациями, народная лексика, которой автор владел безукоризненно, — возникло, с одной стороны, от недостаточной разработанности украинского литературного языка (к 1805 году ведь даже «Энеиды» была написана лишь меньшая половина), с другой — было своеобразным художественным приемом. Автор нарочито прикидывался простаком, чтобы таким образом оправдать свою позицию человека, не устающего без конца восхищаться всеми плодами деятельности адресата «Песни».

О том, что этот художественный прием оказался удачным, свидетельствует не только широкая известность «Песни» далеко за пределами Украины (мне известно около двадцати ее списков, в разных

хранилищах всего Советского Союза), но и многочисленные подражания ей.[1]

В конце 1817 года малороссийский генерал-губернатор Н. Г. Репнин пригласил в Полтаву труппу И. Ф. Штейна, которую современники признавали одной из лучших провинциальных трупп в России Замыслив превратить свою официальную резиденцию, Полтаву, в своего рода «украинские Афины», Репнин, по рассказу современника, «вознамерился устроить там постоянный театр и бывшую труппу Штейна принял под свое особенное покровительство». «В развалинах одного казенного здания, — рассказывает тот же современник, — устроен был театр, довольно удобный и поместительный. Предложена была и подписка на абонемент лож и кресел как городским жителям, так и окрестным дворянам. Таким образом составилась сумма, хотя на первый раз и незначительная, но с помощью собственно от князя Н. Г. Репнина — достаточная, чтобы устроить декорации, нанять довольно хороший оркестр (помещика Маркова) и всем актерам назначить хоть какое-нибудь постоянное жалованье».[2] Украшением труппы в это время был М. С. Щепкин, выносивший на себе обширный репертуар; сам Штейн, поссорившийся с труппой, в Полтаву не поехал и занялся преподаванием танцев в Харьковском институте благородных девиц.

Репнин назначил двух директоров труппы; одним из них стал Котляревский. Несколько раз в году труппа выезжала на гастроли в Чернигов, Харьков, Ромны. Поездки эти, весьма выгодные в материальном отношении, были по необходимости ограничены короткими периодами ярмарок, дворянских выборов и т. п. Большую же часть года труппа была вынуждена проводить в провинциальной и малолюдной Полтаве. И хотя тот же осведомленный современник (А. О. Имберг, полтавский чиновник, разделявший с И. П. Котляревским тяготы директорства) сообщает, что «публика, желая угодить князю, да и для собственного своего удовольствия, употребляла все усилия, чтобы дело не пошло назад, и вот предприятие это достигло, наконец, того, что возрожденный театр посещали охотно и сбор заметно увеличивался»,[3] — сохранившиеся архивные документы

---

[1] Соответствующий материал собран в книгах: І. Айзеншток, Українські пропілеї, т. 1, Харків, 1928; «Бурлеск і травестія в українській поезії першої половини XIX ст.», Київ, 1959. См. также: П. Попов, Вітчизняна війна 1812 р. у відображенні сучасної їй поезії на Україні. — «Філологічний збірник Київського державного університету», 1952, № 4.

[2] Воспоминания А. О. Имберга. — «С.-Петербургские ведомости», 1864, 5 октября.

[3] Там же.

красноречиво опровергают его утверждения. 15 октября 1818 года Котляревский доносил Решшну, что «сборы по театру здесь так малы, что жалованья за сентябрь не всем еще актерам выдано. В один вечер в театр пришли только четыре зрителя, взносу сделали 14 р., и я принужденным нашелся отказать в спектакле».[1]

С деятельностью полтавского театра, состав труппы которого был необычайно силен,[2] связано и появление двух пьес И. П. Котляревского: «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей». Обе они были написаны в 1819 году и тотчас же сделались пьесами «репертуарными» — качество, которое они сохраняют вплоть до настоящего времени. Обе пьесы были близко связаны с репертуаром полтавского театра.

С особенной отчетливостью это видно в первой из пьес, в «Наталке Полтавке». Она возникла как резкий полемический протест против одной из особенно часто ставившихся в эти годы пьес А. А. Шаховского — «анекдотической оперы-водевиля» «Казак-стихотворец». Герой этого водевиля — украинский казак-поэт Семен Климовский, которому приписывается сочинение нескольких популярных народных песен. Уходя на войну со шведами (действие оперы происходит во времена Петра I, вскоре после Полтавской победы), Климовский, «хороший стихотворец, храбрый воин», оставляет в родном селе любимую девушку, дочь бедной вдовы Добренчихи. Так как от Климовского долгое время нет никаких известий, к Марусе сватается «казацкий тысяцкий», пан Прудиус, которому помогает писарь Грицько. Прудиус уверил Марусю, что ее милый погиб в сражении со шведами; когда же Климовский неожиданно возвращается, тысяцкий и писарь возводят на него поклеп, будто бы он растратил деньги, присланные царем для возмещения потерь, понесенных жителями села от военных действий; на самом же деле деньги давно были получены и присвоены Прудиусом. Все эти хитрые махинации раскрывает некий князь, присланный с денщиком Деминым проверить, дошла ли до народа царская милость. Они

---

[1] І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, с. 82.

[2] Кроме Щепкина в состав труппы входил, например, актер И. В. Угаров. Щепкин характеризовал его как «существо замечательное, талант огромный», добавляя тут же следом: «Добросовестно могу сказать, что выше его талантом я и теперь (то есть в 40—50-х годах. — *И. А.*) никого не вижу» («Михаил Семенович Щепкин. Записки. Письма. Современники о Щепкине», М., 1958, с. 117). Входили в состав труппы также супруги Налетовы; Е. В. Налетова была первой исполнительницей роли Наталки.

разоблачают плутни Прудиуса и Грицька и содействуют соединению Маруси и Климовского.

Подобно всем пьесам Шаховского, «Казак-стихотворец» был сделан с большим мастерством, основная тема пьесы — борьба народа с иноземным врагом, многочисленные намеки и аллюзии усиливали ее злободневность накануне и в первые месяцы Отечественной войны 1812 года, когда она появилась на сценах страны.

Успеху пьесы содействовали введенные в нее украинские песни, гармонизованные композитором К. Кавосом.

Однако на Украине произведение Шаховского возбудило общее негодование зрителей, прежде всего потому, что язык большинства персонажей — по замыслу автора украинский («малороссийский») — в действительности был искусственной, надуманной подделкой, каким-то жаргоном, оскорблявшим слух всякого, кто знал, как говорят украинские крестьяне. Кроме того, Шаховской историю Украины и быт ее народа знал очень приблизительно, — это также повело за собою ряд крупных и мелких ошибок, незаметных для русских зрителей, но резко бросавшихся в глаза зрителям-украинцам.

Мы подробно остановились на всех этих обстоятельствах, так как они всего лучше помогают раскрыть полемический характер замысла «Наталки Полтавки».

Сравнивая водевиль с предшествовавшей ему и сопутствовавшей комической оперой, Шаховской в одной рецензии писал: «Комическая опера требует простоты и ясности в плане, быстроты в ходе и гораздо более действия, чем разговора. В водевиле же, напротив, зритель не ищет ни быстрого действия, ни привлекательного содержания, но довольствуется остротою разговора и замысловатостью стихов, которые поют обыкновенно на известный голос. Автор водевиля, не делая вреда своей пьесе, часто помещает ненужные явления и вводит посторонние действующие лица, единственно для того, чтобы сказать несколько острых слов и пропеть шутливые или сатирические куплеты. От сего пьеса, сочиненная водевилем, часто делается суха и растянута, когда к ней прибавят дуэты, трио, квартеты и финалы, необходимые для комической оперы». [1]

Независимо от того, читал ли Котляревский эти теоретические высказывания, затерянные на страницах театрального журнала, они представляют интерес, как суждения крупнейшего драматурга и теоретика начала века. Во всяком случае, они помогают кое-что

---

[1] «Драматический вестник», 1808, ч. 1, № 25, с. 201—202; цит. по кн.: А. Гозенпуд, Музыкальный театр в России от истоков до Глинки, Л., 1959, с. 552.

уяснить в композиции «Казака-стихотворца», а заодно и «Наталки Полтавки».

Обе пьесы содержат отдельные сцены, казалось бы не имеющие прямого отношения к развитию действия, даже тормозящие его, но в свое время вызывавшие живейший интерес к себе. Современников эти сцены, подсказанные самим жанром водевиля, привлекали непосредственными откликами на злобу дня. В «Казаке-стихотворце» это — ряд острых политических аллюзий, сталкивавших между собою события 1709 и 1812 годов. В «Наталке Полтавке» это — большая сцена (действие 2, явление 7) беседы Петра, Миколы, Возного и Выборного, не требовавшаяся драматургической интригой, но также подсказанная и оправданная жанровой спецификой пьесы, раскрывавшая, что в основе замысла пьесы был водевиль, впоследствии уже выросший в «оперу», что, наконец, Котляревский, создавая «Наталку Полтавку», живо откликался на местные события.

Необычайно актуальным для полтавского зрителя 1819 года был, например, разговор о постройке в Полтаве тротуаров и связанных с этим мероприятием обязанностях домовладельцев. Позднее эту сцену обычно сокращали во всех изданиях пьесы, начиная с первого, вымарывали ее при постановках «Наталки Полтавки» за пределами Полтавы: она и впрямь не нужна для хода действия.

Еще более животрепещущим и вместе с тем острополемическим было упоминание в той же сцене о впечатлениях Петра от посещения Харьковского театра, куда «вечером съезжаются паны, сходятся всякие люди, кто заплатить может, и смотрят комедию». Молодому полтавскому казаку Петру «полюбилась наша малороссийская комедия. Там была Маруся, были Климовский, Прудиус и Грицько», — речь, очевидно, идет о «Казаке стихотворце». Они, продолжает Петро, «пели русские песни на наш голос. Климовский танцевал с солдатом. А что говорили, понять было трудно, потому что эту штуку написал москаль по-нашему и очень слова перепутал».

Высказав со сцены мнение о языке пьесы Шаховского, Котляревский затем, устами тех же действующих лиц, дает оценку исторической правдивости «Казака-стихотворца». На замечание Петра, что «Климовский человек образованный, песни складывал и выборным казаком был. Служил в полку пана Кочубея во время баталии со шведами под нашей Полтавой», — следует справедливое возражение, что «в славные полтавские времена ... Кочубей не был полковником и полка не имел. Пострадавший от изверга Мазепы... Василий Леонтьевич Кочубей был генеральным судьей, а не полковником». А на новое замечание Петра, что в пьесе Шаховского «и Искру почитают», — следует новое разъяснение: «Искра, шурин Кочубея, был

полковником полтавским и пострадал вместе с Кочубеем чуть не за год до Полтавской баталии. Следовательно, думать надо, что полком он не командовал во время сражения при Полтаве».

Котляревский, однако, не ограничился прямыми возражениями со сцены по поводу фактических и языковых несообразностей водевиля Шаховского. В «Наталке Полтавке» он очень близко повторил сюжетную ситуацию «Казака-стихотворца», повторил и намеченное Шаховским распределение действующих лиц: паре влюбленных, Марусе — Климовскому, у него соответствуют Наталка и Петро; паре негодяев, Прудиусу и Грицьку, — Возный и Выборный; матери Маруси, Добренчихе, — Горпина Терпелиха. И, наконец, князю и Демину в пьесе Шаховского Котляревский противопоставил казака Миколу, освободив таким образом разрешение сценического конфликта от вмешательства сторонней «высшей силы», сделав это разрешение более простым и естественным с точки зрения существовавших бытовых отношений на Украине.

К сказанному следует еще добавить, что, вслед за Шаховским, Котляревский ввел в свою пьесу много песен, отчасти подлинных народных, отчасти специально им сочиненных — очень удачно, поскольку большинство этих песен также затем вошло в народный песенный обиход.

И еще одно. В пьесе А. А. Шаховского каждое из действующих лиц являлось носителем одной определенной группы черт характера, более всего определявшихся существовавшими в то время сценическими амплуа. Этому в значительной степени следовал и Котляревский, однако, в отличие от Шаховского, он стремился сделать действующих лиц не отвлеченными «персонажами», но живыми лицами, показав почти каждого из них, так сказать, в нескольких ракурсах. Даже Возный, наиболее традиционный персонаж пьесы, в конце концов оказывается не только и не просто «комическим злодеем», как Прудиус: он не лишен здравого смысла, и в монологе заключительной сцены («Размышлял я предовольно...») даже изъясняет свою всегдашнюю расположенность к добрым делам, хотя, «за недосужностию по должности и за другими хлопотами, доселе ни одного не сделал». Детальный анализ роли Возного дал повод одному из критиков энергично возражать против установившихся трафаретов в исполнении этой роли и характеризовать Возного как чуть ли не последователя идей украинского просветителя философа Сковороды.[1] С этой характеристикой можно и должно спорить, но уже

---

[1] Александр Русов, Какая роль Возного в «Наталке Полтавке». — «Киевская старина», 1904, № 1, с. 41—64.

самое ее появление показывает, что образ Возного отнюдь не исчерпывается его ежеминутно повторяемой присказкой («те-то, як його» — «как его, того-сего»).

При всем том нельзя говорить о «Наталке Полтавке» как о произведении реалистическом — примерно по тем же соображениям, какие приводились выше применительно к «Энеиде». Котляревский не предполагал отходить от традиций жанра водевиля (или оперы-водевиля), вовсе не собирался отказываться от сентименталистского показа действительности. Он лишь стремился к сохранению в своей пьесе подлинных деталей украинского крестьянского быта и бытовых отношений, — в этом тоже была полемика с пьесой Шаховского, который украинского села не знал вовсе и пользовался уже созданными до него трафаретами в изображении села «вообще»; придуманный им язык персонажей, якобы украинский, и несколько народных песен, вставленных в пьесу, призваны были придать пьесе входивший в моду национальный, простонародный в частности, колорит.

Что касается второй пьесы Котляревского, водевиля «Солдат-чародей», то, как давно уже установлено, она является украинской переделкой очень распространенного во многих литературах мира анекдота о солдате (студенте, клерке), который, выдавая себя за колдуна, разоблачает любовников, собиравшихся обмануть недалекого и доверчивого мужа. Н. П. Дашкевич, посвятивший специальное исследование обозрению возможных «источников» «Солдата-чародея»[1], полагал, что Котляревский обработал французский фарс «Le soldat-magicièn» Д'Ансома, отметив, впрочем, вместе с тем самостоятельность Котляревского в обрисовке действующих лиц. Предположение Н. П. Дашкевича неизменно упоминается во всех работах о Котляревском, хотя большинство авторов высказывает сомнения в том, что фарс Д'Ансома в самом деле мог попасть в украинскую глушь. Однако и помимо этого своего предположения Н. П. Дашкевич собрал большой материал, показывающий, что сюжет «Солдата-чародея» принадлежит к категории весьма распространенных во многих странах «бродячих сюжетов»; бытует этот сюжет и в украинском фольклоре.

Значительно существеннее то новое, что внес Котляревский в сюжет. Это новое касается более всего образа Тетяны. В отличие от женщин в других обработках этого сюжета, Тетяна не обманы-

---

[1] Н. Дашкевич, Вопрос о литературном источнике украинской оперы И. П. Котляревского «Москаль-чарівник». — «Киевская старина», 1893, № 12.

вает и не собирается обмануть своего мужа: она любит Михайла Чупруна и только по легкомыслию принимает ухаживания Финтика, не придавая им серьезного значения; затем она деятельно участвует в его изобличении.

Отчасти по-новому прозвучал также образ самого Финтика, мелкого канцеляриста, возомнившего себя чиновной фигурой в родном селе. Новой была, собственно, не сама фигура канцеляриста, а те нотки протеста против преувеличения ее общественного значения, которые отчетливо ощущаются в пьесе. Приехав в село навестить мать, Финтик избегает показываться с нею на людях, скучает, оставаясь с нею наедине. «Мне скучно сидеть дома и заниматься с матушкой, — объясняет Финтик Тетяне. Она такая простая, такая неловкая, во всем по-старосветски поступает, рано обедает, рано спать ложится, рано просыпается, а что всего для меня несноснее, что в нынешнее просвещенное время одевается по-старинному и носит очипок, намитку, плахту и прочие мужичьи наряды». Заключительное покаяние Финтика («Милостивые благодетели! Ваше великодушие проникло в мою совесть. Она пробудилась и представляет мне докладный регистр моих бесчинств» и т. д.) в этом смысле звучит строгим осуждением подобного сорта людей.

Годы 1968 и 1969 являются юбилейными для Котляревского. Кроме основного, «большого» юбилея — двухсотлетия со дня его рождения в 1969 году (к этому юбилею приурочено издание настоящей книги) — на 1968 год пришлось 150-летие успешной сценической жизни обеих его пьес и исполнилось 170 лет первого издания знаменитой его поэмы.

Примечательно, что все это — юбилеи живого в читательском сознании писателя.

Произведения Котляревского непрерывно переиздаются, отнюдь не залеживаясь на прилавках книжных магазинов и библиотечных полках; их изучают в средней и высшей школах как ценнейшие образцы классической украинской литературы, его пьесы не сходят со сцен профессиональных и самодеятельных театров...

Котляревский пережил значительную и очень характерную творческую эволюцию. Однако на всех ее этапах он неизменно оставался близким родному народу; эту свою близость он постоянно подчеркивал. Она-то и содействовала жизненности произведений украинского писателя начиная с самого их рождения и вплоть до настоящего времени.

Иеремия Айзеншток

ЭНЕИДА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эней был парубок бедовый
И хлопец хоть куда казак,
На шашни прыткий, непутевый,
Затмил он записных гуляк.
Когда же Трою в битве грозной
Сравняли с кучею навозной,
Котомку сгреб и тягу дал;
С собою прихватил троянцев,
Бритоголовых голодранцев,
И грекам пятки показал.

Челны сварганив, разместились,
Весельцами взмахнули в лад,
Ватагой по морю пустились
Чесать куда глаза глядят.
Юнона, злая сучья дочка,
Тут раскудахталась, как квочка, —
Энея не любила — страх;
Хотелось ей, чтоб отлетела
К чертям душа его из тела,
Чтоб сгинул этот вертопрах.

Был не по нраву, не по сердцу
Богине издавна Эней:
Он ей казался горше перцу,
Не хаживал с поклоном к ней
И был ей ненавистней вдвое,
Как всякий обитатель Трои;

Он там родился и возрос,
Вдобавок звал Венеру мамой,
А ей Парис — дитя Приама —
Некстати яблочко поднес.

Пронюхала злодейка Геба,
Что пан Эней на кораблях.
Юнона поглядела с неба,
И взял ее великий страх.
Проворно спрыгнула с лежанки,
Павлина заложила в санки;
Убрав под кичку волоса,
Шнуровку хвать и юбку тоже,
Хлеб-соль — на блюдо и — за вожжи.
Летит — ни дать ни взять оса!

Вошла она к Эолу в хату,
Осведомилась, как живет,
Здоровья пожелала свату,
Спросила, — не гостей ли ждет?
И, прежде чем начать беседу,
Хлеб-соль на стол Эолу-деду
Метнула, села на скамью:
«К тебе я с просьбою великой!
Ты сбей Энея с панталыку,
Исполни волюшку мою.

Он — прощелыга и заноза,
Разбойник и головорез.
На белом свете льются слезы
Через таких, как он, повес.
Пошли ему, сквернавцу, горе!
Со всей своей ватагой в море
Пускай утонет пан Эней!
За это девкою здоровой,
Смазливой, смачной, чернобровой
Я награжу тебя, ей-ей!»

Вздохнул Эол: «По мне и плата!
Когда бы знал я наперед!
Все ветры разбрелись куда-то...
Теперь кой черт их соберет!

Спьяна Борею только спать бы;
Не воротился Нот со свадьбы;
Зефир, отпетый негодяй,
С девчатами заженихался,
А Эвр в поденщики подался;
Без них теперь хоть пропадай!

Но так и быть, умом раскину,
Энею оплеуху дам
И загоню к чертям в трясину.
Пускай барахтается там!
Прощай, не забывай посула.
А если только зря сболтнула,
Сбрехнула попусту — шалишь!
Уж как ты ни вертись, ни бейся —
На ласку больше не надейся.
Тогда с меня возьмешь ты шиш!»

Юнону проводив с подворья,
Старик Эол созвал домой
Четыре ветра для подспорья,
И море вспучилось горой.
Эней не ждал такой невзгоды.
Пузы́рились, кипели воды,
Валы вздымались вновь и вновь.
От непредвиденной прорухи
Вопил он, как от рези в брюхе,
И темя расцарапал в кровь.

А тут Эоловы поганцы
Знай дуют! Море аж ревет.
Слезами облились троянцы.
Взяло Энея за живот.
Челны разбило, разметало.
Немало войска там пропало.
Хлебнули сто напастей злых!
Взмолился наш Эней: «Нептуну
Я четвертак в ручищу суну,
Чтоб окаянный шторм утих!»

Нептун хапугой был известным.
Почуя лакомый кусок,

Не усидел в запечье тесном,
Подался тут же за порог.
Он рака оседлал проворно,
Взвалился на него задорно,
Метнулся к ветрам, как карась:
«Эй, вы, чего разбушевались,
В чужом дому развоевались?
Вам на́ море нет ходу, мразь!»

Угомонились ветры в страхе,
Пустились мигом наутек,
Шатнулись, как «до ляса» ляхи,
Бегут, как от ежа — хорек.
Нептун сейчас же взял метелку
И вымел море, как светелку.
Тут солнце глянуло на свет.
Эней как будто вновь родился,
Пять раз подряд перекрестился
И приказал варить обед.

Вот мисками настил сосновый
Уставили, забыв беду.
Не говоря худого слова,
Все навалились на еду.
Кулеш, галушки и лемешку
Уписывали вперемежку,
Тянули брагу из корцов,
Горелку квартами хлестали,
Из-за стола насилу встали
И спать легли в конце концов.

Была Венера-вертихвостка
Востра и на язык бойка.
Смекнувши мигом, в чем загвоздка,
Кто настращал ее сынка,
Она приубралась, умылась,
Как в день воскресный нарядилась.
Пуститься в пляс бы ей к лицу!
В кунтуш люстриновый одета,
В очипке новом из грезета,
Явилась на поклон к отцу.

Зевес тогда глушил сивуху,
Питье селедкой заедал;
Седьмую высуслив осьмуху,
Подопки в кубок наливал.
«За что, скажи, любимый батя,
Обида моему дитяти?
Чем прогневил тебя Эней?
Моим сынком играют в свинки! —
Венера всхлипнула, слезинки
Из глаз посыпались у ней. —

Уж не видать бедняге Рима
Ни в сладком сне, ни наяву,
Точь-в-точь как пану хану — Крыма.
Скорей издохнет черт во рву!
Ты знаешь сам, когда Юнона
Перстом задаст кому трезвона,
Так загудят в башке шмели.
Вот колобродить мастерица!
Но ты заставь ее смириться,
Угомониться ей вели!»

Последнее допив из кубка,
Юпитер свой погладил чуб:
«Ох, доченька моя, голубка!
Поверь, я в правде тверд, как дуб.
Эней забудет все мытарства,
Он сильное построит царство,
Немаловажный станет пан,
Свой род возвысит, не уронит,
Весь мир на панщину погонит,
Над всеми будет атаман.

Проездом завернув к Дидоне,
Начнет он куры строить ей,
Полюбится ее персоне
И закурует наш Эней.
Понедельничай! Тревогу
Откинув, помолись ты богу!
Всё сбудется, как я сказал».
Венера низко поклонилась,

Учтиво с батюшкой простилась,
А он ее поцеловал.

Эней очнулся после ночи
И с голодранцами опять
Пустился, сколько видят очи,
Проворно по волнам чесать.
Плыл-плыл, плыл-плыл! Энею море
Обрыдло хуже всякой хвори.
Смотрел он чертом, говоря:
«За что мученье мне такое?
Как жаль, что я не умер в Трое!
По свету б не таскался зря!»

Пройти великое пространство
Пришлось Энеевым челнам,
Покамест голое троянство
Пристало к новым берегам.
Чем бог послал перекусили,
Чтоб ноги кое-как носили.
Эней возликовал душой.
Он тоже подкрепился малость
И шлялся, позабыв усталость.
Глядь — город перед ним большой.

Тот город звался Карфагеном.
Дидона мирно в нем жила
И нравом славилась отменным.
Была разумна, весела,
Трудолюбива, домовита,
Собой красива, сановита,
Но коротала век вдовой.
Внезапно встретила троянцев,
Босых чумазых чужестранцев,
Она у входа в город свой.

Им слово молвила Дидона:
«Отколь плететесь, голяки?
Везете, что ли, рыбу с Дона?
Вы — чумаки иль бурлаки?
Видать, нечистый вас направил,

Причалить к берегу заставил
Ватагу этаких бродяг!»
Троянцы загудели хором
И, вовсе не смутясь укором,
Царице прямо в ноги бряк!

«Мы, — говорят, — не отщепенцы,
Народ крещеный, ей-же-ей!
Мы — Трои, значит, уроженцы,
Явились к милости твоей.
И нам и храброму Энею
Накостыляли греки шею.
Пуститься наутек пришлось!
Бежали сколько было мочи,
А пан Эней отвел нам очи
И плыть заставил на авось.

Не дай, приветливая пани,
Загинуть нашим головам!
За доброту тебе заране
Эней спасибо скажет сам.
Такое у бездомных счастье:
Раскисли, как щенки в ненастье,
Попали удальцы впросак!
Продрались кожухи да свиты,
И постолы вконец разбиты.
Знай трубим с голоду в кулак!»

Платочком слезы утирала
Дидона с белого лица,
Вздыхая: «Как бы я желала
Поймать Энея-молодца!
Ох, попадись он мне, проказник!
Обоим был бы светлый праздник.
Повеселилась бы я всласть.
Бок о бок зажили бы дружно. . .»
— «Я — здесь, я — вот он, если нужно!»
Эней как будто с неба — шасть.

С Дидоной смачно целовался
При встрече наш троянский князь

И соловьем он разливался,
За белы рученьки держась.
По переходам, галереям
В светлицу шла она с Энеем;
Царицу к лавке он подвел;
С Дидоной попивал сивуху,
Ел конопляную макуху,
Покамест не накрыли стол.

На нем муравленые блюда,
Кленовые тарелки в ряд.
Там яства и приправы — чудо!
Бери что хочешь, наугад.
Конца не видно переменам:
Свиная голова под хреном,
Кулеш, лемешка и лапша.
Тому — индюк с подливой лаком,
Другому — корж медовый с маком,
И путря тоже хороша.

Тянули кубками сливянку,
На мед и брагу налегли,
Горелку пили, запеканку,
Для духу можжевельник жгли.
Бандура «горлицу» бренчала,
Сопелка «зуба» заиграла,
От дудки звон стоял в ушах.
«Санжарку» выводила скрипка,
И девушки плясали шибко
В суконных свитках, в сапожках.

Красуясь, извивалась Ганна,
Дидоны младшая сестра,
В запаске, в юбочке багряной,
Стройна, подбориста, востра.
Эней залюбовался плясом,
Он удивлялся выкрутасам.
И то сказать, была ловка!
Она в сережках и в монистах
И в лентах шелковых цветистых
Под дудку била «третьяка».

Взыграл и сам Энсй-троянец,
Как на аркане жеребец.
Пустившись лихо с Гандзей в танец,
Чуть с ног не сбился молодец.
У них подковки забряцали,
У них поджилки задрожали,
Едва за Ганной поспевал.
Эней собрал мотню вприхватку,
Ударил гопака вприсядку
И «не до соли» приписвал.

Хлебнув по чашке варенухи
Затем, чтоб горло промочить,
Все молодухи-цокотухи
Балясы начали точить.
Дидона крепко зашалила,
Корчагу полную разбила.
Накуликались, как могли.
День целый пили до упаду,
И не было с Энеем сладу,
Его насилу волокли.

Эней с трудом на печь взвалился,
Зарылся в просо, там и лег.
Кто вкривь и вкось домой тащился,
Кто в хлев забрался, кто под стог.
Иные так уже хлестнули,
Что, где упали, там заснули.
Нашлись, однако, питухи!
Они мертвецки нализались,
Но молодецки подвизались,
Пока пропели петухи.

Еще храпели чужестранцы,
Когда Дидона поднялась,
Оделась, как в корчму на танцы,
С похмелья квасу напилась.
На ней сидит кораблик ловко,
Из шелка юбка и шнуровка,
А ножки в красных чеботках.
На голенищах — оторочка,

Сверкает на груди цепочка,
Платок из выбойки в руках.

Эней вскочил, для опохмелки
Соленый скушал огурец.
Ни дать ни взять на посиделки
Принарядился молодец.
Кафтан отменный из китайки
В подарок принял от хозяйки,
Из коломянки кушачок.
Вдова штаны ему прислала,
Что у покойника украла,
И черный шелковый платок.

С утра за стол уселись оба,
Поели-попили опять;
Когда насытилась утроба,
Решили, как вчера, гулять.
К Энею нашему Дидона
Сверх меры стала благосклонна,
Давай турусы разводить!
И так и этак подступалась,
И мелким бесом рассыпалась,
Старалась гостю угодить.

Нашла царица развлеченье
Как раз такое, чтоб Эней,
Свои забывши злоключенья,
Вертелся по́д боком у ней:
Глаза холстинкой завязала
И в жмурки весело играла,
Энея норовя словить.
Он догадался — вот поди же! —
И терся, жался к ней поближе,
Вдову желая ублажить.

Всяк делал что ему по нраву
И забавлялся как хотел.
Тот «журавля» плясал на славу,
Другой от «дудочки» потел.
В горелки и в «жгуты» играли,
Друг дружку за чубы дирали.

Кто резался в «носки», кто в «хлюст».
Здесь — козыряли без промашки,
Там по столу совали шашки,
И хоть бы уголок был пуст!

Пошли подряд пиры, попойки,
Как будто свадьбы, чередой.
Сивуху, пенник и настойки
Лакали наравне с водой.
Троянцы были пьяны, сыты,
Кругом обуты и обшиты,
Хоть голые пришли, как пень.
И пестовалась, как с болячкой,
Как с трясавицей иль горячкой,
С Энеем пани каждый день.

Троянцы славно пировали,
Не пропускали вечерниц,
Проходу девкам не давали,
Приманивали молодиц.
Эней был сам не промах: в бане
Попариться подбил он пани...
Не обошлось и без греха!
Энея так она любила,
Что даже разум позабыла,
Хоть вовсе не была плоха.

Энею выпал туз козырный.
Про Рим он думать перестал,
И, отхватив кусочек жирный,
В забавах время коротал.
Нисколько не боясь Юноны,
Заполучил Дидону в жены,
Мутил, как на селе солдат!
И то сказать — он был проворный,
Пригожий, ласковый, задорный,
Вдобавок острый, как булат.

Эней с Дидоною бесились,
Возились, точно с салом кот,
Как угорелые носились;
Хватало у нее хлопот!

С ним поскакала на охоту
И задала себе работу,
Когда в провал загнал их гром.
Там было и темно и тесно.
Лишь черту лысому известно,
Что делали они вдвоем.

Недолго сказка говорится,
Еще быстрей — пером черкнуть.
Не так-то скоро всё творится,
Чтоб глазом не успеть моргнуть.
Анхизов сын гостил немало.
Совсем из головы пропало,
Куда послал его Зевес!
Два года в Карфагене прожил.
Никто б его не потревожил,
Да, говорят, вмешался бес.

С Олимпа вздумал ненароком
Юпитер поглядеть на нас.
Он Карфаген окинул оком,
А там — троянский пустопляс.
Весь мир затрясся, закачался —
Так рассердился, раскричался
При виде неслуха Зевес:
«Раздолье гадовому сыну!
Запрятался, как черт в трясину,
Как муха в патоку залез!

Ко мне покличьте скорохода,
Да припугните наперед:
Ведь у него такая мода —
В шинок сначала завернет.
Хочу гонца послать к Энею,
Бездельнику и ротозею.
Венера — вражья мать! — сама,
Как видно, сватает, колдует,
Вовсю Энейчика муштрует,
Чтоб он Дидону свел с ума».

Крест-накрест перевит ремнями,
Вбежал Меркурий впопыхах;

С него катился пот ручьями,
Нагайку он держал в руках;
Лядýнка с бляхою гербóвой
Болталась на груди суровой,
А сзади — сумка сухарей.
Снял войлочную шляпу в хате
И говорит: «Я здесь, мол, батя,
Приказывай лишь поскорей!»

«Спеши к воротам Карфагена, —
Сказал Зевес, — и разлучи
Шальную пару непременно!
Залег Эней, как пес в печи!
Ты передай наказ мой строгий,
Чтоб уносил оттуда ноги
И отправлялся строить Рим!
Пускай бежит, как от погони,
Забывши о своей Дидоне,
Не то разделаюсь я с ним».

Зевесу поклонясь, Меркурий
Махнул без шапки за порог,
Влетел в конюшню, брови хмуря,
И мигом лошадей запрёг.
Заткнувши за́ пояс нагайку,
Уселся живо в таратайку,
Рванул с небес — и ну пылить!
Скрипит повозка расписная,
Храпит, брыкает коренная,
Бегут кобылки во всю прыть.

Эней тогда купался в браге
И, захмелев, на лавку лег;
Присниться не могло бедняге,
Что кару на себя навлек.
В ту пору подоспел Меркурий
И в горницу вломился бурей,
Энея с лавки как рванет:
«Изволь немедля убираться!
Не смей с Дидоной женихаться!
Зевес послал тебя в поход.

Ударился в питье да в пляски
И не опомнишься никак!
Дождешься от Зевеса встряски,
Тогда запляшешь и не так.
Еще в нем ярость не угасла.
Он из тебя повыжмет масло!
Не жди, пока приду опять.
Покинь Дидонину светелку
И убирайся втихомолку,
Не то — тебе несдобровать!»

Суров Олимпа был хозяин,
И, хвост поджавши, как щенок,
Эней затрясся, словно Каин.
Из носа вытек табачок.
Анхизов сын, боясь расплаты,
Поспешно выскочил из хаты.
Троянцам отдал он приказ:
«Когда наступят, мол, потемки,
Хватайте узелки, котомки
И — к морю, братцы, в добрый час!»

Эней собрал свои манатки,
Чтоб улизнуть, покуда цел,
Набил отрепьем две укладки
И на челны снести велел.
Задумал он дождаться ночи,
Когда сомкнет Дидона очи,
И, не простившись, тягу дать.
Энею свет немил казался,
Весь день жалел о ней, терзался,
А приходилось покидать.

Дидона всё на ус мотала,
Чтоб не остаться в дурах ей.
Она догадываться стала,
С чего невесел пан Эней.
За ним следила из-за печи
И, кожухом прикрывши плечи,
Притихла, будто хочет спать.
Эней подумал: задремала, —

И непременно дал бы драла,
Дидона ж за чуприну хвать!

«Постой, нечистое отродье!
Не расквитались мы сполна.
Тебя при всем честно́м народе
Я придушила б, сатана!
За хлеб, за соль наместо платы
Ославишь ты меня, проклятый!
Небось насмешничать привык.
Пригрев за пазухой гадюку,
Себе я причинила муку.
Свинье постлала пуховик!

Стыдился бы на самом деле!
Без постолов пришел ко мне,
Сорочки не было на теле,
Гудело у тебя в мошне.
А шаровары? .. Только слава,
Что в шароварах был ты, право!
Штанины без мотни висят,
И те порвались, обносились,
Глядеть зазорно, так светились!
А свитка — из одних заплат.

Признайся, чем не угодила?
Знать, позабыл мое добро!
Иль поманила вражья сила?
Иль захотел рожна в ребро?»
С досады зарыдав, Дидона
Рванула косы исступленно,
Побагровела, словно рак.
Остервенилась, расшумелась,
Как будто белены объелась,
Облаяла Энея так:

«Поганый, скверный, гадкий, мерзкий,
Католик, висельник, блудник!
Бродяга, подлый, низкий, дерзкий,
Нахал, ворюга, еретик!
Покуда сердце не остыло,
Как дам тебе леща я в рыло!

Небось тебя ухватит черт.
Вцеплюсь в бесстыжие гляделки,
Чтоб ты забыл свои проделки,
Чтоб трясся, как зимою хорт.

Ступай же к сатане с рогами!
Чтоб дьявол всех побрал повес
С твоими сучьими сынами!
Приснись вам, голодранцам, бес!
Чтоб не горели, не болели, —
Чтоб начисто вы околели!
Чтоб ни единый человек
Не спасся от лихой напасти!
Чтоб разорвало вас на части!
Чтоб вы шатались целый век!»

Эней не дожидался схватки,
Знай пятился и — за порог.
Рысцой собачьей, без оглядки
Он припустил, как только мог.
К троянцам он примчался яро —
Быстрей, чем курохват с базара! —
И прыгнул опрометью в челн.
Весь потный, словно искупавшись,
«Гребите!» крикнул, запыхавшись,
И вновь отдался воле волн.

Дидона словно ошалела,
Совсем не ела, не пила,
Кручинилась, ревмя ревела,
Весь день метала и рвала.
Оторопев, устав от крика,
Кусала ногти горемыка, —
Знать, на нее нашел столбняк.
Присела молча на пороге:
Что делать? Подломились ноги,
Не держат бедную никак.

Она зовет на помощь Ганну,
Спеша Энея обличить,
Сердечную оплакать рану
И облегченье получить:

«Ганнуся, душка, рыбка, птичка,
Спаси меня, моя сестричка!
Сгубил несчастную Эней!
Как у него хватило духу
Меня покинуть, словно шлюху?
Не человек он, лютый змей!

Забыть его? Но сердцу силу
Такую негде почерпнуть!
Куда деваться мне? В могилу —
Один теперь остался путь.
Людьми и славой для Энея
Пренебрегла я, не жалея;
О боги, с ним забыла вас!
Ох, дайте мне напиться зелья,
Чтоб от любовного похмелья
Избавить сердце хоть на час!

Нигде не нахожу покою!
Не льются слезы из очей.
На белый свет гляжу с тоскою.
Светло лишь там, где мой Эней.
О Купидон, богóв любимчик,
Зачем не взял тебя родимчик?
Жестокой тешишься игрой!
Нет, молодицы, нам защиты!
Все бабники, все волокиты —
С Энеем на один покрой!»

На участь горькую Дидона
В унынье сетовала так.
Не в силах возместить урона,
Ганнуся хлипала в кулак,
Тоскуя, слезы проливала
И рукавом их утирала,
Энея помогала клясть.
«Теперь оставь меня, сестрица, —
Вздохнув, промолвила царица, —
Дай мне нагореваться всласть».

Погоревавши, пострадавши,
Легла в хоромах на кровать;

Недолго думавши, гадавши,
С постели спрыгнула опять.
Нашла за печкою кресало
И пакли в пазуху наклала;
Босая вышла в огород.
Уже сгустилась тьма ночная,
Стояла тишина немая,
В домах крещеный спал народ.

Для зимних нужд на огороде
В скирду сложили очерет;
Хоть царской не под стать породе, —
В степи, однако, дров-то нет!
Сухой, горючий был, как порох,
Держали на растопку ворох.
К нему Дидона подошла,
Взяла она кремень, огниво,
Достала паклю и на диво
Огонь раздула, разожгла.

Освободилась от одежи,
Лохмотья кинула в костер,
Сама туда шагнула тоже,
Он к небу языки простер.
Покойницу закрыло пламя,
Рванулся черный дым клубами,
И повалил великий чад.
Энея, бедная, любила!
Из-за него себя сгубила,
Послала душу к черту в ад.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Эней, плывя по синю морю,
На Карфаген в слезах глядел.
Бедняга предавался горю,
Оплакивая свой удел.
Дидону покидал поспешно,
Рыдал, однако, неутешно,
Узнав, что на костре сожглась.
Небесное сулил ей царство,
Себе — чтоб кончились мытарства
И новая вдова нашлась!

Но тут, глядишь, взыграло море,
Крутые волны поднялись,
Разбушевались ветры вскоре,
Суда скрипели и тряслись.
От налетевшей непогоды
Чертовски закрутило воды.
Вертелись бешено челны.
Троянцев била дрожь с испуга.
Они глядели друг на друга,
Раздумья мрачного полны.

Среди Энеевой ватаги
Был весельчак и балагур,
Хватало у него отваги;
Он прозывался Палинур.
Смекнув быстрее всех, в чем дело,
Нептуну закричал он смело:

«Ты что затеял, пан Нептун?
Ужель тебе дурить не стыдно?
Про четвертак забыл, как видно!
Задать нам хочешь карачун?»

И после этой речи краткой
Храбрец троянцам говорит:
«Скитаться нам не больно сладко.
Вдобавок и Нептун мудрит.
Куда свой путь направим, братцы?
Нам до Италии добраться
Шальное море не дает.
Отсель Италия неблизко,
А в бурю морем ехать склизко, —
Челнов никто не подкует!

Зато земелька есть, ребята,
Невдалеке — рукой подать!
Страна Сицилия богата!
Там не житье, а благодать.
Простимся навсегда с уныньем,
В тот край без промедленья двинем,
Где добрый царствует Ацест.
Его столица мне знакома.
Там обживемся мы, как дома.
Небось он вдоволь пьет и ест!»

Чтоб выгрести из водоверти,
За весла казаки́ взялись,
И, словно подтолкнули черти,
Челны стрелою понеслись.
Сицилианцы их узрели
И от восторга одурели,
Бегут приезжих обнимать!
Поразобравшись меж собою,
Они отправились гурьбою
К царю Ацесту пировать.

Ацест Энею, словно брату,
Гостеприимством угодил.
Привел его радушно в хату,
Ему горелки нацедил.

С дороги закусил он салом
И кру́гом колбасы немалым,
Умял и хлеба решето.
Троянцы, позабыв о буре,
Как следует наелись тюри.
Голодным не ушел никто.

И начались у них пирушки,
Как только стали на постой:
Паштеты, с чесноком пампушки,
Кисель с медовою сыто́й,
Грибы с печенкою говяжьей
И каравай, как пух лебяжий.
Эней с дороги ел за двух.
Хмельного крепко нахлестался
И всякой снеди наглотался, —
Едва не испустил он дух.

Сверх меры нализавшись пенной,
Троянец не терял ума.
Богобоязненный, смиренный,
Он чтил родителя весьма.
Старик винищем обожрался
Да в тот же день к чертям убрался.
И вот затеял молодец
В честь годовщины сей печальной
Обед устроить поминальный,
Чтоб отомкнул свой рай творец.

Всех неимущих по обряду
Желая накормить, Эней
Созвал троянскую громаду,
Совета попросил у ней:
«Мол, сами знаете, трояне
И православные миряне, —
Анхиз, мой батя, неспроста
Загинул, как зимою муха!
Нутро сожгла ему сивуха,
И он лишился живота.

Охота мне поминки справить,
Для бедняков задать обед,

Для ящих стол едой уставить.
Скажите — ладно или нет?»
Троящам этого и надо,
Заговорила вся громада:
«Господь Энею помоги!
Надейся, пан Эней, на бога,
Но будет и от нас подмога!
Тебе мы, дескать, не враги!»

Немедля накупили мяса,
Горелки на помин души.
Добыли — не прошло и часа —
Хлеб ситный, бублики, кныши.
Кутью сварили, взяли меду
И щедро подсластили воду,
Сходили принанять попа.
На звон дьякам пошла полтина.
Хотел троянский сиротина,
Чтоб ящих собралась толпа.

Троящы порешили миром
Стряпней заняться на заре.
Котлы наполнив мясом, жиром,
Огонь раздули на дворе.
Похлебка и уха для бедных
В пяти котлах кипели медных,
С борщом дымилось целых шесть,
Варились в четырех галушки;
Бараны жарились, индюшки;
А кур, гусей — не перечесть.

Сивухи ведра, дежки браги
Уже стояли на виду.
Тут ложки роздали ватаге
И в миски налили еду.
Как «со святыми» затянули,
Эней с троянцами всплакнули
И стали яства уминать.
Так нахарчились, нахлестались,
Что под столами спать остались...
И перестали поминать.

Эней и сам со старшиною
Успел Анхиза помянуть.
Застлало очи пеленою,
А в голове стояла муть;
Но отходился, слава богу,
И протрезвился понемногу,
Лишь побледнел и спал с лица.
С большим трудом придя в понятье,
Швырнул он меди нищей братье,
Чтоб помнили его отца.

Заныли ноги у Энея,
Отяжелела голова.
Эней, с похмелья цепенея,
Глаза таращил, как сова.
Ему постыло всё на свете.
Он по земле писал мыслéте,
Как бочка винная разбух.
Разыскивать не стал он ложе.
Анхизов сын, как был — в одеже
И в сапогах, — под лавку бух!

Проснувшись на рассвете, трясся:
Под ложечкой сосет — нет сил!
Бедняга только тем и спасся,
Что кружку квасу осушил.
Еще хватил полкварты пенной —
Горелки с инбирем отменной.
Откуда появилась прыть?
Встряхнувшись от такой затравки,
Чихнул и вылез из-под лавки.
«Теперь давайте, — крикнул, — пить!»

Подпанками набилась хата,
Как только стало рассветать.
Они, как брагу поросята,
Горелку начали лакать.
Тянули пенную троянцы,
Не струсили сицилианцы —
И ну хлебать наперебой!
Кто выпил больше всех сивухи,

Кто разом дул по три осьмухи,
Тот был Энею брат родной.

И вдруг троянцев атаману,
Когда хватил он через край,
Приспичила охота спьяну:
Кулачников ему подай!
Цыганки с бубнами скакали,
Поживы школяры искали
И распевали под окном,
Играли кобзари слепые,
Гуляли молодцы хмельные,
Ходил весь город ходуном.

Паны уселись на крылечко,
Теснился во дворе народ,
Иной облюбовал местечко
На перекладине ворот.
Тут подоспел боец геройский,
Одет, как в компанейском войске. [1]
По имени звался Дарес.
Видать, он силачом считался.
Как пес ошпаренный метался,
Кричал и первый в драку лез:

«А нуте — кто желает биться,
Моих отведать тумаков?
Кто кровью захотел умыться?
Кому своих не жаль зубов?
Эй, выходите на кула́чки!
Не ждите от меня потачки.
Живей, кутейники-дьячки!
Вы не останетесь в убытке.
Я надаю вам под микитки,
Подставлю под глаза очки!»

Дарес долгонько ждал ответа,
Он всех троянцев застращал.
Любой что ни на есть отпетый
Головорез — и тот молчал.

---

[1] Компанейцы — бывшее легковое войско в Малороссии

«Сробели, увальни, старухи?
Махну — и сгинете, как мухи.
Побойтесь духу моего!» —
Кричал Дарес. Его нахальство,
Его бесстыжее бахвальство
Претило всем до одного.

Абсест, неистовый троянец,
Вскипел и задал стрекача.
Давай, расталкивая пьяниц,
Искать Энтелла-силача.
А тот был из такого теста,
Что мог порадовать Абсеста,
Надолго сбить с Дареса спесь:
Мужик на диво смелый, дюжий,
Плечистый, рослый, неуклюжий, —
К Энтеллу без нужды не лезь!

Троянцы, храп услышав зычный,
Нашли беднягу наконец.
Под тыном лежа, горемычный,
С похмелья дрыхнул удалец.
«Проснись!» — ему кричали в ухо,
Пинали в спину и под брюхо.
Он буркнул: «Не мешайте спать!
С чего вы? Что за чертовщина!»
Глазами поморгал детина
И тут же захрапел опять.

«Вставай, — сказал Абсест Энтеллу, —
Довольно спать, голубчик-сват!
Встань, сделай милость! Мы — по делу».
Тот проворчал: «Возьми вас кат!»
Но рассердился не на шутку,
Абсеста выслушав погудку;
Решил бахвала проучить.
Вскочил, встряхнулся: «Стойте, наши!
Даресу наварю я каши,
Лишь дайте глотку промочить».

Он полным котелком горелки
Немедля горло вспполоснул

И после доброй опохмелки
Скривился, сморщился, зевнул.
Сказал: «Теперь пойдемте, братцы,
С Даресом-прощелыгой драться!
Пускай попомнит мой кулак.
Ему я ребра перемечу
И как собаку изувечу!
Я хвастуна сотру в табак».

Вплотную подступив к Даресу,
Невеже говорит Энтелл:
«Эхма, ступай-ка лучше к бесу!
Проваливай, покуда цел.
Я раздавлю тебя, как жабу.
Насяду, как мороз на бабу!
Вовек зубов не разомкнешь.
Тебя сам черт узнать не сможет
И сатана с костями сгложет.
Ты от меня не улизнешь!»

Энтелл сердито шапку скинул,
И рукава он засучил,
Сжал кулаки и брови сдвинул,
К Даресу ближе подскочил,
Заскрежетал зубами злобно,
Затопотал ногами дробно.
Дарес попятился назад.
Теперь попал он в передрягу
И проклинал свою отвагу,
Был удали своей не рад.

В ту пору олимпийцы-боги
Сошлись к Зевесу на обед
И пировали без тревоги,
Людских не замечая бед.
Был у Зевеса стол отличный:
Закуски, ягоды, пшеничный
Печеный хлеб, коржи, кныши.
Каких там только блюд не ели!
И гости вскоре охмелели,
Понадувались, как ерши.

Откуда ни возьмись Меркурий.
Влетел, запыхавшись, к богам,
Как рыжий кот, глаза прижмуря,
В кладовку, к сырным пирогам.
«Эге! сивухи натянулись,
От всех на свете отмахнулись.
У вас, я вижу, нет стыда!
В Сицилии раздор великий.
Там небывалый шум и крики,
Как будто у ворот Орда».

Богам едва служили ноги.
Из неба высунув носы,
Уставились на схватку боги,
Как жабы летом из росы.
Энтелл разделся до рубахи,
Противника держал он в страхе,
Махал пудовым кулаком.
Глядел Энтелл опасной птицей!
Дарес боялся с ним сразиться,
Как с черноморским казаком.

Венеру за виски схватило.
Бойцов увидела с небес,
И стало ей житье немило.
Взмолилась: «Батюшка Зевес!
Дай силы мосму Даресу,
Прибавь ему побольше весу,
Чтоб он Энтелла одолел.
Энтелл сердит, коли не шутит.
Того и жди, что хвост накрутит.
Вели, чтоб милый уцелел!»

Венеру тут отборной бранью
Стал Бахус пьяный осыпать,
Честить ее сквернавкой, дрянью,
К ней с кулаками подступать.
«Поди к чертям, — кричал он, — шлю
Негодница и потаскуха!
Чтоб он загинул, твой Дарес!
Дай мне сивухи нализаться

И за Энтелла в бой ввязаться,
Так не поможет и Зевес!

Ты знаешь, он какой парнище?
На свете равных не найти.
Как брагу, хлещет он винище.
Такие у меня в чести!
Люблю казацкую натуру.
Уж сала он зальет за шкуру,
Натешится, наверно, всласть.
С твоим Даресом распрощайся!
Как он теперь ни защищайся,
Наверняка ему пропáсть!»

Зевес, раздувшись от горелки,
Ворочал языком едва;
С трудом таращил он гляделки,
Вникая в Бахуса слова.
Вспылив, об стол ударил чашей:
«Молчать, пока не выгнал взáшей!
Не смейте забегать вперед!
В кулачный бой вы не мешайтесь,
Конца спокойно дожидайтесь.
Увидим сами — чья берет».

Тогда, несолоно хлебавши,
Роняя слезки из очей
И, как собака, хвост поджавши,
Венера стала у дверей.
Платком утерла глазки, щечки
И вместе с Марсом в уголочке
Глумилась над своим отцом.
А Бахус пил, кряхтя, сивуху,
Трудился, сколь хватало духу,
Над Ганимеда погребцом.

Великое творилось диво
В стране Сицилии как раз,
Когда на небесах сварливо
Бранились боги с пьяных глаз.
Дарес бодрился, горячился

И супостату изловчился
Цибулю дать под самый нос.
Энтелл от оплеухи знатной
Перевернулся пятикратно.
Едва сдержался он от слез.

Со злости изо рта Энтелла
Бежала пена. Дайте срок!
Энтелл, изладившись умело,
Хватил обидчика в висок.
Сердешный памяти лишился.
Осоловел и повалился,
Лежал и носом землю рыл;
Шмелей, как говорится, слушал,
Стенаньем тишину нарушил
И, посрамленный, жалок был.

Энтелла за его успехи
Превозносили до небес
И вспоминали для потехи,
Как силой чванился Дарес.
«Вставай, — сказал Эней вояке, —
И прочихайся после драки!
Энтеллу, хлопцы, на табак
Не пожалею гривны целой
За то, что сей кулачник смелый
Сегодня отличился так!»

Любил Эней гульнуть на славу.
Хоть он изрядно охмелел,
Себе и людям на забаву
Медведей привести велел.
Дудел в трубу литвин заезжий,
Глядел народ на пляс медвежий,
А звери, разевая пасть,
Ревели, прыгали, ложились,
И кувыркались, и кружились, —
Забыли мед из ульев красть!

Эней глазел на эти штучки,
Беды не чаял никакой,

Не ждал с Олимпа нахлобучки,
И пенная лилась рекой.
Вмешайся, как на грех, Юнона!
«Задам-ка я ему трезвона!
Троянских проучу повес».
Обулась без чулок и рысью
Отправилась искать Ирисю.
А та была хитра, как бес!

Пришла, Ирисе подмигнула,
Шмыгнула вместе с ней в чулан
И там ей на ухо шепнула,
Какой замыслила обман.
Наказ уразумевши строгий,
Ирися поклонилась в ноги:
«Всё, дескать, выполню точь-в-точь!»
Лишь завернулась в покрывало,
И — след простыл, как не бывало.
Борзой с небес умчалась прочь.

И очутилась на стоянке
Троянских кораблей. Вдали
Сидели хмурые троянки —
Челны, паромы стерегли.
Они в кружок уныло жались,
На благоверных обижались.
Мужья гуляли пять недель,
А на пирушку их не звали,
Сивушку сами попивали,
Несчастных посадив на мель.

Слюну глотали молодухи.
Сводило рот, как от кислиц.
Мутило тяжко с голодухи,
И разбирало зло девиц.
Они троянцев проклинали,
Недобрым словом поминали:
«Чтоб им хотелось пировать,
Как в девках нам сидеть охота!
Чтоб черт их утащил в болото!
Неужто здесь нам вековать?»

Троянцы мыкали по свету
Берою, древнюю каргу.
Уже давненько ведьму эту
Со злости скрючило в дугу.
Ирися перегнулась втрое,
Обличье приняла Берои
И — к бабам: «Помогай вам бог!
Не надоело ли поститься?»
Чтоб к ним получше подольститься,
Она им подвесла пирог.

«С чего, мол, загрустили, дочки?
Грешно кручиниться вам так.
Чем тут сидеть на бугорочке,
Взгляните на мужей-гуляк.
Как полоумных, нас морочат
И по морям семь лет волочат,
Как будто им на глум дались!
С чужими женками балуют,
Зато свои пускай горюют.
И хоть бы вы за ум взялись!

Не унывайте, молодицы,
Я вам отличный дам совет!
И белолицые девицы
Теперь избавятся от бед.
Доколе нам сидеть над морем?
За горе мы отплатим горем!
Сожжем постылые челны.
Тогда мужья — как на приколе:
Куда деваться? Поневоле
Они прижаться к нам должны!»

«Спаси тебя господь, бабуся!» —
Карга услышала в ответ.
Троянки принялись, не труся,
Разумный выполнять совет.
Гурьбою подступили к флоту,
Взялись проворно за работу,
Давай охапками таскать
Сухие сучья для растопки,

Щепу, пеньковые охлопки,
Огонь кресалом высекать.

Затлелось, полыхнуло яро,
И стал небесный свод багров.
От небывалого пожара
Клубился дым до облаков.
Челны, сосновые паромы
Пылали, как пучки соломы.
Горели деготь и смола.
Пока троянцы осмотрелись,
Как славно их троянки грелись,
Часть флота сожжена была.

При виде зарева с испугу
Сынок Анхизов побелел.
Чтоб на ноги поднять округу,
В набат ударить повелел.
Вовсю трещотки затрещали,
Колокола беду вещали.
Эней стремглав бежал к челнам:
«Кто в бога верует — спасайте!
Гасите, лейте, заливайте!
Откуда ж это лихо к нам?»

Трясло Энея-горемыку,
Со страху был он сам не свой;
Бедняга сбился с панталыку,
Скакал, вертелся, как шальной,
С досады по земле катался,
Задравши голову, метался,
Костил Зевеса сгоряча,
Честил богов напропалую,
А заодно и мать родную,
Как пес ошпаренный крича:

«Небось, проклятый старичище,
С небес на землю не сойдешь!
Ругнул бы я тебя почище,
Да ты и усом не моргнешь.
Придется пропадать мне, видно!

И как тебе, Зевес, не стыдно?
Людских не замечаешь мук!
Иль на глазища сели бельма?
Чтоб ты ослеп навеки, шельма!
Ведь я тебе как будто внук!

А ты-то, с бородой седою,
Высокородный пан Нептун!
Засел, как демон, под водою,
Корявый лапоть, бормотун!
Залей хоть пламя, душегубец, —
Переломил бы ты трезубец!
Поборы собирать не хвор,
А если нам придется туго
И надобна твоя услуга,
Так ты на выручку не скор.

А братец ваш, буян бесчинный,
Любовник аспидский, Плутон?
Засевши в пекле с Прозерпиной,
Неужто не нагрелся он?
Наверно, с дьяволами дружит,
О горестях людских не тужит.
Поганец позабыл о нас
И не заботится нимало,
Чтоб это пламя отпылало,
Пожар губительный погас.

И маменька моя родная
К чертям отправилась гулять!
Проспится где-нибудь хмельная
И вьется с хлопцами опять.
Теперь ей «не до соли», значит!
Небось как бешеная скачет,
Повыше полы подобрав.
Когда ни с кем не заночует,
Других сведет — и не горюет.
Такой у ней веселый нрав.

По мне, живите как хотите, —
Пускай нечистый вас возьмет!

Но только пламя погасите,
Троянский не губите флот.
Уж вы трудов не пожалейте,
Кручину горькую развейте,
Залейте, милые, пожар!
Нам кутерьму устройте живо,
С небес явите чудо-диво!
За это поднесу вам дар».

Сынок Анхизов отмолился
И рот успел закрыть как раз,
А дождь уже ручьями лился
И погасил пожар за час.
Хлестало с неба, как из бочки.
Всех промочило до сорочки.
Хотя в дожде была нужда,
Троянцы мигом дали ходу —
Попавши из огня да в воду,
Бежать пустились кто куда.

Энея мучило сомненье:
Остаться здесь иль дальше плыть?
Беда, коли найдет затменье
И сам не ведаешь — как быть?
Решил Эней: «На то — громада.
Гуртом подумать, братцы, надо!
Ума не хватит одного».
И стали толковать, кумекать,
Смекать, рассчитывать, мерекать...
Всё получалось — не того!

Один троянец из громады
Молчал, держась особняком.
Бросая исподлобья взгляды,
Царапал землю посошком.
Опасный человек, пройдоха,
Он ворожить умел неплохо,
Был ведьмам родич и свояк,
Знал заговор на кровь людскую,
Отшептывал трясучку злую,
Гатить плотину был мастак.

Бывал в Силезии с волами,
Не раз ходил за солью в Крым
И продавал тарань возами;
Все чумаки братались с ним.
Собой невзрачный, а смышленый, —
Умнее, чем иной ученый!
Словечки сыпал что горох:
И растолкует, и расскажет,
И узелок любой развяжет.
Вдобавок был не трус и жох.

Невтесом все его дразнили
(По-нашему звался — Охрим).
Уж так мне люди говорили,
А сам я не встречался с ним.
Увидя, что Эней невесел,
Охрим поклон ему отвесил,
За белу ручку крепко взял,
Энея вывел прямо в сени
И там без долгих размышлений
Такую речь ему сказал:

«С чего насупился ты грозно
И, как индюк, раздул кадык?
С чего затосковал ты слезно,
Как по болоту, мол, кулик?
Коль станешь убиваться дольше —
В лесу ты заплутаешь больше.
Наплюй на лихо, не тоскуй!
Забудь невзгоду роковую,
Ступай себе на боковую,
А выспишься — тогда толкуй!»

Эней послушался Охрима.
Укрывшись, на полу он лег.
Измучился невыносимо!
Вздыхал, моргал, уснуть не мог,
Ворочался и так и эдак,
Взялся за трубку напоследок,
Но утомился и раскис.
Когда он крепким сном забылся,

Из пекла батюшка явился,
И молвил спящему Анхиз:

«Протри глаза, сынок любимый,
Не ужасайся, не страшись!
К тебе пришел отец родимый.
Встряхнись, опомнись, пробудись!
Меня к тебе послали боги,
Чтоб ты забыл свои тревоги.
Ты будешь цел и невредим,
Счастливую познаешь долю.
Исполни только божью волю,
Переселись немедля в Рим.

Живей челны готовь к отплытью,
«Прощай» Сицилии скажи!
А кто склоняется к подпитью,
Того построже придержи.
Плыви бездумно, беззаботно —
И всюду проживешь вольготно.
Хоть завтра отправляйся в путь!
Еще словцо скажу я кстати:
По-моему, не грех дитяти
И к батьке в пекло завернуть!

По олимпийскому закону
Никак его не миновать.
Коль не поклонишься Плутону —
Тебе и в Риме не бывать.
Сказав напутственное слово,
Путь в Рим укажет он толково.
Ты в пекле разыщи меня.
Не бойся, головы не вешай!
Туда найдешь дорогу пеший,
Не нужно даже и коня.

Прощай же, сизый голубочек!
Уж на дворе забрезжил свет.
Прощай, дитя, прощай, сыночек!»
И в землю провалился дед.
Эней, дрожа, вскочил спросонок,
Со страху трясся, как ребенок.

Со лба стекал холодный пот.
Созвал Эней своих, и сразу
Троянцы по его приказу
К отплытью стали ладить флот.

А сам бегом пустился к месту,
Где сицилийский жил король,
И поспешил сказать Ацесту:
«Спасибо, мол, за хлеб, за соль!»
Закончив хлопоты и сборы,
Назавтра дождались Авроры,
Расселись вмиг по челнокам.
Эней глядел вперед несмело:
Уж больно море надоело,
Как дождь осенний — чумакам.

Венера всхлипнула, вздохнула,
Узрев троянцев на челнах,
К Нептуну на поклон махнула,
Чтоб их не потопил в волнах.
Поехала в своем рыдване,
Не хуже сотниковой пани.
Зверье — не лошади у ней!
Три гайдука скакали сзади,
Возница в щегольском наряде,
Застыв на козлах, гнал коней.

Он белою гордился свитой
Из шерстобитного сукна,
По краю галуном обшитой.
Ей семь полтин была цена!
Шапчонка набекрень сидела,
Как вишня, издалёка рдела.
Бичом он щелкал напоказ.
Без отдыха, как от погони,
Как ветер в поле, мчались кони,
И пропадал рыдван из глаз.

Приехала, затарахтела —
Точь-в-точь кобылья голова.
С разгона в хату залетела,
Как ошалелая сова.

И ни привета, ни присловья!
Нептуну посулить здоровья
Едва успела сгоряча.
Лишь поцелуями душила
И старика затормошила,
Как полоумная, треща:

«Ты — батька крестный мне и дядя,
Прислушайся к моей мольбе.
Уважь меня, Зевеса ради!
Ведь я племянница тебе.
Ты сделай, чтоб Эней-бедняга
И вся троянская ватага
Счастли́во плыли по воде.
Его и так уж укатали!
Насилу бабы отшептали.
Попался на зубок беде!»

Нептун моргнул и усмехнулся;
Венеру пригласил он сесть,
Утер усы и облизнулся;
Ей чарку не забыл поднесть.
Исполнить просьбу обещался,
Учтиво с гостьей распрощался,
Помочь Энею был готов.
Задул попутный ветер вскоре,
Челны стрелой погнал он в море
От сицилийских берегов.

Энею преданный, исправный
Слуга с ним ездил каждый раз.
То был паромщик самый главный —
По-нашему звался Тарас.
Он, сидя на корме, шатался —
Донельзя, бедный, нахлестался,
Успел он через край хлебнуть!
Эней велел на всякий случай
Убрать его с кормы зыбучей —
Пускай проспится где-нибудь.

Увы, паромщику Тарасу
Предначертали на роду,

Чтоб до сего лишь дня и часу
Земную он терпел беду.
Сердешный не спросился броду
И, раскачавшись, порскнул в воду.
Со дна всплыла его душа.
Эней настроился уныло
И пожелал, чтоб это было
Последним горем для коша.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эней сначала был не в духе,
Поплакал, малость погрустил,
А там и чарочку сивухи,
Угомонившись, пропустил.
Но всё-таки его мутило,
Под сердцем бесперечь крутило,
Вздыхалось часто молодцу.
Он моря крепко испугался
И на богов не полагался.
Не доверял он и отцу.

А ветры знай трубили с тыла
В корму разболтанным челнам,
Чтоб им лететь привольно было
По черным пенистым волнам.
Гребцы курили, сложа руки,
Под нос мурлыкали от скуки,
Плывя без цели, наобум.
Московских присказок забавных
И запорожских песен славных
Немало им пришло на ум.

О Сагайдачном распевали,
Про Сечь тянули во всю мочь;
Как в пикинеры вербовали;
Как странствовал казак всю ночь;

И про Полтавскую победу,
Когда урок мы дали шведу;
Как провожала сына мать,
Как мы Бендеры воевали,
Как без галушек помирали,
Но духом не слабела рать.

Хоть сказка говорится скоро,
Да дело медленно идет.
Хоть плыл Эней проворно, споро,
Не день в морях носило флот.
Троянцы со́ светом расстались,
Долгонько на челнах мотались
Среди неведомых пучин,
И всех томила неизвестность —
Зачем, куда, в какую местность
Дружину мчит Анхизов сын?

Уже проплавали немало
И проплутали по воде.
Но вот и берег видно стало,
И наступил конец беде.
Троянцы душу облегчили,
С челнов на сушу соскочили
И перестали горевать.
Земельку эту Кумской звали.
Они ее облюбовали,
Себя ей тоже дали знать!

И сно́ва повезло троянцам.
Для них настала благодать.
Лафа бывает сплошь поганцам,
А честному — хоть пропадать!
Они здесь тоже не чинились,
На промысел поволочились,
Искали, что кому под стать:
Кто — водки либо сливовицы,
А кто — молодки иль девицы —
С зубов оскомину согнать.

Бродяги, прыткие, как черти,
Знакомства завели тотчас.

Кто зазевается, поверьте,
Надуют, подкузьмят как раз!
С округой целой побратались,
Как будто сроду здесь шатались,
Нашли кто — кума, кто — куму,
И каждый по нутру, по нраву
Себе придумывал забаву,
Все поднимали кутерьму.

Где свадьба или вечерницы,
Где мед или горелку пьют,
Где девки или молодицы —
Пролазы наши тут как тут.
Не унимаются троянцы,
К молодкам липнут окаянцы —
Ну разливаться соловьем!
И, подпоив мужей, бывало,
Уводят жен куда попало —
Распить по чарочке вдвоем.

Которые до карт охочи —
Без дела не сидели тут:
Сражались в «дурни» до полно́чи
Иль резались в «носки» да в «жгут»,
Играли в «пары» и в «памфила»,
А в ком ума побольше было —
На деньги дулись в «семь листов».
Чем хочешь, тем и утешайся:
Пей, козыряй иль женихайся,
Ходи с червей, с бубен, с крестов...

Один Эней не веселился:
О преисподней думал он.
Ему Анхиз, покойник, снился,
В башку втемяшился Плутон.
И от своей троянской голи
Эней ушел украдкой в поле,
Давай искать кого-нибудь,
Чтоб разузнать скорей дорогу
К Плутону самому в берлогу,
Разведать в пекло ближний путь.

Шел, шел... Ручьями пот горючий
На переносье лил с кудрей.
Пробился через лес дремучий
И кое-что узрел Эней:
На курьей ножке стоя шатко,
Трухлявая такая хатка
Вертелась медленно кругом.
Троянец пересек лужайку,
И тщетно выкликал хозяйку
Он, притулившись под окном.

В сердцах ломился долго в двери,
Был хатку с ножки рад спихнуть.
И пусть ее! По крайней мере
Хоть отзовется кто-нибудь!
Вдруг вышла бабища седая,
Заплесневелая, хромая,
Косматая, с клюкой в руках;
Была старуха конопата,
Суха, крива, коса, горбата
И — как в монисте — в желваках.

Эней не знал куда деваться
И слова вымолвить не мог,
Когда к нему такая цаца
Из хатки вышла на порог.
К Энею ближе подступила
Яга и тотчас разлепила
Беззубые свои уста:
«Анхизенко! Слыхали слыхом...
Известно, за каким ты лихом
Забрался в здешние места.

А я уж очи проглядела:
Пропал, должно быть, молодец!
Смотрю в окошко то и дело,
И вот приплелся наконец.
Уже мне рассказали с неба,
Какая у тебя потреба.
Отец твой был недавно тут».
И, осмелев, у бабы сучьей

Спросил Эней на всякий случай,
Как ведьму злобную зовут.

«Я, знаешь, Кумская Сивилла,
При храме Феба — попадья.
Ему изрядно послужила!
Давно живу на свете я:
При шведах, слышь, была девицей,
А при татарах молодицей;
Видала саранчи налет;
А вспомнится землетрясенье —
Пугаюсь, просто нет спасенья!
Как в малолетстве, страх берет.

Немало всячины я знаю,
Хоть никуда и не хожу.
В нужде я людям помогаю:
На звездах знатно ворожу;
Могу и отшептать ушницу;
Сгонять умею трясавицу
И заговаривать гадюк;
Искусно порчу прогоняю,
Переполохи выливаю,
Свожу и ногтоеды с рук.

Теперь пойдем со мной в каплицу,
И в жертву Фебу самому
Сейчас же обещай телицу,
Усердно помолись ему.
Не пожалей лишь золотого
Для Феба светлого, святого
И для меня не поскупись:
Ты кое-что услышишь, малый,
Да в пекло сыщешь путь, пожалуй.
Ступай, утрись и не слюнись!»

Пришли они в часовню Феба.
Эней давай поклоны бить,
Чтоб тот его услышал с неба
И не замедлил возлюбить.
Вдруг у Сивиллы, как от порчи,

Глаза на лоб, и в теле корчи,
И волос дыбом встал седой.
Сама ж она, как бубен, билась,
И пена изо рта клубилась.
Знать, дух в нее вселился злой!

Она тряслась, кряхтела, выла,
Вихлялась, посинела вся.
Каталась по земле Сивилла,
Как в луже смрадной — порося.
И чем Эней молился дольше,
Тем ведьму разбирало больше,
Всё хуже становилось ей.
А уж когда перемолился —
С нее лишь градом пот катился;
Дрожал со страху наш Эней.

Очухалась тогда Сивилла,
Полой утерла пену с губ
И волю Феба изъявила.
Анхизов сын молчал, как дуб.
«Тебе и всей громаде строгий
Наказ дают с Олимпа боги.
Вам не попасть вовеки в Рим.
Однако после смерти имя
Твое известно будет в Риме.
Не вздумай утешаться сим.

Еще хлебнешь ты лиха вволю,
Узнаешь всякую напасть.
Еще изменчивую долю
Готовься не однажды клясть.
Еще свирепствует Юнона
(Хватило б у нее разгона
Не дальше правнуков твоих!),
Но знай: ты заживешь по-пански,
И горемычный люд троянский
Избавится от мук своих».

Повесив нос, Эней уныло
Руками голову сжимал

И слушал, что плела Сивилла,
Но ничего не понимал:
«Меня едва ли не морочишь!
В толк не возьму — что́ ты пророчишь?
Не по нутру мне речь твоя.
Черт знает, кто из вас тут брешет?
Я думал, Феб меня утешит.
Уж лучше б не молился я!

А впрочем, ладно, будь что будет!
Ведь я не ангел — человек,
И будет то, что бог мне судит;
Положен всякому свой век!
Ты только окажи мне дружбу
И честно сослужи мне службу:
К отцу родному проводи.
Я прогулялся бы от скуки,
Чтоб адские увидеть муки.
А ну на звезды погляди!

Не первый я иду к Плутону
И не последний — так и знай!
Орфей вернулся без урону,
Хоть был изрядный негодяй.
Не сладили и с Геркулесом —
Он в пекле задал жару бесам,
Разгон устроил всем чертям.
Мы тоже дернем без опаски.
Я дам тебе на две запаски!
Ну что? Ударим по рукам?»

«Огнем играешь! — так Сивилла
Энею молвила в ответ. —
Тебе житье, скажи, не мило
Иль опротивел белый свет?
А в пекле знаешь как прижучат!
Тебя по смерть шутить отучат.
Попробуй, сунься, рот разинь!
Как поднесут нам фиги с маком,
Небось попятишься ты раком,
И зададут тебе аминь!

А если возымел охоту
У батьки в пекле побывать,
Плати живее за работу,
Тогда начну я мозговать,
Как нам с тобой туда пробраться
И с мертвецами повидаться.
У нас дурак лишь не берет.
А кто умней, тот — загребущий,
Умеет жить по правде сущей,
С отца родимого сдерет.

Мне это дело не впервинку.
В затылке нечего скрести!
Я в пекло укажу тропинку,
Хоть мудрено ее найти.
В лесу густом, непроходимом,
Глухом, пустынном, нелюдимом
Растет чудно́е деревцо.
На нем кислицы не простые —
Все, как червонцы, золотые!
Послушай же мое словцо:

Подобно жару на загнетке,
Начнет в очах твоих блистать.
Ломай смелей! Нельзя без ветки
Пред сатаной тебе предстать:
Из пекла не вернешься целым,
Загубишь вовсе душу с телом,
Тебя закабалит Плутон.
Ступай! Раскрой глаза пошире,
Поглядывай на все четыре,
Не трусь и не считай ворон!

Сломивши ветку золотую,
Живей старайся улизнуть.
Лети назад напропалую,
Да уши не забудь заткнуть!
Ты непременно за собою
Услышишь голоса с мольбою:
«Оборотись, мол, не спеши!»
Но ты не верь бесовской силе

И, чтоб тебя не заманили,
Оттуда во весь дух чеши!»

Хрычовка вдруг запропастилась.
Эней один остался там.
Всё яблоня пред ним светилась!
Покоя не было очам.
Эней на поиски подался,
Устал, задохся, спотыкался
И наконец приплелся в лес.
Колол сердешного терновник,
Царапал, обдирал шиповник,
Бедняга на карачках лез.

И сумрачно и смутно было
В лесу, невиданно густом.
Там что-то беспрестанно выло,
Ревело грозно за кустом.
Прочтя молитву с расстановкой
И шапку подвязав бечевкой,
Пустился напролом Эней.
Он шел и шел, глаза тараща.
Смеркалось; помрачнела чаща,
А яблони не видно в ней.

Эней пуглив о озирался,
Дрожал, но вверился судьбе;
Сквозь дебри живо продирался,
Поблажки не давал себе.
Когда же засияло в пуще,
Эней перепугался пуще,
Но поздно было отступать.
Себя не помня, очутился
Под яблоней — и удивился.
Рукой за ветку сразу хвать!

Эней не размышлял нимало,
Напрягся, дернул что есть сил,
И древесина затрещала.
Он ветку мигом отломил.
Немедля из лесу дал драла.

Бежал — земля под ним дрожала,
И ног не чуял второпях.
Бежал без духу, оголтело,
Ему колючки рвали тело.
Примчался, ровно черт, в репьях.

Троян увидя, повалился,
Уж больно был он утомлен.
Хоть выжми, пóтом весь облился,
Едва не захлебнулся он.
Страшась божественного гнева,
Отборный скот пригнать из хлева
Велел поспешно молодец
И в жертву тем, кто пеклом правит,
Кто грешных тормошит и давит,
Обречь козлов, быков, овец.

И вскоре звезды врассыпную
С небес пустились наутек.
Рассвет рассеял тьму ночную,
Утешный наступил часок.
Троянцы тут заворошились,
Засуетились, всполошились,
Овец, быков приволокли.
Дьяки с попами — очи к небу! —
Служить готовы были требу
И жертвенный огонь зажгли.

Схватив обух, ударил глухо
Троянский поп вола меж рог
И нож всадил скотине в брюхо,
Ее башку зажав меж ног.
Он вынул залитые кровью
Кишки и требуху воловью
И, разглядев сычуг, рубец,
Вещал Энею божью волю,
Троянцам — радостную долю,
Их недругам — худой конец.

Овечки стали беспокойней,
Козлы метались, а быки
Гуртом ревели, как на бойне;

Псалмы гнусавили дьяки.
Откуда ни возьмись — Сивилла!
Разбушевалась, вражья сила;
Тряслась, кудахтала: «К чертям
Ступайте все! Живее сгиньте!
Энея своего покиньте,
Чтоб не попало по шеям.

А ты, — промолвила Энею, —
Проворный, смелый молодец,
Прощайся с голытьбой своею,
И двинем в пекло. Там отец
Давненько по тебе скучает,
В сынке небось души не чает!
А ну, пора маршировать!
Да с хлебом захвати кошелку,
Чем зубы положить на полку
И без харчей околевать!

Не озаботишься припасом —
Надуешь с голодухи хвост!
Ты знаешь сам: в дороге часом
Случается великий пост.
Бог весть, найдешь ли хлеба крошку!
Я в пекло протоптала стежку,
Я знаю тамошний народ;
Все закоулки, уголочки,
Все загуменнички, куточки
Знакомы мне который год!»

Эней, дай бог ему здоровья,
Собрался в путь не кое-как:
Обулся в чеботы конёвьи,
Потуже затянул кушак;
Жердину выбрал в огороде,
Чтоб сатанинское отродье
От злых собак оборонять,
И, захвативши хлеба с солью,
Махнул к чертям на богомолье,
Чтоб там Анхиза повидать.

Но в пекле не бывал я сроду
И врать, ей-богу, не мастак.
Зачем толочь мне в ступе воду?
Поставлю точку, если так...
Читатели, вы не галдите,
Не наседайте, погодите!
У старых выспрошу людей,
Что им рассказывали деды —
Бывалые, не домоседы! —
О преисподней... Им видней!

Небесное поэту царство, —
Вергилий рассуждал умно
И знал все адские мытарства,
Да жил он чересчур давно!
Теперь, наверно, в пекле тоже
Всё по-другому, непохоже
На то, как было в старину.
Покойного слегка поправлю,
Что скажут старики — добавлю,
На новый лад пером черкну.

Сивилла в пекло дверь искала,
Глядела пристально кругом,
В сердцах Энея понукала.
Он поспевал за ней бегом.
Вот наконец узрели гору,
А в той горе большую нору
Нашли — и бросились туда.
Энею в очи мрак ударил.
Пошли. Эней рукою шарил —
Не провалиться бы куда!

На улице нечистой, смрадной,
Что в пекло напрямик вела,
И днем и ночью было чадно,
Вонючая клубилась мгла.
Гнездилась в полутьме Дремота
С сестрой, по имени Зевота.
Поклон отвесив поясной,
Безмолвно выплыли сестрицы

И навязались в проводницы
Энею с древней попадьей.

Пришельцам честь по артику́лу
Воздав косою, Смерть сама
Скомандовала караулу,
Что состоял при ней: чума,
Война, разбой, злодейство, холод,
Трясучка, рожа, парши, голод;
За ними выстроились в ряд
Холера, шелуди, короста,
Еще напастей разных со́ сто,
Что без пощады нас морят.

Плелась ватага бед ходячих.
Валила туча всяких зол:
Сварливый полк свекровей, мачех
И жен за смертью следом брел.
Шли тести — скупердяи, жмоты,
Зятья — растратчики и моты,
Буяны-братья, свояки,
Свояченицы и золовки —
Обидчицы и колотовки,
Что в ход пускали кулаки.

И крючкотворы и плутяги
С пером за ухом были здесь,
Жевали жвачку из бумаги,
Чернил с песком глотали смесь;
И тьма начальников — пиявок,
Десятских, сотских — злобных шавок,
И распроклятых писарей;
Толпа исправников заштатных,
Судей и стряпчих беспонятных,
Поверенных, секретарей.

Ханжей понурые фигуры
Плелись, молчание храня.
Сии смиренные натуры,
Постясь в неделю по три дня,
На животе слагали руки
И слали господу докуки;

Не осуждали вслух людей,
А, не в пример иным трещоткам,
Перебирали всех по четкам
И ждали по ночам гостей.

Напротив этих окаянниц
Квартал был целый потаскух,
Бродяг, моргух, ярыжниц, пьяниц,
Бесстыдных шатунов и шлюх.
С остриженными головами,
С подрезанными подолами
Распутницы стояли сплошь.
А сколько панночек ломливых,
Лакеев ловких и смазливых
Там было — право, не сочтешь!

Теснились там и молодицы,
Что втайне от мужей седых
Большие были мастерицы
Парней потешить холостых,
И хваты те, что не гуляли,
А ротозеям пособляли
Семейку расплодить быстрей;
Пригульные кричали дети
И, не успев пожить на свете,
За это кляли матерей.

Эней глазел, давался диву
И трясся, словно без седла
Скакал, схватив коня за гриву;
Беднягу оторопь взяла.
Успел он присмотреться с ходу
Ко всякой нечисти и сброду.
Чудно́, куда ни поглядишь!
Хватал он ведьму за дерюгу
И хоронился с перепугу,
Как от кота в чулане мышь.

Карга его рванула с силой,
Чтоб он артачиться не мог.
Послушно за своей Сивиллой
Бежал Эней, не чуя ног.

Уж пекло было недалечко,
Но путь им пересе́кла речка,
Что Стиксом издавна звалась.
Там оказалась переправа,
Куда стекалась душ орава
И на ту сторону рвалась.

Явился перевозчик — грубый
И черномазый, как цыган;
Под стать арапу, толстогубый
И кислоглазый старикан.
Заплывши начисто сметаной,
Слипались веки беспрестанно.
Космат он был от колтуна.
Как войлок, борода свалялась,
Сердито голова вихлялась,
Бежала изо рта слюна.

Сорочка, стянута узлами,
Держалась на плечах с трудом,
Бечевкой скреплена местами,
Могла поспорить с решетом;
И эта рвань была на палец
Засалена, аж капал смалец;
Вконец обтерханы штаны;
Хоть выжми — мокрые онучи,
Сорочки дедовой не лучше,
Из постолов худых видны.

А пояс лыко заменяло.
На нем болтался кошелек,
Лежала трубка там, кресало,
Кремень, и трут, и табачок.
Хароном перевозчик звался.
Он чванился и величался.
Немаловажный был божок!
Харон великим слыл умельцем,
Крюкастым подгребал весельцем,
Стрелой по Стиксу гна́л челнок.

Как в день осенний слобожане
На ярмарке иль на торгу

У ряда рыбного миряне, —
Так возле речки на лугу
Душа толкала душу в боки
И стрекотали, как сороки,
Кричали, лаялись до слез,
Друг дружку тискали, совались,
Пихались, лезли, надрывались,
Чтоб дед скорее перевез.

Как против солнца рой гуляет,
С шипеньем киснут бураки
Иль гуща в сыровце играет, —
Гудели эти бедняки.
Мольбою душу раздирали,
К Харону руки простирали:
«Возьми с собою на каюк!»
Увы, не обращал вниманья
На вопли, жалобы, рыданья
Харон, бесчувственный индюк.

Веслом ширяя то и дело,
Знай тычет в морду хоть кого!
Всех гонит прочь остервенело,
Не хочет слушать ничего.
По выбору в челнок усадит
И на ту сторону спровадит,
На остальных и не глядит.
Кого не повезет, упрется,
Тому долгонько ждать придется:
Он век, пожалуй, просидит.

Эней в кагал вломился хмуро —
Пробиться думал на паром.
И повстречал он Палинура,
Что плавал штурманом при нем.
Тут Палинур пред ним заплакал,
Про злую долю покалякал, —
Мол, через речку не везут!
Да ведьма тотчас их шугнула
И в батьку накрепко ругнула
Энея, чтоб не мешкал тут.

К засаленному старичине
Едва пробились на причал.
Ломался дед, как бес в плотине.
Как полоумный, он кричал
И, многолюдством не смущенный,
Обкладывал народ крещеный,
Как водится в шинках у нас.
И родичам досталось честным:
Он их почтил словцом нелестным.
Пусть привыкают в добрый час!

Харон, бранясь как оглащенный,
Гостей приметил невзначай,
Ощерился, покрылся пеной,
Взревел, как бешеный бугай:
«Откуда вас, бродяг, пригнало?
Здесь шатунов таких немало!
Нужны вы — хату холодить!
Я вас отважу, побирохи.
Со мной, поверьте, шутки плохи!
Забудете сюда ходить.

Вон, прочь! Не то носы расквашу,
В придачу тресну по шеям
И морды так вам разукрашу,
Что не узнает леший сам!
Плюгавцы, вишь как изловчились!
Живые в пекло притащились.
Чего хотят, возьми их ляд!
Для вас пошевелюсь не больно,
С меня и мертвецов довольно —
Всё время над душой стоят».

Сробев, Эней глядел тихоней.
Яга отвесила поклон
И старику без церемоний
Сказала: «Не серчай, Харон!
Чего кричишь — куда, мол, прете?
Мы разве по своей охоте?
Нужда нас привела сюда.
Не узнаешь? Ведь я — Сивилла.

Спасибо, что не съездил в рыло.
Бранишься, лаешься — беда!

Не ерепенься ты впустую.
Утихомирься, не бурчи!
Ты видишь ветку золотую?
Теперь послушай, помолчи».
И ну плести рассказ подробный —
Зачем пустилась в мир загробный,
К кому, с чего, почто, как, с кем...
Харон же, снизойдя к пришельцам,
Гребнув четырежды весельцем,
Каюк причалил между тем.

Немедля со своей Сивиллой
В челнок ввалился пан Эней.
Рекой зловонной и унылой
Поплыли в пекло поскорей.
В расщелины вода втекала,
Сивилла юбку подтыкала,
Эней боялся утонуть.
Харон зато на ту сторонку
Так быстро перегнал лодчонку,
Что не успеешь и моргнуть.

Спросив за греблю пол-алтына,
Старик зажал деньгу в горсти.
Проезжих высадил он чинно
И показал, куда идти.
Рука с рукой пустились вместе,
Прошли, должно быть, сажен с двести;
Глухим бурьяном луг зарос;
И вдруг попятились в испуге:
В бурьяне том лежал муругий
О трех главах свирепый пес.

Залаял грозно трехъязыкий,
Вот-вот ухватит за бока.
Троянец, испуская крики,
Хотел уже задать стречка.
Яга собаке хлеб швырнула

И глотку мякишем заткнула,
За кормом погнался барбос.
Анхизов сын, прикрывшись шапкой,
Тихонько затрусил за бабкой
И ноги кое-как унес.

Эней дивился преисподней.
Совсем не то, что этот свет:
Куда мрачней и безысходней!
Ни звезд, ни месяца там нет.
Там зыблется туман великий,
Там слы́шны жалобные крики.
Анхизов сын оторопел,
Увидя, сколько душам грешным
Грозило мук в аду кромешном,
Какую кару кто терпел.

Смола, живица, нефть кипели,
Под ними полыхало, страх!
И, словно в огненной купели,
Сидели грешники в котлах.
Им воздавали полной мерой,
Бурлящей обливали серой,
Не уставали их терзать.
Какие чудеса там были —
Пером я описать не в силе
И в сказке не могу сказать.

Панов за то и мордовали,
И припекали в свой черед,
Что людям льготы не давали,
На них смотрели, как на скот.
Паны за то дрова возили,
В болотах очерет косили,
Носили на растопку в ад.
Их черти сзади подгоняли,
Железным прутовьем шпыняли,
Кто отставал — был сам не рад!

Каленými рожнами спины
И животы безумцам жгли,

Что, в смерти собственной повинны,
Из мира не спросясь ушли.
Им под бока ножи совали,
Кипящим варом обдавали,
Чтоб не спешили умирать.
Для них придумывали муки,
Дробили в тяжких ступах руки,
Чтоб не решались убивать.

Лгуны лизали сковородку.
Дрожавшим за свое добро
Богатым скрягам лили в глотку
Расплавленное серебро.
А тех, что сроду не женились
Да по чужим углам живились,
Тут черти вешали на крюк,
За бренное цепляя тело,
Которое грешило смело,
Не убоявшись этих мук.

Панов, подпанков крепко се́кли,
Не различая по чинам.
Досталось по заслугам в пекле
Всем, без разбора, старшинам.
Тут ратманы и бургомистры,
Все те, что на расправу быстры,
Цехмейстеры и писаря,
И судьи, и подсудки были,
Что денежки с людей лупили,
Свой суд неправедный творя.

Разумники и филозопы,
Что любят напускать туман,
Попы, монахи, крутопопы, —
Чтоб знали, как учить мирян,
Чтоб не гнались за медяками,
Чтоб не возились с попадьями, —
Горели в адовом огне.
Чтоб звезд всезнайки не хватали,
Ксендзы, как жеребцы, не ржали, —
Держали их на самом дне.

Мужья, что женам потакали,
Прибрать их не могли к рукам,
На свадьбы часто отпускали,
Чтоб за́ полночь гуляли там,
Чтоб новобрачных провожали
Да в гречку с кем-нибудь скакали, —
В больших рогатых колпаках,
В котлах, где клокотала сера,
Теперь сидели для примера
С тугой повязкой на глазах.

Родители, что не пеняли
Своим ленивым сыновьям,
Их баловали, выхваляли
Да гладили по головам, —
В кипящей нефти здесь варились:
Ведь сыновья с дороги сбились,
Трепали за чубы отцов
И смерти им желали скорой,
Чтоб с кладовых сорвать затворы
И отпереть замки ларцов.

Здесь были те, что речью сладкой
Смущали девушек тайком
И в окна по стремянке шаткой
Неслышно крались вечерком,
Обманывали, улещали,
Клялись и сватать обещали,
Стремясь к желанному концу,
А девушки от перечеса
До самого толстели носа,
Да так, что срам идти к венцу.

Все купчики, что с неклейменым
Аршином, с речью разбитной
На шумных ярмарках с поклоном
Сбывали свой товар гнилой;
Вьюны, пролазы, обиралы,
Мазилы-пачкуны, менялы,
Ростовщики и шинкари,
И те, что сбитень разливали,

И те, что ветошь продавали,
Все торгаши и корчмари.

Головорезы, прощелыги,
Бродяги, плуты, болтуны,
Все сводники и забулдыги,
Гадальщики и колдуны,
Разбойники и живодеры,
Мошенники, пропойцы, воры
Кипели в огненной смоле;
А цех мясницкий, цех скорняжный,
Цех шерстобитный, цех портняжный
Сидели всяк в своем котле.

Была здесь шляхта и мещане,
Паны здесь были, мужики,
Неверные и христиане,
И молодежь и старики;
Здесь был богатый и убогий,
Здесь был прямой и колченогий,
Здесь были зрячие, слепцы,
И тьма военных, и гражданских,
Казенных множество, и панских,
Попы, миряне, чернецы.

Эхма! Лукавить нет охоты.
Солгав, лишь попадешь впросак.
Томились в пекле рифмоплеты,
Немало было там писак.
Великую терпели муку
За то, что нагоняли скуку.
Полон татарский — их удел!
Вот так и наш брат обожжется,
Кто пишет, не остережется.
Да ведь кой черт бы утерпел!

Там страхолюдную фигуру
Поджаривали, как шашлык.
Стеснять бесчестную натуру
Корыстолюбец не привык.
Ему и медь за шкуру лили,
И распинали на кобыле;

Пришлось на вертеле торчать
За то, что рукопись чужую,
Нарушив заповедь восьмую,
За деньги отдавал в печать.

Сынок Анхизов отшатнулся,
Чуть-чуть подальше отошел;
На казнь он снова натолкнулся,
Иное зрелище нашел:
Он караван увидел женский,
Что в бане жарился геенской.
Кричали на чем свет стоит!
Ревмя ревели поголовно,
Визжали, голосили, словно
С кутьи у них живот болит.

Девчата, бабы, молодицы
Себя не уставали клясть;
Свой род, житье и вечерницы,
Весь мир они костили — страсть!
Сажали их на сковородки
За то, что были верховодки,
Мудрили, ладили свое.
Хоть муженьку и неохота,
Да женке, вишь, приспичит что-то...
Ну как не ублажить ее?

Терпели кару пустосвятки.
Таких немало было здесь,
Что теплят господу лампадки,
Устав церковный знают весь,
Молясь на людях до упаду,
Кладут пятьсот поклонов сряду,
Зато, когда наступит ночь,
Свои молитвенники прячут,
Беснуются, гогочут, скачут
И пуще согрешить не прочь.

Тут были барышни-вострухи,
Одетые, как напоказ,
Распутницы и потаскухи,
Что продают себя на час.

В густой смоле они кипели
За то, что слишком жирно ели
И даже не страшил их пост;
За то, что, прикусивши губки,
Оскалив беленькие зубки,
Бесстыдно волочили хвост.

Терпели муку молодицы —
Посмотришь, право, станет жаль:
Стройны, чернявы, круглолицы...
Нигде таких не сыщешь краль.
Они за старых, за немилых
Шли замуж, а затем постылых
Мужей травили мышьяком
И с парубками забавлялись;
Повеселившись, отправлялись
Вдовицы в пекло прямиком.

Еще какие-то горюхи
С куделями на головах —
Девицы честные, не шлюхи —
В кипящих мучились котлах.
Они при всех держались крайне
Умильно, а грешили втайне,
Не выносили за порог.
Смолой горячей после смерти
Им щеки залепляли черти
И припекали недотрог

За то, что свой румянец блеклый,
Заемной не стыдясь красы,
Изрядно подправляли свеклой,
Вовсю белили лбы, носы,
Из репы подставляли зубы,
Примазывали смальцем губы,
А если не было грудей,
Совали в пазуху платочки,
Бока топорщили, как бочки,
Желая в грех ввести людей.

А бабы старые трещали,
Поджариваясь на углях,

За то, что день-деньской ворчали,
Судили о чужих делах,
Упрямо старину хвалили,
А молодых трепали, били,
Добро стороннее блюли,
Забыв, как жили в девках сами,
Как баловали с казаками
Да по дитяти привели.

Шептух и ведьм колесовали;
Все жилы вытянув из них,
Без мотовил в клубок свивали, —
Чтоб не чинили козней злых,
На помеле чтоб не летали
Да на шестке чтоб не пахали,
Не ездили на упырях,
Чтоб ночью спящих не пугали
И чтоб дождя не продавали,
Не ворожили на бобах.

А чем карали в пекле сводниц —
Чур с ним! Зазорно молвить вслух.
Терзали дьявольских угодниц,
Чтоб не вводили в грех простух,
Не подбивали жен примерных
Венчать рогами благоверных,
Не опекали волокит,
Чужим добром их не ссужали,
На откупе чтоб не держали
Того, что прятать надлежит.

Эней увидел там страдалиц —
В смоле кипящих дев и вдов.
Из них вытапливался смалец,
Как из отменных кабанов.
Там были бабы, молодицы,
Мирянки были и черницы,
Немало барышень и дам;
Кто — в кунтуше, а кто — в накидке,
Кто — в стеганом шелку, кто — в свитке.
Был женский пол в избытке там.

Но эти души не сегодня
И не вчера пришли туда.
Умерших пламя преисподней
Не припекало без суда.
Все новички в другом загоне
Толклись, как молодые кони,
Не зная участи своей.
Приговоренным было хуже.
Об их судьбе вздыхая вчуже,
Другую дверь открыл Эней.

И очутился он в кошаре,
Где трепыхалось много душ,
И затерялся в их отаре,
Как в логове змеином уж.
Все ждали с трепетом решенья,
Перебирали прегрешенья:
Куда качнутся, мол, весы?
Кого, гадали, в рай отправят?
Кого гореть в аду заставят?
Кому из них утрут носы?

Там было размышлять вольготно
И обсуждать свои дела;
Пускались в россказни охотно —
Откуда чья душа пришла.
Богач на смерть пенял, сердился:
Деньгами не распорядился —
Кому, за что, какую часть.
Скупца досада разбирала:
На белом свете пожил мало
И не повеселился всласть.

Сутяга толковал указы.
Опутав многих, этот плут
Расписывал свои проказы
И рассуждал про наш Статут.
Мудрец толмачил до надсады
Про физику да про монады,
Про мирозданье он твердил.
А вертопляс кричал, смеялся,

Бахвалился и удивлялся,
Как женщин за нос он водил.

Мундира с пуговками ради,
Как дышло, повернув закон,
Судья остался бы в накладе:
В Сибирь бы прогулялся он.
«Но смерть вмешалась в это дело, —
К рассказу добавлял он смело, —
А то б не миновать плетей!»
А лекарь мельтешил с ланцетом,
Слабительным и спермацетом
И хвастал, как морил людей.

Похаживали женолюбы —
Всё фертики да барчуки.
Покусывали ногти, губы,
Фуфырились, как индюки;
Вздыхая, очи воздевали,
О прежней жизни горевали.
Пришлось им рано умереть.
Не заслужили громкой славы
И не успели для забавы
Кому-то морду утереть.

Хлыщи, картежники, пьянчуги,
Прожженный, разбитной народ —
Лакеи, конюхи и слуги,
И повара, и скороход,
Держась как можно бесшабашней,
Калякали про плутни, шашни,
Хвалили ловкачей, проныр,
Что господам очки втирали,
В карманах шарили, таскали
Платки да бегали в трактир.

Не стало вертихвосткам ходу,
Слонялись вяло, как-нибудь.
Им всем — хоть из ворот да в воду.
Беда, коль некому моргнуть!
Здесь простофилям ворожейки

Уж не гадали, а злодейки,
Что девок любят истязать,
Зубами в гневе скрежетали:
Служанки их не почитали
И не желали угождать.

Чернее головни Дидону
Внезапно повстречал Эней.
Как подобает по закону,
Шапчонку сбросил перед ней:
«Здорово! глянь-ка. . . Что за чудо?
Сердешная! И ты оттуда,
Из Карфагена приплелась?
Себе искала злую долю?
Иль нажилась на свете вволю?
Какого беса ты сожглась?

Была румяной, круглолицей —
Такой, что губки облизнуть!
И не терпелось молодице
Скорее ноги протянуть!
Какая из тебя утеха?
Никто не взглянет и для смеха!
Придется в пекле пропадать.
А я не виноват, ей-богу,
Что поспешил тогда в дорогу:
Мне приказали тягу дать!

Но я готов с тобой спознаться,
Зажить по-прежнему точь-в-точь,
Не разлучаться, женихаться,
Как раньше, — если ты не прочь.
Пойдем! Тебя я поцелую,
Притисну к сердцу, помилу́ю. . .»
Но отказала наотрез
Ему Дидона: «Поцелуйся
Хоть с чертом, а ко мне не суйся!
Расквашу рыло, чтоб не лез!»

Ее и след простыл. . . Сначала
Эней опешил, стал в тупик.

Яга, однако, проворчала,
Чтоб долго не чесал язык.
И то сказать, совет был добрый:
Пересчитать Энею ребра
Кому-нибудь пришло б на ум,
Чтоб не тревожил душу вдовью,
Бабенок не морил любовью
И прах не поднимал на глум.

Эней с каргой — давай бог ноги!
В геенскую забравшись глушь,
Он повстречался по дороге
С ватагою знакомых душ,
И начались у них объятья,
Челомканье, рукопожатья:
Князька любили своего!
Эней вгляделся в оборванцев
И многих опознал троянцев,
А первым делом — вот кого:

Педька, Терешка, Шелифона,
Панька, Охрима и Харька,
Леська, Олешка и Сизона,
Еська, Пархома и Феська,
Стецька, Ониська, Опанаса,
Свирида, Лазаря, Тараса...
Еще нашлись Остап, Овсий
И те, что по волнам шатались
Да в море синем и остались.
Средь них — Вернигора Мусий...

Кагал устроили великий.
Галдеж поднялся, хохотня.
Не умолкали гомон, крики,
Вранье, прибаски, трескотня.
Давнишнее припоминали,
Уже и лишнее болтали.
Эней судачил пуще всех.
Побалагурили маленько,
И, хоть сошлись друзья раненько,
Он задержался, как на грех.

Пришлось не по нутру Сивилле,
Что разбрехался он вконец,
Что дитятко затормошили
И не опомнится птенец.
Сивилла на Энея взъелась,
Раскаркалась и расшумелась.
Эней в испуге задрожал.
Троянцы тоже все струхнули
Да врассыпную и махнули,
А он за бабкой побежал.

Пожалуй, пару добрых гонов —
Чтоб не соврать — они прошли,
И хаты, и дворец Плутонов
Как раз увидели вдали.
Карга Энея в бок толкнула
И на хоромы пальцем ткнула:
«Здесь проживает пан Плутон
С женой своею, Прозерпиной.
К нему-то с золотой ветвиной
Тебя веду я на поклон».

Пришли под самые ворота
И услыхали: «Кто идет?» —
От бабы скверной, криворотой;
Она у запертых ворот
Отвратным пугалом торчала
И била в медное клепало,
Как в панских водится дворах.
У ней на голове и шее
Клубками шевелились змеи,
Смертельный нагоняя страх.

Она без хитрости, без лести,
Открыто, без обиняков,
Встречала грешных честь по чести,
Драла ремнями, как быков,
Кусала, грызла, бичевала,
Крошила, шкварила, щипала,
Царапала, порола, жгла,
Пилила, корчила, топтала,

Рвала, вертела, шпиговала,
Тянула жилы, кровь пила.

Увидя бабы облик мерзкий,
Эней, бедняжка, обомлел.
Ягу спросил он, — кто так зверски
Терзать несчастных повелел?
Сивилла рассказала честно
Всё то, что было ей известно:
Мол, есть в аду судья Эак;
Он смертной казнью не карает,
Но истязать повелевает.
Прикажет — вот и мучат так!

Ворота сами разомкнулись,
И с веткой, что горит как жар,
Сивилла и Эней толкнулись
К царице — поднести ей дар;
Пришли почтить ее особу
И облегчить ее хворобу,
Да набежали сторожа!
Хоть не прибили пары нашей,
Однако проводили взáшей:
Недужна, дескать, госпожа!

Зато открылся без заминки
Покой подземного царя,
Где ни соринки, ни пылинки,
Оконца сплошь из янтаря,
В начищенных гвоздочках стены,
Везде порядок, блеск отменный,
Куда ни глянь — сусаль, свинец,
Сверканье меди и булата,
Светлицы убраны богато.
Ну панский, истинно, дворец!

Вошли в Плутоново жилище,
Разинув рты, Эней с ягой
И, вылупив на лоб глазищи,
Дивились красоте такой.
Подмигивали, усмехались,
Локтями то и знай пихались.

Эней причмокивал, свистал:
«Вот тут-то праведные души
Ликуют, бьют небось баклуши!»
Эней и этих повидал.

Они сидели, руки сло́жа,
Для них и в будни праздник был;
Покуривали трубки, лежа,
А кто хотел — горелку пил.
Но угощались там не пенной,
А третьепробною, отменной
(Ей вкусу придавал бадьян),
А также запеканкой пряной,
Анисовой или калганной.
В ней были перец и шафран.

Вареники, оладьи, пышки
На блюдах высились горой.
Все наедались до одышки
Пшеничных калачей с икрой.
Там кушали паслен, клубнику,
Чеснок, рогоз, терн, ежевику,
Крутые яйца с сыровцом,
Какую-то глазунью — чудо! —
Немецкое, не наше блюдо, —
А запивали всё пивцом.

Где ждало грешников бездолье
И приходилось им страдать,
Там было праведным приволье,
Заслуженная благодать.
Им дозволялось без помехи
По вкусу выбирать утехи.
Творился полный ералаш:
Кричи, молчи, вертись, пой, слушай,
Лежи, валяйся, спи, пей, кушай,
Рубись — и то дадут палаш!

Но чваниться и зазнаваться,
Насмешками глаза колоть
И брат над братом издеваться
Не смели — упаси господь!

Раздоров, стычек, ссор пустячных,
Ругни, обид, расправ кулачных
В заводе не было у них.
Все жили в дружбе и приязни
И женихались без боязни
Ревнивых ябед, козней злых.

Точь-в-точь как на святой неделе,
Совсем не скучно было там
И — словно вы зипун надели, —
Ни холодно, ни душно вам!
Кому что вздумается — сразу
Появится, как по приказу:
Моргнешь — и с неба упадет.
«Скажи, кто — праведники эти?» —
Ягу спросил Эней, заметя,
Что им со всех сторон почет.

«Они, поверь, не толстосумы, —
Сивилла молвила в ответ, —
И не чиновные — не думай! —
И не с брюшком округлым, — нет!
Не те, что в дорогих жупанах
И в кармазинах, и сафьянах;
Не те, что с четками в руках,
Не рыцари и не вояки,
Не те, что рявкают «и паки»,
Не в златотканых колпаках!

То — бедняки, хромцы, юроды,
Что слыли дурнями у всех;
Слепцы, калеки от природы,
Сносившие глумленье, смех;
Все те, что летом и зимою
Голодные, с пустой сумою
Дразнили по дворам собак,
С мольбой в оконницы стучали,
Но «бог подаст» лишь получали
И уходили натощак.

Тут бесприютных вдов немало,
И девы-голубицы есть.

Небось им юбки не вздувало,
Они блюсти умели честь;
И те, что, без родни оставшись,
В домах сиротских воспитавшись,
Попали в податной оклад;
И те, что лихвы не лупили,
А людям помогать любили, —
Кто чем богат был, тем и рад.

И хоть на свете справедливой
Не больно много старшины —
Увидишь и такое диво!
Бывают всякие паны.
Будь сотник ты или значковый,
Будь войсковой иль бунчуковый, —
Коль праведную жизнь ведешь
(Хоть господам не сродно это),
Сюда без всякого запрета
Ты после смерти попадешь».

«А почему ж, голубка сиза, —
Эней спросил ягу опять, —
Мне батьку своего, Анхиза,
Не удалось нигде застать:
Ни с грешными, ни у Плутона?»
— «А для Анхиза нет закона:
Где вздумается — там живи! —
Карга сказала, хмуря брови. —
Он родственник богам по крови
И по Венериной любви».

Болтая, на гору взобрались,
Присели отдохнуть слегка;
Умаявшись, они старались
Не проворонить старика,
Посматривали то и дело;
Искать уж им осточертело!
Анхиз в ту пору был внизу,
Похаживая по долине,
Раздумывал о милом сыне,
Готовился пустить слезу.

Но вдруг Энея ненароком
Заметил он издалека
И побежал вприскочку, боком —
Обнять любезного сынка.
Куда как не терпелось деду
Начать с Энейчиком беседу,
Его услышать голосок,
Порасспросить по-стариковски
И в губы чмокнуть по-отцовски,
Наедине побыть часок.

«Здорово, дитятко, сыночек! —
Энею закричал Анхиз. —
Не мог прийти без проволочек!
Заставил ждать себя! Стыдись!
Ступай скорей к родному бате!
Мы всласть наговоримся в хате».
Но, слюни распустив, сынок
Стоял дубиной, обалдуем,
И обменяться поцелуем
Он с мертвецом никак не мог.

Родитель разгадал причину,
С чего сынок ему не рад.
Обнять хотел он сиротину,
Да получилось невпопад.
Анхиз тогда изрек рацею,
В которой предсказал Энею,
Каким он будет хлопцам дед
И чем его, Энея, дети
Прославятся на белом свете,
Какой оставят в жизни след.

А в гекле — на-поди! — веселье
Случилось, вроде вечерниц.
Там собралась не для безделья
Гурьба девчат и молодиц:
Кто стал загадывать загадки,
Кто — в ворона играть, колядки
Да песни свадебные петь;

И паклю жгли, и ворожили,
И по спине жгутами били;
Всю ночь готовы были бдеть.

Тугие косы и косицы
Укладывали там венком,
И от «венгерки» половицы
Тряслись, ходили ходуном;
Там «тесной бабой» забавлялись,
В трубе о суженых справлялись,
Шли полночью в безлюдный дом:
Щетину девушки палили
И олово на свечке лили,
Подслушивали под окном.

К девчатам своего Энея
Анхиз привел и усадил;
Как неуча и дуралея,
Принять в беседу попросил:
«Уж вы сыночку послужите,
Свое уменье покажите,
Покличьте лучших ворожей
И дайте нам ответ нелживый:
Счастливый или несчастливый,
Удатный, нет ли мой Эней?»

Дивчина там была — вострУха:
Ловка, быстра, шустра, умна,
Плутовка — так и лезет в ухо!
Увертлива, как сатана,
Насмешница и озорница,
Гадать большая мастерица —
И тем прославилась как раз;
Брехню состряпать ей в привычку,
Кому-нибудь приляпать кличку
И угодить не в бровь, а в глаз.

Проныра, знахарка, шептуха,
Не размышляя, к деду — шмыг.
Застрекотала прямо в ухо:
«Давай-ка загадаю вмиг!

Не ошибусь и точка в точку
Родному твоему сыночку
Правдиво предскажу судьбу.
Ей-богу, не совру Энею!
Умом раскинуть я умею,
Любую знаю ворожбу».

Вот ремеза гнездо дивчина
Вложила в глиняный горшок
И сорванных на Константина
Ведьмовских трав сухой пучок.
Подснежник, васильки, цикорий,
Зоря́, шалфей — в ее наборе,
И ландыш, зверобой, чабрец.
Всё это залила водою,
Прозрачною, непочато́ю,
Сказавши несколько словец.

На жар поставила, накрыла
Щербатым черепком горшок.
Энея рядом посадила,
Чтоб раздувал он огонек.
И вот уже кипит, клокочет,
Шипит, пузы́рится, бормочет,
Ворочается сверху вниз.
Эней насупился, не дышит,
Он голос человечий слышит.
Насторожился и Анхиз.

Раздули огонек нехудо,
Горшок заклокотал сильней.
Из раскаленного сосуда
Стал голос явственней, слышней:
«Энею горевать не надо.
Анхиза и Венеры чадо,
Он расплодит великий род.
Сей род обширный, стойкий, смелый
В чужие вторгнется пределы
И под себя их подомнет.

Чувствительные перемены
Произведет в своем краю

И, римские воздвигнув стены,
Там заживет он, как в раю.
До той поры не загорюет,
Пока, склонясь, не поцелует
С ноги святейшей постола. . .
Теперь довольно! Убирайся!
С покойным батюшкой прощайся,
Покуда голова цела».

Отцу не слишком улыбалось
Так скоро отпустить сынка, —
Не думалось и не гадалось,
Что встреча будет коротка
И доведется столь поспешно
Бежать Энею из кромешной.
И, провожая свой приплод,
Слезами старый обливался,
С Энеем крепко обнимался,
Кричал Анхиз, как в марте кот.

Сам-друг с ягой пришлось Энею
Махнуть оттуда напрямик.
Он без конца ворочал шею,
Но скрылся из виду старик.
Из пекла вышли потихоньку,
Пустились дальше полегоньку.
Эней своих узрел опять:
Троянцы дрыхнули вповалку.
Он отшвырнул суму и палку
И тоже завалился спать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Обедка три не поденькуешь,
На муторне и засердчит.
Тогда тоскою закишкуешь,
И в буркоте заживорчит.
Попробуй позубать жевами,
Харчудок нажелуть пихами.
Веселье сразу понутрит.
Об лихо гряном заземлюешь,
Про свой забуд поголодуешь.
К досаде бег и учертит.

Да что язычить зря болталом!
Не басню кормом соловят.
А ну закошелькуй бряцалом!
Небось бренчата заденьжат.
Коли давало спятакуешь —
Узнащее свое грядуешь:
Куда плавам теперь челнать,
И что с тобою впередится?
И как ловчей уминервиться,
Чтоб угодиле Юнонать?»

Всю тарабарщину, до слова,
Не я придумал, видит бог.
Лишь мозг Сивиллы бестолковой
Такую чушь состряпать мог.
Карга недаром ахинею

Плела — пророчила Энею,
Что с ним стрясется, где и как.
Хотела, напустив туману,
Ударить крепче по карману,
Хоть был Эней совсем бедняк.

Что делать! Нужно догадаться
И как-то узел разрубить,
Да с ведьмою не торговаться,
Чтоб горьких слез потом не лить.
Сынок Анхизов старой суке
Сказал спасибо на науке,
Грошей с двенадцать в руку дал.
Задрав испóдницу, Сивилла
В мешочек медяки сложила
И сгинула — как черт слизал!

Эней Троянец от хрычовки
Избавился — и к морю шасть.
Он от Юноны ждал издевки,
Боялся к сатане попасть.
Все разом на челны метнулись,
Баграми тотчас отпихнулись.
По ветру славно было плыть.
Кипела дружная работа,
Махали веслами до пота.
Челны летели во всю прыть.

Плывут — а ветры не на шутку
Пустились выть, реветь, свистать.
Энею задали закрутку,
И некуда ему пристать.
Челны швыряло, бултыхало,
Торчмя и боком колыхало —
Не удержаться на ногах!
Трясло троянцев мелкой дрожью,
И, положась на волю божью,
Они играли на зубах.

Но постепенно вал кипучий
Смирился, ветры улеглись.

Вот месяц выглянул из тучи,
И звезды кое-где зажглись.
Троянский род приободрился,
От сердца камень отвалился.
Уж было думали тонуть!
Все люди так: не остерегся,
Разок на молоке ожегся —
И на́ воду привыкнешь дуть.

Пловцы остались невредимы.
Они, распив магарычи,
Свернулись, что твои налимы,
И ну храпеть, как на печи.
Никто не ожидал подвоха.
Но вдруг паромщик их, пройдоха,
Запричитал и бросил руль:
«Как только доплывем до суши,
Пропали, дескать, наши души!»
И шлепнулся, что с воза куль.

«Заклятый остров перед нами.
Не миновать его никак!
Уткнемся в берега челнами
И мигом попадем впросак.
Цирцея, злая чаровница,
На этом острове царица.
Она сердита на людей.
Не ждите, братцы, снисхожденья:
Кто угодит в ее владенья,
Всех превратит она в зверей!

Придется бегать не на паре,
А на четверке! Задарма
Пропал, как Серка на базаре.
Готовь загривок для ярма!
Ведь по хохлацкому покрою
Не быть козлом или козою,
А не иначе, как волом!
Небось потащишь плуг по пару,
Дровец навозишь пивовару,
Пойдешь в упряжке одинцом.

По-польски цвякать лях не будет,
Навеки сбросит он жупан
И «не позвалям» позабудет,
Заблеет в голос, как баран.
Того гляди, что с бородою
Москаль замекает козою.
Хвостом пруссак вилять горазд,
Точь-в-точь как старый лис виляет,
Когда и выжлец настигает,
И хорт уже угонку даст.

Цесарцы ходят журавлями,
Не хуже записных гусар,
Цирцее служат сторожами,
А итальянец тут фигляр.
Он мастер на любые штуки,
Танцор, ну, словом — на все руки.
Умеет и ловить чижей.
Он — обезьяна, он — затейник,
На нем сафьяновый ошейник,
Его удел — смешить людей.

Французы — щелкуны, вояки,
Головорезы-мясники —
На этом острове собаки:
Чужие гложут мослаки,
Они и на владыку лают,
Всех прочих за кадык хватают.
Промеж собой у них раздор,
И старший младшего по чину
Жестоко треплет за чуприну.
Здесь каждый на расправу скор.

Гуляют индюки-испанцы
И португалец — черный крот.
В болоте квакают голландцы,
Не просыхая круглый год.
Стал жеребцом датчанин дюжим,
А турок — мишкой неуклюжим,
Швед — волком, а еврей — хряком.

Швейцарцы ползают червями,
Шныряют финны муравьями.
Какая сласть в житье таком?»

Беда казалась неминучей.
Смутился крепко пан Эней,
И все троянцы сбились кучей —
Подумать о судьбе своей.
Давай креститься и молиться,
Чтоб от напасти удалиться,
В другую сторону махнуть.
Молебен грянули Эолу,
Чтоб ветрам он по произволу
Наискосок велел подуть.

Эол доволен был молебном
И сразу ветры повернул.
Волом на острове волшебном
Эней не стал — улепетнул.
Уже в руках у всей ватаги
Забулькали бутылки, фляги.
Ни капли не пролив из них,
Горелки досыта хлебнули,
Дружней весельцами гребнули,
Рванули, как на почтовых!

Пока, Эолу повинуясь,
Летел вовсю троянский флот,
Роменским табачком балуясь,
Анхизов сын глядел вперед.
Он гаркнул: «Братцы, шевелитесь!
На весла шибче навалитесь.
Вон Тибр уже маячит наш!
Ведь эта речка с берегами
Нам предназначена богами!
Гребите! — скоро и шабаш».

Гребнули раз, два, три, четыре...
Челнами врезались в песок.
Мотню по ветру растопыря,
На сушу все троянцы скок.

Давай проворно рыть землицу,
Как будто место под станицу
Им суд отвел без дальних слов.
Эней вскричал: «Моя здесь воля,
И — сколь окину глазом поля —
Везде настрою городов!»

А между тем царем Латином
Был крепок сей латинский край.
Как Каин, трясся над алтыном
Заядлый этот скупердяй,
Чьи подданные — голодранцы —
Носили рваные «голландцы» [1],
Точь-в-точь как их сквалыжный царь.
На деньги там не козыряли,
А только писанки катали,
И черствый прятали сухарь.

Богам родня — хоть не из близких —
Был царь Латин, а потому
Занесся и поклонов низких
Не расточал он никому.
Мерика, мать его, исправно
Когда-то навещала Фавна,
Затем Латина родила.
Имел он доченьку — вострУху,
Красотку, модницу, моргуху.
Одна лишь у царя была.

Залетная такая птичка!
Всего в пропорции у ней:
Осанкой — пава; круглоличка,
Румянец — яблочка красней;
Стройна, дородна и красива,
Добра, спокойна, не спесива,
Гибка, проворна, молода.
Кто на нее хоть ненароком
Посмотрит молодецким оком,
Тот сразу влюбится — беда!

[1] Узкие панталоны.

Скажу я, не жалея красок,
Девица — лакомый кусок!
Смачнее греческих колбасок,
Вкусней, чем грушевый квасок.
Взглянул — и в голове забота,
В желудке — резь, в костях — ломота...
Не пожелаешь и врагу!
Остолбенеют ясны очи,
И не доспишь петровской ночи.
Я по себе судить могу.

Подбиться к девушке пригожей
Пытались уж не первый год.
С Латином породниться тоже
Соседним хлопцам был расчет:
Заполучить не только дочку —
В придачу к сладкому кусочку
Со временем и царство взять.
Но маменька ее, Амата,
Была причудами богата.
Годился ей не всякий зять.

А некий Турн, царек, заметьте,
С Латином по соседству жил.
У дочки с матерью — в предмете,
К тому же и с отцом дружил.
Детина был на редкость бравый,
Высокий, толстый, кучерявый,
Обточенный, как огурец.
И войска он имел немало,
И серебро в мошне бренчало.
Куда ни кинь — был молодец.

Пан Турн, однако, подсыпáлся
К Латина дочке всё сильней.
На каблучки приподнимался
И выправлялся перед ней.
Латин, царевна и Амата
От пана Турна ждали свата.
Уже нашили рушников
И мелочей любого рода

Для свадебного обихода,
Как водится спокон веков.

Чего руками не ухватишь,
Того не называй своим.
Кто знает? Может быть, утратишь
И то, что было впрямь твоим.
Не испытав заране броду,
Не суйся опрометью в воду,
Иначе насмешишь людей.
А если в сети не заглянешь
И похваляться рыбкой станешь —
Ты, скажут, круглый дуралей!

Все ждали сватов у Латина
Никак не позже четверга.
А тут Анхизов сиротина
Приплелся вдруг на берега,
С собой привел троянцев племя,
Не стал напрасно тратить время,
По-молодецки закрутил:
Горелки, пива, меду, браги
Он выставил своей ватаге
И сбор немедля затрубил.

Голодное троянство с ходу
Посыпало на сей кутеж,
И, словно галки в непогоду,
Ужасный подняли галдеж.
Сивушки сгоряча глотнули
По склянице — и не моргнули.
Пустились яства убирать,
А запивали всё ковшами;
Трещало даже за ушами —
Так лихо уплетала рать.

Хрен с квасом, редьку и капусту
Шинкованную, огурцы,
Хоть было в пору мясопуста,
Умяли наши удальцы.
Не стало тюри, саламаты,

И пшенник уписали хваты,
До крошки сгрызли сухари,
Убрали дочиста съестное,
До капли выдули хмельное,
Как на вечёре косари.

Эней Анхизович оставил
Кувшин горелки про запас,
Но, клюкнув, крылышки расправил,
И тут, как водится у нас,
Решил последним поделиться,
Чтоб окончательно напиться
Со всей своею голытьбой.
Он из носатого сосуда
Сначала дернул сам нехудо,
За ним другие — вперебой.

Бочонки, сулеи, бутыли,
Баклажки, тыквы и жбанки
До дна троянцы осушили,
Посуду истолкли в куски.
Достойно справив новоселье,
Проснулись хмурые с похмелья:
«Узнать бы надо край, где впредь
Велели нам укорениться,
Осесть, построиться, жениться.
Айда́ латинцев посмотреть!»

Ходили там иль не ходили,
Но, вскорости придя назад,
Нескладицы нагородили —
Эней и слушать был не рад.
Сказали: «Тут народ лопочет,
На языке чудном стрекочет,
И ничего не разберешь.
Слова свои на «ус» кончает,
По-нашему не понимает.
Пропали, дескать, ни за грош!»

Что делать с речью тарабарской?
Эней скорее землякам

Велел за азбукой Пиарской
Толкнуться к тамошним дьякам.
Купил он октоихи, святцы.
«А ну-ка, складывайте, братцы,
Латинское тму, мну, здо, тло».
Троянцев засадил за книжки
И муштровал без передышки,
Чтоб им ученье впрок пошло.

Эней взялся за дело строго.
Он всех тройчаткой пригонял,
А кто ленился хоть немного,
Тому субботки задавал.
И не прошло еще недели,
Как по-латыни загудели,
Привыкли говорить на «ус»,
Энея звали *Энеу́сом,*
Уже не паном — *домину́сом,*
Свой род и племя — *Трояну́с.*

Эней за то, что так отменно
Смогли латынщину постичь,
Всем нацедил по кружке пенной,
И вновь распили магарыч.
С десяток выбрал бойких, смелых,
В латыни самых наторелых,
Притом разумнейших голов,
И ко двору царя Латина
От своего лица и чина
Отправил пан Эней послов:

«Царю, сидящему в столице,
Скажите: шлет Эней поклон
Тебе, а также и царице.
Латинской дружбы ищет он.
Для первого знакомства просит
Принять хлеб-соль и преподносит
Подарки дорогие вам.
За сим, добившись ласки панской,
Эней, сударь и князь троянский,
В твой терем явится и сам».

Уж сватовство не за горами,
А тут услышал царь Латин,
Что хлебом-солью и дарами
Почтил его Анхизов сын,
Хотят водиться с ним троянцы
И приплелись от них посланцы.
Латин вскричал: «Откройте дверь!
Я хлеба-соли не чураюсь
И с добрыми людьми братаюсь.
Вот на ловца бежит и зверь!»

Амату царь велел покликать
И хату, сени, двор мести.
Повсюду зелени натыкать,
Шпалер печатных принести,
Оклеить заново светлицы
По изволению царицы,
И чтоб она дала совет —
Как выскоблить столы скребками,
Как застелить полы коврами,
Убранство подобрать под цвет.

Гонца послали к богомазу —
Картин затейных приобресть.
Купили угощенья сразу.
Нашлось, чего попить, поесть.
Рейнвейн, конечно, с кардамоном
И пиво черное с лимоном,
Сивухи чан Латин припас.
Отколь взялись волы, телята,
Бараны, овцы, поросята!
Для заговенья в самый раз!

Первейших мастеров творенья
Гонец доставил все сполна:
Богатырей изображенья,
Царя Гороха времена;
От Александра взбучка Пору,
Чье войско задавало деру;
Как старый Муромец гулял,
И как дубиной молодецкой

Илья от рати половецкой
Переяславль оборонял.

Бовы с Полканом мировая;
Как Соловей-разбойник жил;
Как Пересвет побил Мамая;
Как в Польшу Железняк ходил.
Портрет француза был — Картуша,
И Ванька Каин, и Гаркуша...
Залюбовался царь Латин.
Чего там только не купили!
Всплошную стены облепили,
И не упомнишь всех картин!

Латин, распорядившись толком,
Хоромы осмотрел подряд,
Прошелся по сеням, светелкам
И подобрал себе наряд:
Накидку из клеенки новой
На пуговке литой свинцовой;
Надел на голову треух,
В коты без голенищ обулся,
Взял рукавицы и надулся,
Точь-в-точь как на огне лопух.

Вошел в торжественной одеже
Латин, в кругу своих вельмож.
Они понадувались тоже,
Был каждый на ерша похож.
Царя с почтеньем проводили,
Его на стульчик посадили
И молча стали у дверей.
Царица тут же на скамейке
Уселась в травчатой шубейке,
В кораблике из соболей.

Лавися-дочка приоделась,
В немецком платье, налегке,
Всё время в зеркальце глядела,
Вертясь, как муха в кипятке.
От стульчика царя Латина

Была разостлана ряднина
До самых, почитай, ворот.
Стояли удальцы латинцы,
Здесь — конные, там — пехотинцы,
Воловье войско и народ.

Ввели послов — нельзя пышнее,
Придворный соблюдая чин.
Несли они дары Энея:
Пирог без малого с аршин
(На радость царскому желудку),
Соль крымскую и соль бахмутку,
Лохмотьев чуть не целый воз.
К Латину подступили близко
И трижды поклонились низко.
Рацею старший произнес:

«Энеус, ностер магнус панус
И славный Троянорум князь,
Шнырял по морю, как цыганус,
Ад те, — о рекс! — прислал нунк нас.
Рогамус, домине Латине!
Спаси наш капут и отныне
Пермитте жить в твоем краю,
Хоть за пекунии, хоть гратис.
Уж мы, поверь, оценим сатис
Бенефиценцию твою.

О рекс! Будь нашим меценатом
И ласкам туам окажи.
Энеусу назва́ным братом
Стань, оптиме! Не откажи!
Энеус, принцепс наш удалый,
Формозус и проворный малый,
Инномине увидишь сам!
А прежде чем распить по чарке,
Вели акципере подарки,
От сердца присланные вам.

Вот коврик-самолет чудесный.
Его топтал еще царь Хмель.

Взовьется он под свод небесный,
Умчит за тридевять земель.
Тебе скажу я без утайки:
Годится он для таратайки,
И лавку можно покрывать.
Царевне он придется кстати:
Расстелет около кровати,
Как будешь замуж отдавать.

Вот эту скатерть-самобранку
Давно из Липска привезли.
Захочешь кушать — спозаранку,
Днем, ночью — скатерть расстели
И загадай. Невесть откуда
Появится любое блюдо,
К нему в придачу хлеб и соль,
Медок, пивцо, винцо, горелка,
Рушник, нож, ложка и тарелка.
Царице поднести дозволь!

А вот сапожки-самоходы
(Их, видишь ли, носил Адам),
Козловые, давнишней моды,
Не знаю, как попали к нам.
Их завезли, кажись, пендосы,
Когда мы удирали босы,
А во главе — Эней-сударь.
Диковинную вещь такую
Тебе с поклоном презентую.
Носи, мол, на здоровье, царь!»

Латин, Амата и царевна
Глазами друг на дружку хлоп.
Едва не кончилось плачевно:
К себе подарки всякий греб.
Насилу удалось без драки
Принять расположенья знаки,
И молвил царь Латин послам:
«Энею передайте, братцы:
Моя семья и домочадцы
Не описать как рады вам!

И всё мое владенье радо,
Что вас господь привел сюда.
Мне ваша нравится громада!
Не отпущу вас никуда.
Поклон Энею, а дотоле
Прошу отведать хлеба-соли,
Куском последним поделюсь.
Лавися, дочь моя, — хозяйка,
Шить, прясть умеет, не лентяйка...
Возможно, с вами породнюсь».

Царя Латина хлебосольство
Пришлось троянцам по нутру.
Хлестало пенную посольство;
Все ели бублики, икру;
Была похлебка с потрохами,
К борщу — грудинка с бураками,
Затем с подливой каплуны;
На перемену — лещевина,
За нею — с чесноком свинина,
Кисель, что кушают паны.

Заморских вин запас немалый
Троянцы выдули в обед.
Но слюнки потекут, пожалуй!
Расписывать охоты нет.
Кизиловую и дулевку,
Вернее, крымскую айвовку,
Там распивали, что квасок.
На «виват» из мортир стреляли,
Туш громко трубачи играли,
А дьякон многолетье рёк.

Расщедрился на этот случай
Латин, Энею отрядив
Лубенский каравай пахучий,
Корыто опошнянских слив,
Сивухи бочку из Будянки,
Бычков и телок из Липянки,
Сто решетиловских овец,
Орехов киевских каленых,

Полтавских коржиков печеных,
Яиц гусиных, наконец.

Латин связался, столковался
С Энеем, нашим удальцом.
Эней и зятем назывался, —
Да дело славится концом!
Пошли забавы и потехи.
Сынок Анхизов без помехи
Успел на радостях гульнуть,
Хотя по-прежнему Юнона
За ним следила неуклонно,
Не позволяя увильнуть.

Ирися — торопыга, врунья,
Богов заядлый вестовой,
Заноза, тарантá, крикунья —
Спешила долг исполнить свой:
Юноне натрещать скорее,
Как чествует Латынь Энея,
Как попросту и без затей
Он тестем, вишь, зовет Латина,
А царь Энея счел за сына,
И с дочкой снюхался Эней.

«Эге! — Юнона закричала. —
Сквернавец далеко зашел!
Не осадила я нахала,
Уж он и ноги класть на стол.
Ну, проучу я фордыбаку!
И перцу дам ему, и маку.
По-свойски с ним поговорю.
Стравлю латинцев и троянцев,
Вмешаю Турновых поганцев.
Я киселя им наварю!»

И — эстафетою к Плутону
За подписью своей приказ:
Чтоб фурию, мол, Тезифону
Послал к Юноне сей же час.
Чтоб ни в берлине, ни в дормезе,

Чтоб ни в рыдване, ни в портшезе,
А духом — на перекладных.
Чтоб не было в пути препоны,
Немедля заплатить прогоны —
И отговорок никаких!

Из пекла Тезифона бурей
Примчалась, подняла содом.
Ехиднейшей из ведьм и фурий
Ее считали поделом.
Вошла с ужасным стуком, криком,
Со свистом, ревом, треском, зыком.
Тут гайдуки шагнули к ней
И повели под ручки в терем,
Хотя она смотрела зверем
И сатаны была страшней.

«Ко мне, голубка Тезифона!
Здорово, дитятко мое!»
Смеясь от радости, Юнона
Бежит расцеловать ее.
«Душа моя, как поживаешь?
Троянского ублюдка знаешь?
Ему в Латыни — Карфаген!
Небось и дочку и мамашу
Расхлебывать заставит кашу,
И в дурни выйдет старый хрен!

Мне злоба, видишь ли, несродна.
Людей губить я не люблю.
Но так, поверь, богам угодно,
И я Энея погублю.
Из свадьбы сделай панихиду,
Латинцам нанеси обиду
И пир похмельем оберни!
Энея, дьяволова сына,
Царицу, Турна и Латина
Ты хорошенько припугни!»

«Я милости твоей подвластна,
Безропотно тебе служу, —

Взревела ведьма громогласно, —
Троянцев заживо сгложу.
Свяжу я Турна и Амату,
В ущерб Энею-супостату
Вобью Латину в темя блажь
И заведу такую склоку,
Что в сватовстве не будет проку.
Всех растерзаю — и шабаш!»

Клубком прикинувшись, к Амате
Шмыгнула в горницу, когда
Уж дело было на закате,
Домой шли с пастбища стада.
Амата сумрачно вздыхала
И, вся в слезах, перо щипала.
Зятьком желанным Турн ей был!
Кляла Лавинии родины,
Соседей, кумовьев, крестины.
Да кто ж полезет на копыл?

К Амате под подол сорочки
Гадюкой ведьма заползла,
В укромном сердца уголочке
Она приют себе нашла
И, как бобов, наклала злобы
На дно царицыной утробы.
Амата лаялась, дралась,
Сулила сто чертей Латину
И всех таскала за чуприну,
Как будто с цепи сорвалась.

Еще украдкой навестила
Князька рутульского яга
И на Энея напустила
Тем самым лишнего врага.
Уклад военный соблюдая,
Напился Турн с горелкой чая
И пьяный завалился спать.
Но тут прокралась ведьма в щелку,
Чтоб наваждень втихомолку
На Турна сонного наслать.

Попритчилось ему, помстилось,
Что, вишь, Анхизово дитя
С Лависей в разговор пустилось
И женихалось не шутя.
С Лависей вроде обнимался,
До пазухи ее добрался
И вроде перстень взял у ней.
Лавися вроде отбивалась,
А после уж не вырывалась,
И вроде ей сказал Эней:

«Лавися, милое созданье,
Ты знаешь, как тебя люблю.
Что толку в нашем жениханье?
Тебя навек я погублю.
От пана Турна ждешь ты свата,
С ним спелась, видишь ли, Амата,
Да и тебе он по нутру.
Скажи, кого предпочитаешь?
Кого, признайся, выбираешь?
Я с горя, так и быть, помру!»

«Живи, живи, Энейчик милый,
Очей моих желанный свет!
На что мне сдался Турн постылый? —
Царевна молвила в ответ. —
Скорее пентюх околеет,
Чем он Лависей овладеет!
В тебе — блаженство, жизнь моя!
Когда тебя не вижу — плачу,
Часы и дни впустую трачу.
Ты — мой владыка, я — твоя!»

Вскочив, как встрепанный, с постели,
Пан Турн, как вкопанный, торчал,
От злости трясся и, с похмелья,
Где сон, где явь не различал:
«Кого? — меня! и кто? — троянец!
Бродяга, беглый, голодранец!
Надуть? Лавинию отнять?
Мне впору смазывать колеса,

Не будь я князь, будь я без носа,
Коли Эней Латину зять!

Лавися — кус не для злодея
И проходимца, как Эней!
Голубка сизая, скорее
Погибнешь от руки моей!
Я кверх ногами всех поставлю,
Не пощажу, к чертям отправлю,
Эней узнает, как я зол!
Прижму и своего соседа,
Безмозглого Латина-деда,
Амату посажу на кол!»

Вскипев, на поединок вызов
Черкнул тотчас Энею сам:
Не хочет ли сынок Анхизов
От князя Турна — по усам?
Дубьем ли биться, кулаками
Пощекотать ли под боками —
Но победить иль умереть!
Пихнул он также драгомана
В шатер латинского султана —
Ему мордасы утереть.

Зловредной фурии по нраву,
Что дело обернулось так.
Людское горе ей в забаву,
Затеять любо кавардак.
Она с коварством сатанинским
Спешит к нахлебникам латинским,
Троян ей надобно допечь.
А те задумали с налету
Скакать на заячью охоту,
Чтоб своего князька развлечь.

Но «горе грешникови сущу, —
Так киевский скубент изрек, —
Благих дел вовся не имущу!»
Нам божьи судьбы невдомек:
Где сам не чаял — там застрянешь,
Где дал бы драла — мешкать станешь.

Что делать? Жребий наш таков.
Читатель, ты узнаешь дале
О том, как сильно пострадали
Троянцы из-за пустяков.

Вблизи троянского кочевья
Стоял невзрачный хуторок:
Строенье ветхое, деревья,
С плотиной пруд, мостки, лужок,
За хатой маленькая банька.
Владела всем Аматы нянька.
Была девицей иль вдовой —
Не знаю, но слыла ворчливой,
Скупой, злой, ябедой, сварливой.
Двору платила чинш большой:

Колбас десятка три — Латину,
Лавинии к Петру — коржей,
В семь дней Амате по алтыну;
Три фунта воску для свечей,
Две сотни фитилей давала,
И кисеи на покрывало,
И пряжи три мотка в платеж.
Латин на няньке наживался,
Зато за няньку заступался.
За няньку был готов на нож!

Жил беленький у няньки песик,
Свою хозяйку забавлял.
Не то чтоб из дворняг, — из мосек!
Носил поноску, танцевал
И госпоже своей от скуки
Лизал частенько ноги, руки.
Царице он казался мил.
Смеясь и веселясь душевно,
Играла с мопсиком царевна,
А царь всегда его кормил.

В рога троянцы затрубили
И на прогалину скорей
Со своры гончих псов спустили.
Защелкали бичи псарей.

Ревя, повизгивая, лая,
Неслась неистовая стая.
Тут мопсик выскочил за дверь,
На голос гончих отозвался,
Чихнул, завыл и к ним помчался.
Стремянный думал — это зверь.

Спустив борзых, собакам гикнул:
«Ату его!» — что было сил,
А мопсик наш к земле приникнул,
Дрожа, дыханье затаил.
К нему борзые подоспели,
Рванули мопсика и — съели.
Остались от него клочки.
У няньки — посудите сами —
Глазищи вспучились шарами
И с носа съехали очки.

Сперва остервенилась бурно,
Осатанела и орет.
Затем хрычовке стало дурно,
Ее прошиб холодный пот.
Ну биться, ну трястись в припадке,
В истерике и в лихорадке.
Совали по́д нос ей камедь,
Салфеткой пуп ей согревали,
Ромашковый клистир вливали,
Не допустили помереть.

Как только память к ней вернулась —
Давай весь мир костить и клясть.
И сразу челядь к ней метнулась —
Ее ругни послушать всласть.
Схватила нянька головешку —
Троянцам сунуть под застрешку! -
И дернула через бурьян —
Сжечь курени, убить Энея,
Головореза, лиходея,
И всех троянских басурман.

За нею повалила челядь.
Кухарка — сковородник хвать!

Лакей тарелками стал целить,
А прачка рубелем махать.
С цепом гуменщик лезет в драку,
За ним коровница в атаку
Бежит, подойник прихватив.
А косари с гребцами смело
Пустили косы, грабли в дело,
И каждый был в бою ретив.

Но у троянского народу
За грош алтына не проси.
Не трожь Энееву породу,
А тронул — ноги уноси!
Упорного троянцы нрава.
Их разве устрашит расправа?
Они любому нос утрут.
И, с нянькиным схватившись войском,
Они в сражении геройском
Его к стене приперли тут.

Но в самое лихое время,
Пока лилась их кровь, пока
Троянцев и латинцев племя
Врагов пихало под бока,
Примчался скороход к Латину
С письмом, завернутым в холстину.
Весть о войне принес гонец:
Не в пир царя зовет, напиться,
А в поле выкликает биться
Князь Турн, великий удалец.

«Латин, ты поступаешь дурно!
Не сам ли слово мне давал?
Теперь навеки дружбу с Турном
Ты столь бесчестно разорвал!
Ты слово царское ломаешь,
Кусок у Турна отнимаешь,
Суешь его Энею в рот.
Со мной побьешься на кула́чках,
Домой вернешься на карачках,
Иль вовсе лунь тебя сожрет!»

Не так вспылит помещик чванный,
Когда пан возный иск вчинúт;
Поживы не найдя желанной,
Голодный вор не так сердит, —
Как наш Латин тут распалился;
Так на гонца он рассердился,
Что губы искусал со зла,
Великой яростью пылая
И гнев свой царственный желая
Излить на Турнова посла.

В окошко глянув ненароком,
Латин пришел в великий страх:
Шумел народ пред царским оком
На улицах и площадях,
Толпа латинцев так и перла,
Швыряли шапки, драли горло
И лезли с криками вперед:
«Война! Война против троянцев!
Мы всех Энеевых поганцев
Побьем, искореним их род!»

Царю чужда была отвага.
Рубиться не любил он — страсть!
От слова «смерть» Латин, бедняга,
Готов был замертво упасть.
Имел он стычки лишь в кровати,
Когда не угождал Амате.
В ту пору он уже был сед,
Держался тихо и несмело,
В чужое не мешался дело,
Как всякий дряхлый старый дед.

Латин ни сердцем, ни душою
Не пожелал войны шикак.
Запасшись мудростью большою,
Чтоб не попасть ему впросак,
Созвал к себе панов вельможных,
Чиновных, старых, осторожных,
Чье слово часто слушал сам.
Услави с глаз долой Амату,

Их всех завел к себе в палату
И речь сказал он старшинам:

«С угару вы или с похмелья?
Вас черт ли за душу щипнул?
Иль напились дурного зелья?
Иль ум за разум завернул?
Кто вбил в башки вам дурь такую?
Я лить не стану кровь людскую.
Когда я тешился войной?
Разбойник ли с большой дороги,
Иль хищник я четвероногий?
Мне ненавистен всякий бой!

Вдобавок был бы я глупе́нек,
Когда бы воевать полез
Без войска, без харчей, без денег.
Мозги вам затуманил бес!
Кто будет наш провиантмейстер
И кто, к примеру, кригсцальмейстер?
Кому доверю я казну?
Никто из вас не хочет биться,
Все только думают нажиться,
Как следует набить мошну.

И царское скажу я слово:
Коли зудят у вас бока,
Иль ребра, иль спина — чужого
Зачем просить вам кулака?
Я крепко почешу вам спину
И, если надобно, дубину
Готов на ребрах сокрушить.
Я послужить вам рад кнутами,
И розгами, и батогами,
Чтоб жар военный потушить!

Бросайте глупое гусарство
И расходитесь по домам,
Паны, вельможное боярство!
А про войну — приказ мой вам! —
Оставьте помыслы и речи.

Толкуйте, не слезая с печи,
Чего бы, мол, поесть, попить...
Кто о войне проговорится,
Кому во сне она приснится,
Того пошлю куниц ловить!»

Сказав сие, махнул рукою,
Напыжась грозно, вышел вон
Надменной поступью такою,
Что всякий был ошеломлен.
Остались в дураках вельможи,
У них повытянулись рожи,
Никто и жизни был не рад.
Рысцою в ратушу бедняги
Метнулись после передряги,
Когда уж наступил закат.

Совет они держали долгий,
До хрипоты кричали тут;
Шли про царя Латина толки, —
Что, дескать, на него плюют,
Его угроз ни в грош не ставят
И всё равно войну объявят,
Что рекрут набирать пора.
При этом из казны Латина
Просить не станут ни алтына,
А только у бояр. Ура!

Итак, Латынь зашевелилась,
Троян задумала побить.
Откуда ухарство явилось,
Отколь взялась такая прыть?
Царя ослушалось боярство,
Вельможи взбунтовали царство.
Вельможи! Лихо будет вам.
Пропали головы и души!
Обрежут всем носы и уши
И предадут вас палачам.

О муза, — панночке парнасской
Твержу, — спустись ко мне на час!

Утешь меня своею лаской
И опиши не без прикрас
Латынь в разгар военных сборов:
И рекрутов, и волонтеров,
Порядок войсковой и лад,
Оружие, мундиры, сбрую.
Мне сказку расскажи такую,
Где слово каждое впопад.

Бояре на листе бумаги
Черкнули живо манифест,
Чтоб войско собралось под стяги
Из разных округов и мест;
Чтоб головы при этом брили,
Но чтоб у всех чуприны были
И чтоб торчал с пол-локтя ус;
Чтоб котелок иметь и ложку,
Пшена, мучицы понемножку,
Да сухари, да сала кус.

На сотни, на полки разбили
Всё войско; для таких причин
Пернач полковникам вручили,
А сотникам — патент на чин.
По городам полки назвали;
По шапкам их распознавали.
В ранжир построили вояк,
Одели в синие жупаны
И белые полукафтаны —
Чтоб был казак, а не вахлак.

Определили на квартиры,
По сотням расписали рать
И, нарядив людей в мундиры,
Пошли присягу принимать.
Верхами сотники финтили,
Свой ус хорунжие крутили,
И нюхал есаул табак.
От новых шапок и жупанов
Спесь раздувала атаманов
И всех урядников, служак.

У нас в гетма́нщине, бывало,
Свои обычаи велись.
Равняясь, войско застывало
Без всяких «стой, не шевелись!».
Казацкий полк любой заправский —
Лубенский, Гадячский, Полтавский —
Все в шапках, словно мак, цветут.
Нагрянут с копьями стальными,
Ударят сотнями лихими —
И подчистую всё метут.

Здесь были также горлодеры,
Головорезы, храбрецы, —
Не рекруты, а волонтеры,
Как запорожцы-удальцы.
Конечно, регулярной ратью
Не назовешь такую братью,
Зато сердиты воевать:
Укра́дут и живьем облупят,
Пред сотней пушек не отступят,
Коль языка велишь достать.

На склад приволокли подарки
Латинцы для своих дружин:
Мушкеты, пики, янычарки,
Винтовки, ружья без пружин;
Горой лежали самопалы,
В углу — фузей запас немалый,
Пищалей и пороховниц.
Там были страшные мортиры:
Тряслись от выстрелов квартиры,
И пушкари валились ниц.

Из ульев, буков и кадушек
Спешили пушки сколотить,
А причиндалы к ним — из вьюшек,
Сновалок, донцев смастерить.
Нужде не писаны законы:
И водовозни, и фургоны,
Колеса, грабли, помело,
Песты, мочальные мазилки

И погребальные носилки —
В приказ пушкарский всё пошло!

Хоть рады были, хоть не рады,
А про военный обиход
Пришлось готовить впрок снаряды, —
Так много, просто дрожь берет!
Из глины ядер налепили,
Для пуль — галушек насушили,
Солили сливы — на картечь.
В щиты корыта превращали,
Из бочек днища вышибали,
Прилаживали их у плеч.

Беда без палашей и сабель!
Ведь у латинцев Тулы нет.
Ну что ж! Убит не саблей Авель, —
Дубиной, слышь, он был огрет.
Решили все из деревяшек
Понастрогать казацких шашек,
А вместо ранцев, так и быть,
Лукошки, кузовки, плетенки,
С какими ходят по опенки,
Для новобранцев раздобыть.

Всю амуницию пригнали;
На сало били кабанов,
Сушили сухари, взымали
Везде подымщину с дворов.
И расписали напоследок,
Кто — выборный, кто — подсоседок,
Кто — конный, пеший, кто — с тяглом,
Кто — за себя, кто — на подставу,
В какое войско, сотню, лаву.
Порядок навели кругом.

Здесь муштровали рать помногу:
Метать учили артику́л,
Выкидывать красиво ногу,
Мушкеты брать на караул.
Была у всех одна забота:

Шагает левою пехота,
А клячи — правой марш вперед!
За регулярность у боярства
Сходило ратное фиглярство.
Грозились на троянский сброд!

На страх Энею ополченье
В латинском царстве поднялось.
Повсюду началось ученье.
Хлебнуть солдатчины пришлось.
На прутьях девки гарцевали,
Хлыстами хлопцев муштровали,
Меж тем как старые хрычи,
Баталии примерной ради,
Своих старух держа в осаде,
Их штурмовали на печи.

К войне рвались латинцы смело.
Не столько требовала честь,
Как придурь в головах засела,
И надо было в драку лезть.
Три дня подряд свои пожитки
В горячке до последней нитки
Спешили жертвовать на рать.
Отчизне в помощь отовсюду
Тащили хлеб, казну, посуду.
Уж было некуда девать!

Старалась о войне Амата
И хлопотала, как могла.
Казалась ей постылой хата,
На улице она жила.
А женщины с Аматой спелись
И, словно белены объелись,
Всех подстрекали воевать,
Водили с Турном шуры-муры
И зареклись, хоть вон из шкуры,
Энею девки не отдать!

Коль женщины не впору встрянут —
Сперва захнычут невзначай,

Затем соваться всюду станут, —
Советчицам лишь волю дай!
Тогда забудешь о порядке,
Пойдет всё к черту без оглядки.
О женщины! Не утаю,
Что, если б вы побольше ели
И меньше тарантить умели,
За это были бы в раю.

Пока, беснуясь, Турн посланцев
В соседние державы шлет,
На сукиных сынов троянцев
Искать управы всех зовет,
Пока Латин от потасовки
Скрывается в своей кладовке
И ждет — когда беде конец,
Пока Юнона всюду вьется,
Пока богине сбить неймется
С Энея свадебный венец, —

Гудит сигнал тревоги ратной,
Скликая на войну Латынь.
Бьет злоба в колокол набатный.
Сумятица, куда ни кинь,
Шум, гомон, крики, звон клепала;
Уже война, подняв забрало,
В кровавых ризах тут как тут.
За ней — раненья, смерть, увечье;
Безбожность и бесчеловечье
Подол плаща ее несут.

В земле латинской синагога
Стояла с дедовских времен
Для Януса, лихого бога,
И был о двух обличьях он.
Пригожи с виду или хари
Для устрашенья смертной твари —
Про то молчит Вергилий сам.
Известно, впрочем, по преданью,
Что мир в стране сменялся бранью,
Как только отмыкали храм.

По звону люди всколыхнулись,
К войне у всех припала страсть.
Ворота храма распахнулись,
И Янус, как разбойник, шасть!
В сердцах латинских бедокуря,
Военная взыграла буря,
И каждый ухарством объят:
«Войны, войны!» — кричат, желают,
Геенским пламенем пылают,
Стремятся в битву стар и млад.

Однако для такой затеи —
Где должностной народ? Где власть?
Нужны же войску грамотеи
И мастера на счетах класть!
Замечу кстати, не речами
Питают войско, а харчами,
И воин без вина — хомяк.
А без прелестницы-злодейки,
Без битой меченой копейки
Нам воевать нельзя никак.

Златые были дни Астреи,
И славный был тогда народ;
Менялу брали в казначеи,
А фигляры писали счет;
Раздатчик порций был аптекарь;
Картежник был усердный пекарь,
Гевальдигером был шинкарь,
Слепорожденный был вожатый,
Косноязычный был глашатай,
Шпион — из церкви пономарь.

Возможно ль описать словами
Латинцев ошалелый вид?
Они уж признавали сами,
Что в головах у них гудит.
От спешки впрямь оторопели,
Метались, как в котле кипели,
Всё делали наоборот:
Что строить нужно, то ломали,

Что кинуть — с полу поднимали,
Что класть в карман — то клали в рот.

Теперь мы знаем, как латинцы
Поход готовят на троян,
Какие припасли гостинцы
Энею нашему в изъян.
Еще проведать бы недурно,
Какой ждать каверзы от Турна?
Он — хват, сам черт ему не брат!
Уж коли пьет — не проливает,
Уж коли бьет — так попадает.
Людей, как мух, давить он рад.

Турн витязь был не из последних.
И, трубки раскурив, тотчас
Все корольки земель соседних,
Считая просьбу за приказ,
Пошли в поход со всем народом,
И с потрохами, и с приплодом,
Чтоб Турну-удальцу помочь:
Энею помешать жениться,
Не дать в Латии поселиться,
К чертям прогнать энейцев прочь!

Не туча солнце заслонила,
Не буйный вихрь кружил, пыля,
Не стая галок чернокрыла
Слеталась нынче на поля, —
По всем шляха́м, гремя булатом,
Шла рать навстречу супостатам,
К Ардее-городу спеша.
Казалось, пыль до неба вьется,
Сама земля, казалось, гнется.
Эней! Прощай твоя душа!

Мезентий впереди Тирренский,
И воинства за ним стена.
Точь-в-точь полковник так Лубенский
Свой полк в былые времена
Вел к земляным валам Полтавы

(Где шведы полегли без славы) —
Полтаву-матушку спасать.
И шведов-чудищ нет в помине,
И вал исчез, — осталось ныне
Одни бульвары нам топтать.

Затем на битюгах тащился
Авентий-попадьич [1], байстрюк,
И с челядью он обходился,
Как с прихлебалами барчук.
Знакомому был пану внучек,
Господских кобельков и сучек
И лошаков менять умел.
Разбойник от рожденья — бучу
Любил поднять, валил всех в кучу
И чертом, бирюком глядел.

А дальше конница стремилась,
Испытанное войско шло:
Там атаман был Покотиллос,
А есаул — Караспуло.
Лихие греческие части!
Они везли с собою сласти —
Пирожные, кебаб-калóс [2],
А также мыло, рис, оливы —
Всё, чем богат их край счастливый:
Морея, Дельта, Кефалос.

Сынок Вулканов, из Пренесте
Цекул в Латию с войском шел.
Не так ли с Сагайдачным вместе
Казаков Дорошенко вел?
Он с бунчуком скакал пред ратью,
А друг его хмельную братью
Донской нагайкой подгонял.
Рядочком ехали-пылили
И смачно трубками дымили,
А кое-кто в седле дремал.

---

[1] Авентий рожден от жрицы Реи и Геркулеса.
[2] Кебаб — род шашлыка. Калóс (греч.) — хороший.

Нептунов сын, буян, вояка,
Мезап за ними следом брел.
В бою был сущая собака
И лбом бодался, как козел.
Боец, горлан и забияка,
Стрелок, кулачник и рубака,
И дюжий из него казак.
В виски кому-нибудь вопьется —
Тот насухо не отдерется.
Точь-в-точь как ляхам — Железняк!

Другой дорогою — обходной —
Агамемно́ненко Галес
Стремглав, как пес к воде холодной,
Летит врагу наперерез.
Галес орду велику, многу
Ведет рутульцу на подмогу.
Тут люди всяких языков:
Аврунцы есть и сидицяне,
Калесцы и ситикуляне,
И пропасть разных казако́в.

Сыночек панский, богоданный
Тезеевич пан Ипполит
В Ардею прется, дьявол чванный,
И воинство за ним валит.
Барчук упитанный, смазливый,
Чернявый был, сладкоречивый,
И мачеху он искусил;
Держал богинь лишь на закуску,
А смертным не давал он спуску,
Брал часто там, где не просил.

Ей-ей, и сосчитать не сможешь
Народов тех, что здесь толклись.
И на бумагу не положишь, —
Откуда все они взялись?
Не нам чета, в другое время
Вергилий жил, а тоже темя
Чесал он, видно, в свой черед.
Рутульцы были тут, сиканцы,

Аргавцы, лабики, сакранцы
И те, что черт их разберет!

Еще наездница скакала
И войско грозное вела.
Людей пугала и брыкала
И всё, как помелом, мела.
Девица та звалась Камиллой
И от пупа была кобылой,
Имела всю кобылью стать:
Ноги четыре, хвост с прикладом,
Хвостом хлестала, била задом,
Умела говорить и ржать.

Вы слыхивали о Полкане?
Она была его сестра.
Слонялись долго по Кубани,
А род вели из-за Днестра.
Сама Камилла, царь-девица,
Воительница, чаровница,
Была проворна на скаку,
Из лука метко в цель стреляла
И крови пролила немало,
Должно быть, на своем веку.

Такое сборище грозилось
Энея распатронить в пух;
Когда Юнона обозлилась —
Уж затаить придется дух!
Жаль, жаль Энея нам, однако!
Неужто Зевс его, как рака,
На мель позволит посадить?
Иль избежит он сей напасти?
Увидим это в пятой части,
Коли удастся смастерить.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Беда не по деревьям ходит.
Ее отведает любой.
Беда беду с собой приводит.
Она — устав судьбы людской.
Эней в беде — как птичка в клетке;
Запутался, как рыбка в сетке,
Теряясь в мыслях, молодец.
Как будто целый свет сплотился,
На горемыку напустился,
Чтоб сокрушить его вконец.

Неслась война зловещей тучей
На стан троянцев, и Эней
Грозы страшился неминучей,
Свою погибель видя в ней.
И как волна волну сменяла,
Так дума думу прогоняла.
Он духом был изнеможен,
Его надежды были бренны,
И, опасаясь перемены,
К Олимпу обращался он.

Спала беспечным сном ватага,
Эней лишь потерял покой.
Всё думал о войне бедняга,
Бродя по берегу с тоской.
Сердешный обессилел с горя,

Улегся на песке у моря,
Но долго не смыкал он глаз.
И впрямь, — легко ли сном забыться,
Когда теснит судьбы десница,
Когда фортуна против нас?

О сон, мы у тебя во власти.
Усталым придаешь ты сил,
Ты прогоняешь прочь напасти,
Нам без тебя и свет не мил.
Приносишь слабым подкрепленье,
В тюрьме невинным утешенье,
Злодеев муками страшишь,
Влюбленных сводишь ночью поздней,
К добру приводишь злые козни.
Тот жалок, от кого бежишь!

Энея мысли одолели,
Но сон таки свое берет!
Когда иссякнут силы в теле,
В нем непременно дух замрет.
Энею снится старичище,
В колтун свалялись волосища,
Обшито тело тростником.
Седой, взлохмаченный, кудлатый,
С косматой бородой, горбатый,
Он подпирался посошком.

«Не ужасайся, сын Венеры, —
Промолвил камышовый дед. —
Не огорчайся свыше меры!
Ты натерпелся горших бед.
Войны не бойся, жди подмоги:
С тобою — олимпийцы-боги.
Они опасность отвратят.
Моим словам поверку сделай:
Ищи свиньи под дубом белой,
С ней — тридцать белых поросят.

Промчится тридцать лет отныне,
И заведешь с Юноной лад.

На месте, где ютятся свиньи,
Иул построит Альбу-град.
Но ты и сам не просчитайся.
С аркадянами побратайся!
У них с латинцами вражда.
На помощь призовешь аркадян —
И Турн пропал, будь он неладен!
Всё войско перебьешь тогда.

Настало время пробужденья.
Вставай с молитвой и не трусь!
Меня ты знаешь, без сомненья:
Я Тибром издавна зовусь.
Я водами от века правлю.
Тебя в несчастье не оставлю!
Я не упырь, не черный дух.
Здесь будет град над городами!
Так предначертано богами!» —
Промолвил дед и в реку — плюх!

Эней проснулся, встрепенулся.
Он после ночи стал бодрей.
Водою тибрской всполоснулся,
Прочел молитву поскорей.
«Челны, — сказал он, — снаряжайте
И сухарями нагружайте!»
К подножью дуба бросил взгляд,
И дрожь по телу пробежала:
Там белая свинья лежала,
С ней — тридцать белых поросят!

Их заколоть велел он: свиньи
Пойдут Юноне на обед,
И, жертву принеся богине,
Эней избавится от бед.
На два челна троянство село.
Пустились вниз по Тибру смело
К Эвандру — помощи просить.
Леса, луга, пески и воды
Дивились: что за мореходы?
Отколь у них такая прыть?

Как долго плыл Эней — не знаю,
Однако в праздник наш герой
К желанному причалил краю.
Шел у Эвандра пир горой.
В ту пору, будучи под мухой,
Трудился царь над варенухой,
И хмель бродил уж в головах.
Все были в опьяненье сладком,
Но перетрусили порядком,
Троян увидя на челнах.

«По воле или по неволе?
Из горних или дольних стран?
Вы — с миром или биться в поле?» —
Аркадский крикнул им горлан.
«Троянец я, Эней отважный,
Как вы — латинцам враг присяжный, —
С челна последовал ответ. —
С дружиной издалёка еду
К царю Эвандру на беседу,
О нем наслышан целый свет».

Паллант, Эвандра сын красивый,
Навстречу гостю поспешал;
Поклон отвесивши учтивый,
К отцу радушно приглашал.
Смышлен царевич был аркадский.
Эней Палланта обнял братски,
С ним общий отыскал язык.
Эвандра увидав с попами,
Со старшиною и панами,
Троянец брякнул напрямик:

«Мол, так и так, ты справедливый,
Достойный царь, хотя и грек!
Тебе я друг, пока мы живы,
Латинцам недруг я навек.
Просить хочу твою особу,
Не дашь ли войска мне в подсобу,
Чтоб нашим насолить врагам?
Я — кошевой Эней Троянец,

Как бесприютный оборванец,
По всем скитаюсь берегам.

К тебе пришел не без отваги:
Не знал, какой найду привет?
Отведаю медку иль браги?
Брататься будем или нет?
Я руку дам тебе в задаток.
Она, поверь, не трусит схваток
И злейших не щадит врагов.
Со мной геройская дружина.
Ей довелось терпеть безвинно
Людские козни, месть богов.

Меня ужасно допекает
Рутульский Турн, собачий сын:
Латина к битве подстрекает,
Грозит сожрать меня, как блин.
Я затяну очкур на шее
Иль утоплюсь в пруду скорее,
Чем пану Турну покорюсь.
Не у него в горсти фортуна!
Еще в кулак зажму я Турна!
Дай рать! — с постылым поборюсь».

Эвандр Энею молчаливо
Внимал и ус крутил, добряк.
С усмешкой, поглядев пытливо,
Троянцу отвечал он так:
«Эней Анхизович, присядьте!
Здоровья попусту не тратьте.
Господь наш милостью богат!
Вам войско снаряжу в подмогу,
Дам провианту на дорогу,
Отсыплю и мешок деньжат!

Не погнушайтесь хлебом-солью,
Галушки кушайте, борщок!
Не церемоньтесь, ешьте вволю
И — на подушки, на бочок.
За мной не будет остановки:

Мы на заре, без жеребьевки,
Полки́ сколотим — и в поход!
Даю — на дружеской основе,
Не ставя никаких условий.
Люблю я крепко ваш народ!»

Уж для голодного троянства
На всех столах стояла снедь.
Иные поостыли яства,
Пришлось их снова разогреть.
Рассольник подали с гренками,
Рубцы, похлебку с потрохами,
И куры с фаршем были тут,
Еще язык лежал говяжий;
Столешницы ломились даже
От изобилья вкусных блюд.

Где смачно ется, там и пьется —
Так слышал я от земляков.
В утробе уголок найдется
Всегда для лакомых кусков.
Эней со свитой не дремали,
Во здравье чары поднимали,
А также и за упокой.
Все гости выпили чин чином
За процветанье батьки с сыном,
«Ура» крича наперебой.

Троянцы спьяну разбрехались
И, небывальщину плетя,
С аркадянками женихались,
Кто — так, а кто и не шутя.
Эвандр ударился в рассказы
Про Геркулесовы проказы:
Как злого Кака он убил,
Какие Как чинил всем беды
И, в честь Геракловой победы,
Какой устроен праздник был.

Все крепко залили за ворот,
Едва держались на ногах.

Эней побрел с Эвандром в город,
Дорогу щупая впотьмах.
Он спать остался на ступеньках,
А царь пополз на четвереньках
И в хате под прилавком лег.
Там было старику вольготно.
Он в бурку завернулся плотно
И захрапел, как только мог.

Окутал сумрак пеленою
Равно и трезвых и хмельных.
Троянцы спали с перепою,
Забыв о горестях своих.
Венера, соскочив с полатей,
Простоволосая, в халате,
К Вулкану кралась босиком,
Как будто с ним и не венчалась,
А скрытно по ночам встречалась
И в кузню бегала тайком.

На то и женская уловка,
Чтоб нас новинкой приманить:
Куда как хороша плутовка,
А ей охота — краше быть!
Венера устремилась к мужу.
Все прелести у ней наружу.
Косынку сорвала сама,
Обтянут стан донельзя, ворот
Чуть не до пояса распорот.
Кто поглядит — сойдет с ума.

Кузнец Вулкан, суровый с виду,
Ковал для Зевса молний пук,
Но задрожал, узрев Киприду,
И молот выронил из рук.
Венере мигом стало ясно,
Что потрудилась не напрасно.
Она Вулкана в губы — чмок!
На шею кинулась, повисла,
Отяжелела и раскисла.
Глаза уперла в потолок.

Вулкан и сам размяк, что кваша.
Венера — ну мотать на ус:
Скорей на приступ! Ломит наша!
К нему теперь я подобьюсь.
«Вулканчик, миленький, красивый,
Мой друг надежный, справедливый,
Ты крепко любишь ли меня?»
— «Люблю со всей сердечной страстью,
Клянусь тебе кузнечной снастью!» —
Сказал поспешно бог огня.

Хитрец к Венере с миной сладкой
Прильнул умильно, не дыша, —
Так льнет к просителям украдкой
Писец, чернильная душа.
Венера начала мздоимца
Молить за своего любимца:
«Энею моему, Вулкась,
Доспехи скуй из меди, стали, —
Ни меч, ни пуля чтоб не брали, —
И чистым золотом укрась!»

«Ох, для тебя, моей утехи, —
Вулкан с одышкой молвил так, —
На диво сделаю доспехи:
Палаш, и панцирь, и шишак.
Щит супротив клинков рутульских,
Не хуже табакерок тульских,
Покрою золотом я сам;
Там будет и насечка с чернью
(Фигурки, притчи, изреченья)
И побрякушки по краям».

Кто станет осуждать Венеру?
Все жены так морочат нас.
Иная, по ее примеру,
Для просьбы выбрав добрый час,
К супругу на колени вскочит,
Целует, ластится, щекочет,
Голубит, гладит, жмется, льнет,
Лепечет: «Родненький, красавчик. . .»

И, каждый развинтив суставчик,
По-свойски дело повернет.

Летит на тучке втихомолку
Венера в Пафос отдохнуть;
Торопится в свою светелку,
Чтоб на защелку дверь замкнуть,
Красу измятую расправить,
Щипцами пряди раскудрявить,
Примочки к пятнам приложить.
Киприда для сынка родного
Собой пожертвовать готова
И в кузнице с Вулканом жить.

Хромой Вулкан подручных будит.
Собрав свинец, железо, медь,
Он кузнецов работать нудит,
Велит металлы разогреть.
Меха раздули попроворней,
Заполыхало пламя в горне.
Вулкан без устали кует,
Потеет, злится, смотрит зверем
И колотушки подмастерьям,
Чтоб не ленились, раздает.

Уж солнце верх взяло над мраком.
Пробило шесть, и кто-нибудь
Уже закусывал со смаком,
Успев как следует хлебнуть.
Трещали воробьи, сороки,
Багрила потаскуха щеки,
Открылись лавки и лари.
Укладывался спать картежник,
И молотком стучал сапожник,
Спешили в суд секретари.

А наши харкали, стонали,
Их разбирал вчерашний чад.
Они похмелье проклинали,
Никто и жизни был не рад!
Вздыхая, льдом протерли очи,

Чтоб освежиться после ночи,
И стал бодрей троянский род.
Хлестнув горелки духовитой,
Собраньем Речи Посполитой
Решили двинуться в поход.

По сотням тотчас рассчитали
Аркадских резвых парeньков.
Их числить ратниками стали,
Им дали в сотники панов,
Значки с хоругвью войсковою,
Бунчук с пернатой булавою,
Запас недельный сухарей,
Мушкеты, пики с палашами,
Бочонок серебра — рублями,
Муки, пшена, колбас, коржей.

Палланта подозвал родитель:
«Доколе в бабки, мол, играть?
Ты будешь войска предводитель.
Я снарядил Энею рать.
Иди, служи на бранном поле,
Чем с девками гонять на воле
Да голубей таскать у всех!
Ты с нынешнего дня начальник.
Запомни: батька — твой печальник!
Ленивый сын — отцовский грех.

Ступай! Послушен будь Энею.
Не прячься под его крылом.
Он славен доблестью своею,
Владеет ратным ремеслом.
Не бойтесь недругов, аркадцы!
Хлещите в ус и в рыло, братцы!
Ваш атаман — Паллант, он хват.
Деритесь храбро, умирайте,
Врагов Энеевых карайте!
Вам гетманом — Эней, мой сват.

Прошу, Анхизович, покорно:
За хлопцем присмотрите там!

Он — малый с головой, бесспорно,
Читать обучен по складам,
Да дурень — молодой, горячий,
Неосторожный, нетерпячий...
Легко ему попасть в беду.
Не дай господь — убьют беднягу!
Я заживо в могилу лягу,
Как рак на суше, пропаду.

Берите рать, ступайте с богом!
Зевеса воля такова».
Все угостились за порогом,
Эвандра слушая слова.
«Радушно встретят вас лидийцы
И против Турна-кровопийцы
Пойдут с охотой воевать.
Мезентий ими помыкает,
Теснит, на чинш не отпускает,
Они готовы бунтовать».

Взвилось над головами знамя,
Геройски зашагала рать.
Пошли иные со слезами:
Кто покидал жену, кто — мать,
У третьего была зазноба.
Судьба следит за нами в оба,
Отнять заветное грозя.
Для милой мы терять готовы
Клейноды, животы, обновы,
Но чести нам терять нельзя!

Итак, бойцы глаза утерли,
Питейным славно подкрепясь;
Они под марш унылый перли,
А во главе — троянский князь.
И за ближайшим буераком
Расположились бивуаком;
Эней порядки наводил.
Паллант по армии дежурил,
Очей ни разу не зажмурил;
Троянец по лесу бродил.

Но в полночь самую глухую.
Эней, желая задремать,
Увидел тучку золотую,
На ней свою родную мать.
Бела, румяна, круглолица,
Кровь с молоком, как говорится,
А носик вздернутый слегка;
Благоухая, возлежала,
Доспехи чудные держала
Венера, глядя на сынка.

«Эней, надень скорей доспехи!
Их выковал тебе Вулкан.
Теперь получат на орехи
Рутульский Турн, Бова, Полкан!
Булат ломается и гнется,
Как только панциря коснется..
Его и пули не берут.
Рубись, коли, сражайся, бейся
И на Юпитера надейся.
Тебе уж носа не утрут!»

Приятный запах испустила:
Амбре и мяту, базилик;
На тучке в Пафос покатила.
Эней издал восторга крик!
Надел Вулкановы доспехи,
Любуясь ими без помехи,
Привесил к поясу палаш.
Насилу поднял щит чудесный
(Нелегок был презент небесный)
И загляделся витязь наш:

На том щите посередине,
Где чернь с насечкой золотой,
Томилась муха в паутине,
Паук толкал ее ногой.
Поодаль плачущий Телешик
Из миски уплетал кулешик.
К нему по гладкому щиту
Злодейски крался змей крылатый.

Он семиглавый был, рогатый,
А хвост — без малого с версту.

Набор отменный на заломах,
Чеканка дивная была:
Фигуры витязей знакомых
И, в назиданье, их дела.
Всё так искусно, живо, с толком:
Иван-царевич с серым волком,
Катигорох, Кузьма-Демьян,
Кощей, дурак со ступой новой —
В семье последыш непутевый —
И славный рыцарь Марципан.

Троянец, натянув доспехи,
Готовил недругам подвох;
Он пана Турна для потехи
Надумал захватить врасплох.
Но, замысел Энея зная,
Ирисю шлет Юнона злая
К его сопернику в шатер:
Рутула пробудить от спячки,
Разбередить его болячки,
Чтоб он в табак Энея стер!

Пан Турн, зевая, ждал вертепа.
К нему Ирися как шмыгнет!
Ночной порой рутул свирепый
С тоски хлестал ахтырский мед.
Любя Лависю, был он в горе,
Печаль топил в питейном море,
Армейский соблюдал закон:
Кто в карты не на ту поставил,
Хвать пунша — и беду поправил!
И точно так же — кто влюблен.

«Ты что? — Ирися щебетала. —
Сидишь без дела и клюешь?
Напала лень? Ума не стало?
Добро троянцам отдаешь?
Отъелся кот — и не до мышки!

Знать, не поймет Панько Оришки.
Уж если ты такой байбак,
Куда тебе с Энеем биться!
С Лавинией не лезь любиться.
Ты годен лишь гонять собак.

Не дремлет настоящий воин,
Как ты, без просыпу не пьет,
Смекает, мыслит, — будь спокоен! —
Такой всех недругов побьет!
К чертям! Живей опохмеляйся!
Подмогой спешно заручайся!
Ты новой Трои не щади!
Эней подался на чужбину,
Лихую сколотил дружину.
Не оплошай теперь, гляди!»

Пихнула столик; вся посуда —
Бутылки, чарки — кувырком!
Осталась лишь осколков груда.
Турн отшвырнул ее пинком.
Все страсти в голову толкнулись,
Любовь и злоба в нем проснулись.
Он бушевал, осатанев,
Рычал, троянской жаждал крови,
Ревел: «На штурм»! — и в этом зове
Сливались ненависть и гнев.

Собрав немедля пеших, конных,
Для битвы Турн построил рать.
Головорезов беспардонных
Послал под крепость — задирать,
А сам верхом на Белоглазом
Два корпуса на приступ разом
Повел, — верней сказать, помчал.
Отряд с Галесом и Мезапом,
Чтоб укрепленье взять нахрапом,
Вдоль Тибра двинулся на вал.

Троянцы заперли ворота,
Энея терпеливо ждут.

Познав превратностей без счета,
Не стали унывать и тут.
В предвиденье осады скорой,
Давай везде крепить затворы,
Колоды громоздить плашмя.
Глядели в башенные щели,
А носа высунуть не смели.
Шептались, трубками дымя.

И порешили всей громадой,
Когда рутул на них напрет,
Отсиживаться за оградой.
Пускай он штурмом вал берет.
Троянцы так и поступили.
Свинец проворно растопили,
Живица начала бурлить;
В котлах кипели деготь, масло,
Смола — гостям незваным на́зло,
Кто сунется — чтоб сверху лить.

Ко рву приблизившись вплотную,
На Белоглазом Турн скакал.
Пустивши конных врассыпную,
Как оглашенный, выкликал:
«Сюда, трусливые троянцы!
На бой, шкодливые поганцы!
Зарылись в норы, как кроты.
А где Эней ваш — бабий праздник?
Сидит за прялкой, безобразник?
Наколобродил — и в кусты?»

Рутулы под командой Турна
Срамили, лаяли троян;
Врагов ругали нецензурно,
Честили хуже, чем цыган,
К ним тучами пускали стрелы,
И всадники, не в меру смелы,
Пытались перепрыгнуть ров.
Трояне уши зажимали,
Обидной брани не внимали,
Но каждый биться был готов.

Пан Турн заскрежетал зубами:
Сидят себе — и ни гугу!
Как быть? Таранить стены лбами?
Не выйдет, хоть согнись в дугу.
Не зря, наверно, говорится,
Что злоба — сатане сестрица.
С ней впрямь не расстается бес.
Со зла придумал Турн уловку
Под сатанинскую диктовку.
В башку его сам черт залез!

Велит раздуть огонь гигантский
Пан Турн у тибрских берегов.
Он хочет флот зажечь троянский
И доконать своих врагов.
За дело принялись вояки
(Вредить другому склонен всякий),
Готовят гибель кораблям.
С трутом древесным, с фитилями,
С лучиной, с жаром, с головнями
Бегут, неся огонь к волнам.

Сперва затлело, закурилось
И пламень голубой взвился,
А там и солнце закоптилось —
Такой дымище поднялся!
От пимфы Турновой, в тревоге,
Чихали на Олимпе боги,
Угар богиням в ноздри лез,
Они метались, точно козы,
Дым ел глаза, бежали слезы,
Как винокур был сам Зевес.

Венеру за́ душу щипало,
Что с флотом поступили так,
И сердце горько замирало:
Ведь сядет сын на мель, как рак!
В слезах печали и унынья
Вскочила в тарантас богиня,
На облучок сел Купидон,
И на кобыле сухопарой

К Цибеле поспешили старой —
К яге помчались на поклон.

Цибела, — знают в каждой школе, —
Была родная мать богов.
Она смирилась поневоле,
Когда осталась без зубов.
Тихонько на печи сидела,
С кулешиком лемешку ела,
Не лезла в Зевсовы дела.
В знак уваженья из корчаги
Сливал ей Зевс остатки браги
Той, что Юнона лишь пила.

Брехней недаром докучала
Венера Зевсу много раз:
Такая вышла ей опала,
Что показать нельзя и глаз.
Теперь Цибеле поклонилась
И за услугу посулилась
Купить ей сбитню на алтын.
Лишь просит-молит: «Поищи ты
У Зевса для троян защиты,
Чтоб флота не лишился сын!»

Любила сладости старуха.
Как перед сбитнем устоять?
Была к тому же стрекотуха,
Охотница язык чесать.
Едва стащив Цибелу с печи,
Взял Купидон ее на плечи,
В хоромы Зевсовы понес.
Зевес, узрев такую гостью,
Сгреб молча оселедец горстью,
Насупил брови, сморщил нос.

С дороги покряхтев маленько,
Цибела кашлять начала,
В подол сморкнулась хорошенько
И дух пять раз перевела.
«Сатурнович, помилосердствуй!
Своей родимой поусердствуй! —

Слезливо шамкала она. —
Бессмертных смертный унижает
И только что не бьет, а лает.
Гора моя посрамлена.

Мою ты знаешь гору Иду,
Где лес и с капищем алтарь.
Я из-за них терплю обиду,
Какой не снес бы твой свинарь!
На сруб я продала троянам
(Твоей молельни прихожанам)
Дубков и сосен — строить флот.
Уста Юпитера велели,
Чтоб эти брусья не истлели,
Переходя из рода в род.

Взгляни теперь на Тибра воды.
Ты видишь, корабли горят?
Их палят Турновы уроды
И крепко всех богов костят.
Еще не то тебе подстроят!
Спусти им — власть твою присвоят.
Дадут нам киселя тогда!
Расхитят лес, разроют Иду,
Меня раздавят, словно гниду,
Тебя прогонят навсегда».

«Не беспокойтесь, пани матка! —
Зевес с досадою сказал. —
Всех проучу, и будет гладко,
Ваш Турн, анафема, пропал!»
Взглянул, мигнул, махнул рукою
Над Тибром, чудною рекою, —
И врозь поплыли корабли,
Как гуси, в воду окунулись,
В сирен проворно обернулись,
А те и песни завели.

Войска рутульские в испуге
Дрожали от таких чудес,
И стон прошел по всей округе.
Мезап дал драла и Галес.

Тут порскнули и рутуляне,
Как от дождя в шатер цыгане.
Обратно повернула рать.
Один лишь Турн совался всюду,
Давая толкованье чуду,
Бегущих силясь перенять:

«Ребятушки, мол, не робейте!
То божье знаменье для нас.
Свой страх откиньте и рассейте.
Пришлось сказать Энею — пас!
Чего мы с вами не спалили,
То боги сами потопили.
Теперь троянцы в западне.
Живьем их в землю втопчем, вдавим
Всех разом на тот свет отправим.
То воля божья, верьте мне!»

Но велики у страха очи.
Спасался каждый, кто как мог,
И, возвращаться не охочи,
Летели все, не чуя ног.
На поле Турн один маячит,
А войско врассыпную скачет.
Пан Турн огрел коня хлыстом
И шапку на глаза насунул,
Во все лопатки в лагерь дунул,
Конек лишь завертел хвостом.

Глядеть на бегство пана Турна
Троянцам было по нутру;
Дивились оборотням бурно
И толковали всё к добру.
Ума, однако, не теряли
И Турну зря не доверяли:
С врагом воюешь — не плошай!
Он побежал — ты не гоняйся,
Он струсил — ты остерегайся.
Разок скиксуешь и — прощай!

Двойную стражу выставляют
На башнях для ночной поры

И фонари уж заправляют,
Чтоб их повесить на шнуры.
Вдоль вала ходят караулы.
Всё стихло. Улеглись рутулы.
Лишь кое-где блестит огонь.
Как видно, в Турновом обозе
Не помышляют об угрозе.
Храпеть оставим этих сонь!

На страже возле главной башни
Стояли Низ и Эвриал.
Не сыщешь удальцов бесстрашней!
Их черт веревочкой связал.
Хоть были крови не троянской —
Иной какой-то, басурманской, —
Но знали службу казаки́.
Молодцеваты, крепки, ловки,
Пошли к Энею по вербовке;
Водили дружбу земляки.

«Забраться бы сейчас к рутулам! —
Так Эвриалу Низ шепнул: —
Хоть перережь их всех огулом —
Никто б ногой не шевельнул!
Храпят, как видно, с перепою.
К ним тайной подкрадусь тропою,
Энею доблесть покажу.
Покруче заварю я кашу,
Разинь храпящих ошарашу,
На нож я сотню посажу!»

«Как! Ты — один? Меня оставишь? —
Спросил у Низа Эвриал: —
Сначала ты меня удавишь,
Чтоб я от земляка отстал!
С тобой не расставался сроду —
С тобой пойду в огонь и воду!
Не побоюсь и смертных мук.
Трусливый — дружбы не достоин!
Мне говорил: «Умри как воин!» —
Покойный батька мой, сердюк».

«Потыкай пальцем в лоб сначала!
От рыцарства с ума не спять! —
Прикрикнул Низ на Эвриала: —
Есть у тебя старуха мать!
Ей, бедной, немощной и хворой,
Не сын ли должен быть опорой?
Ты для нее обязан жить!
Легко ль ей будет без приюта,
Под гнетом лет и скорби лютой,
Скитаясь в людях, слезы лить!

Вот я, к примеру, сиротина.
Расту, что во́ поле горох,
Такая у меня судьбина:
Эней — отец, а матерь — бог.
Хоть пригожусь чужой отчизне.
А если б я лишился жизни —
Кому от этого печаль?
Тебя убьют — родимой го́ре.
Сойдет она в могилу вскоре.
Ужель тебе ее не жаль?»

«Разумно, Низ, ты рассуждаешь,
А всё-таки не прав кругом!
Меня в одном ты убеждаешь,
Умалчиваешь о другом.
Где общее добро в упадке —
Отца и мать покинь для схватки!
Ты долг обязан исполнять.
Энею дали мы присягу,
И за него костьми я лягу!
Над этим разве властна мать?»

Низ увидал, что спор напрасен.
Обнявшись крепко с земляком,
Он тут же вымолвил: «Согласе́н!»
И в ратушу пошли молчком.
В палату, где со старшиною,
Готовясь к завтрашнему бою,
Сидел Энеев сын Иул,
Явились парень́ки честны́е,

Врата покинув крепостные,
Когда сменился караул.

«Стояли под одной из башен
Мы с Эвриалом на часах.
У недругов огонь погашен.
Спокойно спят они впотьмах.
Мы можем по тропе укромной
Прокрасться в лагерь ночью темной,
Насквозь пройти рутульский стан
И срочно донести Энею,
Что злобный Турн с ордой своею
Суется в крепость, как шайтан.

Пускай дозволит нам громада!
Мы дернем — счастья попытать.
Пока не встало солнце, надо
Энея-князя повидать».
— «В столь смутное для Трои время
Полно отваги наше племя!» —
Раздался одобренья гул.
И все троянцы, без изъятья,
Раскрыли смельчакам объятья.
Братйну им поднес Иул.

Как сын Энея и наследник,
Похвальную сказал он речь
И Низу подарил «победник»
(Так величал Иул свой меч).
Для дорогого Эвриала
Не пожалел того кинжала,
Что у вдовы стащил отец.
Чины сулил им за услугу,
Обоим обещал по плугу,
Земли под пашню и овец.

Был Эвриал дружка моложе:
Ему двадцатый шел годок;
Не ус темнел на белой коже,
А первый мягонький пушок.

Но воин был — храбрей не надо,
Силач и рыцарского склада.
А прослезился наш казак:
Ведь он с родимой разлучался,
Шел умирать и — не прощался.
Он, сердцу покорясь, размяк.

«Нул Энеевич! Не дайте
Загинуть матушке моей.
В нужде, в несчастье помогайте,
Заместо сына будьте ей.
Вы маменьку любили тоже.
Я у своей — одна надежа! —
Промолвил нежный Эвриал. —
Вверяю вам покой мамашин!
Мне смертный бой теперь не страшен.
Умру за вас, как обещал!»

Нул в ответ: «Напрасно тужишь!
Твой труд, поверь, не пропадет.
Ты, Эвриал, нам честно служишь,
Не зря кладешь за нас живот.
Считай меня роднее брата!
Старушку сберегу я свято.
Довольствие назначу ей,
Паек, одёжу и квартиру;
Пшена, муки, яиц и сыру
В избытке — до скончанья дней!»

Давайте-ка с отважной парой
Отправимся в рутульский стан!
Зашел за тучи месяц ярый,
И на равнину пал туман.
Порой полночной всем рутулам —
И сотникам и есаулам —
Уснуть сивуха помогла.
Себя заботой не тревожа,
Вблизи костров потухших лежа,
Беспечные не ждали зла.

Там часовые на мушкетах
Валялись, будто напоказ.

Храпели пьяные в пикетах,
Встречая свой последний час.
И, стражу сняв передовую,
Пошли друзья наудалую.
«Из рутулян повыбью блох! —
Промолвил Низ: — Управлюсь духом,
А ты к земле приникни ухом,
Чтоб не застигли нас врасплох».

Сперва Рамента он проведал,
Башку отсек в один момент,
Составить завещанья не́ дал;
К чертям навек пошел Рамент.
Кто сколько проживет на свете,
Он по руке гадал, заметьте,
Не мысля о конце таком.
Мы часто ворожим, пророчим —
Да только не себе, а прочим, —
К цыганкам бегая тайком.

На Рема и его героев
Обрушился отважный Низ.
Передушил он ложкомоев
И прихлебателей-подлиз,
А их начальника, облома,
Притиснул, как Фому Ерема;
Затем, подняв дареный меч,
Схватил за бороду густую
Он супостата и пустую
Макитру отделил от плеч.

Серран в сорочке, без кафтана,
Покушав досыта, уснул.
Низ ворвался в шатер Серрана,
Мечом по пузу полоснул
И вслед за этим, словно в ступе,
Зад сплющил с головою вкупе.
Из мужа получился рак:
Торчала голова конфузно
Меж ног, и поднималось гузно.
Картинно умирал бедняк!

И Эвриал, попав к рутулам,
Без дела тоже не стоял.
Подобно земляку, огулом
Постылых в пекло отправлял.
Нигде не встретивши отпора,
Колол и резал без разбора,
Трудился, как в овчарне волк.
Косил подряд простых, вельможных,
И выборных, и подпомощных.
Кого сгребет, того и — щелк!

А Ретус прискакал с пирушки,
Разделся, жженки выпил он
И повалился на подушки,
Его уже клонило в сон;
Но Эвриал кинжал Иула
Воткнул в раскрытый рот рутула
И горемыку приколол,
Ни дать ни взять, как цветик алый
Прикалывает к покрывалу
Для украшенья женский пол.

Остервенясь, в шатер к Мезапу
Рванулся было Эвриал,
И тот его зажал бы в лапу, —
Да земляка он повстречал.
Хоть Низ был сорванец немалый,
Лихой, запальчивый, удалый,
Однако удержал дружка:
«Врагам пустили кровь нехудо!
Пора улепетнуть отсюда.
Чтоб не намяли нам бока».

Как волк в овчарне втихомолку
Смиренных потрошит ягнят,
Как хищный хорь, подобно волку,
Терзает в темноте цыплят,
Как, накуривши дымом серным,
В ночи, с нахальством беспримерным
Без шума крадут бурсаки
Гусей, индюшек, уток жирных

Из хлева у гевалов мирных
(Чем промышляют и дьяки), —

Так наши смелые вояки,
В рутульский стан сумев залезть,
От крови красные, как раки,
Энея защищали честь.
А где любовь к отчизне светит —
Там вражья сила гибель встретит.
Там сердце крепче, чем свинец.
Не властна там судьба-злодейка,
Там жизнь — алтын, а смерть — копейка.
Там рыцарь, хват — любой птенец.

Итак, задав рутулам жару,
Бродили Эвриал и Низ,
Как музыканты по базару,
Хотя от крови грунт раскис.
Поляк, об этом беспокоясь,
Жупан бы подоткнул по пояс,
А наши перли напролом.
Спешили удальцы к Энею —
Похвастать храбростью своею
И рассказать о Турне злом.

Уже из лагеря счастли́во
Ушли два дюжих молодца, —
Лаптишки хлюпали, и живо
Стучали смелые сердца.
Явился месяц из-за тучи,
Рассеялся туман летучий,
Все предвещало добрый путь.
И вдруг навстречу из долины
С полком латинския дружины —
Волсент! Как нашим улизнуть?

Они, попавши в передрягу,
Бегут быстрее гончих псов.
Бедняги к лесу дали тягу
От супостатов, от врагов, —
Так пара горлинок невинных

Летит — спастись в лесах пустынных
От хищных ястреба когтей.
Но если суждено быть худу —
Оно тебя найдет повсюду.
Не скроешься за сто морей!

Наездники и пехотинцы
Пустились догонять вояк.
Опушку окружив, латинцы
Им не дают уйти никак.
Часть войска по́ лесу шныряла
И выследила Эвриала.
Проворный Низ на вербу влез.
Попался, как волкам овечка,
От вербы этой недалечко
Дружок его, головорез.

И Низ увидел Эвриала,
Над коим тешились враги.
Душа его затосковала.
Зевесу крикнув: «Помоги!» —
Копье в латинцев он пускает,
Сульмону сердце пробивает.
Тот сразу валится, что сноп.
Как будто не было Сульмона!
Не охнув, не издавши стона,
Зевнул в последний раз и — хлоп.

Стрела со свистом полетела
И Тагу врезалась в висок.
Его безжизненное тело
На желтый падает песок.
Волсент, бойцов утратив пару,
Клянет невидимую кару
И в ярости, как вол, ревет:
«За кровь моих Сульмона, Тага
Ответишь головой, бродяга!
Ступай за ними, обормот!»

Без лишних слов на Эвриала
Он замахнулся палашом.

Вся храбрость Низова пропала,
И сердце стало кулешом.
К Волсенту мчится что есть силы:
«Творишь пеккатум, фратер милый,
Ты морс невинному несешь:
Я — стультус, лятро, нечестивец,
Злодей, неквиссимус, убивец!
Постой! Ты кровь напрасно льешь!»

Рука Волсента не сдержалась:
Головку с плеч срубил он вмиг,
И кавуном она каталась,
Невнятно лепетал язык.
Кораллы губ уже синели,
И щеки алые бледнели,
Густых кудрей свалялся шелк,
Померкли молодые очи,
Покрывшись мглою вечной ночи,
И голос навсегда умолк.

При виде трупа Эвриала
Рассвирепел его земляк,
И, выпуская злости жало,
К Волсенту ринулся смельчак.
Как молния летит сквозь тучу,
Промчался сквозь латинцев кучу,
Врага настиг в один момент,
Схватил его за чуб рукою
И в сердце меч всадил другою —
Дыханье испустил Волсент.

Как искра с порохом зажженным
Должна исчезнуть заодно,
Так Низу с ворогом сраженным
Погибнуть было суждено.
Осатаневшие латины
Не пощадили казачины
И голову ему снесли.
Так Низ и Эвриал дружили,
Так жизнь отважно положили,
Посмертно славу обрели.

Из крепких сучьев и брезента
Носилки смастерив, Латынь
Поволокла на них Волсента,
Которому пришел аминь.
А две казацкие головки
С собой помчали, как дубовки,
Швырнув их попросту в мешок.
Но в лагере об эту пору
Застали, как на бойне, гору
Печенок, легкого, кишок.

Как только небосклон зарделся,
Светильник Феба запылал,
Пан Турн покушал, огляделся
И снова биться пожелал.
Ударить приказал в клепало,
Чтоб войско сразу выступало,
И прихватить велел с собой
Казачьи головы для смеху,
Чтоб за недавнюю потеху
Троянцам отплатить с лихвой.

Но в крепости, по уговору,
Молчком сидел троянский род;
Запрятались, как мыши в но́ру,
Когда вблизи мяучит кот.
При этом были все готовы
Погибнуть ради Трои новой
И чашу смертную испить,
Чтоб отстоять свою свободу,
Не покориться сумасброду,
Затрещину ему влепить.

Рутулы налетели бурно.
Троянцы сдачи дали так,
Что брюхо скорчило у Турна
И расчесал икру вожак.
Велит он, вне себя от злости,
На глум поднять убитых кости,
Чтоб лютых недругов кольнуть:
На жерди перед самым валом

Несчастных Низа с Эвриалом
Головки буйные наткнуть.

Троянцы с вала различали,
Чьи головы вблизи торчат,
И горькой предались печали,
Утративши таких ребят.
Ужасный слух про их кончину
Потряс троянскую дружину,
И слезы проливала рать.
Оцепенев от скорбной вести,
Едва не умерла на месте
Старуха, Эвриала мать.

Как будто разум потеряла:
Седые волосы рвала
И в грудь со стоном ударяла,
Лицо щипала и скребла.
Вдоль вала бегала бабуся.
Когда же голову Эвруся
Она узнала на колу —
Еще сильнее заметалась:
Вопила, ерзала, каталась
И распростерлась на валу.

Истошным голосом завыла:
«Сыночек, свет моих очей!
На то ль тебя я породила,
Чтоб сгинул от лихих людей?
Чтоб ты в недобрую годину
Увел старуху на чужбину
Свой век в сиротстве коротать?
Моя ты радость и отрада!
Моя заслона и ограда!
Ты на кого покинул мать?

Куда идти убогой, хворой?
Кто злую долю облегчит?
Кто будет мне в беде опорой?
Кто участь горькую смягчит?
Теперь прощайте все поклоны,

Что получала во дни оны
От вдов, дивчат и молодиц
За брови дивные собольи,
За очи ясные сокольи...
Ты был красою вечерниц!

Найти бы мне твой труп казацкий
И тело белое обмыть,
Назло дружине супостатской
В могилу с честью проводить.
О боги! Я ли в том повинна,
Что вы единственного сына
Дозволили обречь на смерть
И молодецкую головку
Над бедной матерью в издевку,
Как тыкву, насадить на жердь?

Недолго наживет на свете,
Рутулы, ваш собачий род!
Пусть вас казнят родные дети!
Пускай издохнет ваш приплод!
Как жаль, что я не зверь, не львица,
Не кровожадная волчица,
Чтоб вас, убийцы, растерзать!
Чтоб, исторгая рев из пасти,
Рвать сердце с требухой на части,
Мослы с рычаньем разгрызать!»

Тут не один троянский воин
Сочувственные слезы лил.
Прощаньем горестным расстроен,
Асканий нюни распустил.
Сильнее всех сморкался, хлипал,
На недругов проклятья сыпал
Энея доблестный сынок.
С поклоном подступивши, бабку
Схватил Энеевич в охапку,
В землянку с вала уволок.

А тут кричат и трубят в трубы,
В свистелки дуют и в рога,

Вопят, брат брата лупит в зубы,
Враг налетает на врага.
Тут ржанье конское и топот,
Там — гомон, стукотня и ропот,
Смятенье, сто напастей злых!
Так сбитень пенится горячий,
Так в кабаке шумит подьячий,
Хоть, вправду, выноси святых!

Гей, муза! — к панночке стыдливой
Взмолюсь. — Приди, хоть на часок!
Прошу тебя, не будь спесивой
И помоги сложить стишок.
Ты дай мне силу и уменье,
Чтоб мог я описать сраженье.
Здесь должен твой звучать язык!
Ты, девка, слышно, не брыклива,
Да жаль, от старости сварлива.
Прости! я брякнул напрямик,

И в самом деле провинился:
Девицу старой объявил,
Хоть с ней никто и не любился,
Не женихался, не шутил.
Ох, сколько муз таких на свете,
Во всяком городе, в повете!
Покрыли б доверху Парнас.
Я музу кличу не такую:
Веселую и молодую,
А старых — залягай Пегас!

Рутулы кинулись на стены,
Карабкаются, как жуки.
Свирепый Турн, покрывшись пеной,
Кричит: «Дружнéнько, казаки́!»
Троянцы тоже не зевают,
Швырять каменья поспевают,
Рутулов плющат, словно мух,
Толкут, как в ступе, вражье семя.
Рутулы упустили время,
И ослабел в них бранный дух.

Троянцы до седьмого пота
Врагов молотят и крошат.
Спорится у троян работа,
Рутулы, как вьюны, пищат.
И Турн велит, обеспокоен,
Из маслобитен, воскобоен
Свезти немедля толкачи.
Тотчас перед его очами
Явились вместе с толкачами
Все воскобои-силачи.

И, как таранами, без счета
Пошли они удары класть.
Гремели и тряслись ворота,
От боя вся трещала снасть.
Турн силы вдвое прибавляет,
Он сам тараны направляет,
Ворота с петель сбить велит.
Упали!.. Стуком оглушили,
Троянцев многих сокрушили,
И Турну в крепость вход открыт.

Мне муза молвит: «Не пугайся!»
— «Беда троянцам! Как же быть?»
— «В чужую сказку не мешайся!
Не в силах Турн их победить!»
Троянцы, в грохоте и громе,
Преграду громоздят в проломе.
За нею грудью встала рать.
Рутулы бесом извивались,
В пролом, однако, не совались,
И Турн не знал, что предпринять.

Был Геленор боец на славу,
А Лик — кулачник и горлан.
Под стать степному волкодаву
Был краснорожий сей мужлан.
Обоим по колено море,
Безделица — любое горе,
Забава — головы срывать.
Друзьям давно уж не терпелось;

Как для корысти, им хотелось
Тычков рутулам надавать.

Плечищами толпу раздвинув,
Пан Геленор и красный Лик
Протиснулись, жупаны скинув,
Сквозь кутерьму, содом и крик.
Рутулов тасовали славно,
А те вручали им исправно
Квитанцию в своих долгах.
Лик только тем и отличился,
Что пану Турну изловчился
Заехать в зубы впопыхах.

Но Турн великий был разбойник,
Он Лика сплющил в один мах.
С разбитым носом Лик, покойник,
Лежал у недруга в ногах.
Туза смертельного в ту пору
Успели дать и Геленору,
Погиб второй головорез.
Рутулов это взвеселило
И так сердца их ободрило,
Что и трусливый в драку лез.

Нажали дружно, напустились,
Рутулы кинулись на вал.
Троянцы, словно черти, злились,
Рутулов били наповал.
Вокруг вздымались пыли клубы,
Трещали кости, ребра, зубы,
Из губ, носов хлестала кровь.
Кто бил, кто резал, кто рубился,
Кто вверх тормашками валился,
Кто полз и поднимался вновь.

Ожесточившись без предела,
Все до надсады бились тут.
Упорство всеми овладело,
И каждый стал не в меру лют.
Легар, пестом хватив с разгона,

Дух выпустил из Эмфиона
И зубы стиснул сам навек.
Лутеций бил Илионея,
Циней — Арефа, тот — Цинея.
Кто резал, кто колол, кто сек.

Слыл Ремул хвастуном в народе,
Троюродный был Турну сват
И, глуповатый по природе,
Всегда всё делал невпопад.
Он тешить стал свою натуру,
Троян корить, бесчестить сдуру,
Себя и Турна величать:
«Ага, проклятые поганцы,
Огарки Трои, оборванцы!
Пришел черед вам погибать!

Мы вас отучим колобродить,
Морочить девок, вдов морить,
В чужих наделах верховодить,
Свои порядки заводить.
Давайте вашего повесу!
Я вмиг его отправлю к бесу.
Как мух, расплющим вражью рать.
Мы дух ваш вытесним, троянцы!
Мы вас отучим, голодранцы,
Латинские потапцы жрать!»

Иул Энеевич нагнулся,
Злость полыхнула из очей.
Как шкурка на огне, надулся
От бестолковых он речей.
Схватил булыжник, изловчился,
Глазок зажмурил, приложился
И камнем в лоб рутула — бух!
Хвастун умолк и повалился,
Иул сердечно взвеселился.
Взыграл в троянах бодрый дух.

В виски и в зубы тулумбасы
Летели с каждой стороны.

Полезла требуха, колбасы,
Все пенились, как кабаны,
И, разъярившись через меру,
По-сербски величали веру.
Всяк, чем попало, тем крошил.
Поднялся писк, стенанья, охи,
Враг на врага скакал, как блохи,
Кусался, грыз, щипал, душил.

Служили у троян два брата.
Был каждый с виду — Голиаф,
Широкоплечий и косматый,
Овец глотал, что твой удав!
Крещен был старший Битиасом
И с Кочубеевым Тарасом
Сравнялся ростом бы, ей-ей!
Другой силач Пандаром звался
И, вялый, как верблюд, слонялся,
Хотя и был версты длинней.

Подняв тяжелые дубины,
Вдвоем у городских ворот
Стояли братья-исполины
И защищали в крепость вход.
Они присели, притаились,
Троянцы ж отступать пустились,
Заманивая рутулян.
Стремглав рутульская пехота
Летит в раскрытые ворота —
Атаковать троянский стан.

Но в город сунься лишь — куда там!
Тотчас в яичницу собьют.
Тут Битиас с Пандаром-братом
Рутулов кровь нещадно льют.
Рутулы с криком в город рвутся,
Как под серпом колосья — гнутся.
Жужжа, как над копной цепы,
Две исполинские дубины
Утюжат головы и спины
И всех молотят, как снопы.

При виде этакой прорухи
Со злости Турн осатанел
И, вздрогнув, как бы от сивухи,
К своим на помощь полетел.
Протиснувшись к троянам в крепость,
Турн показал свою свирепость,
И кровь рекою полилась.
Убил Афидна и Мерона
И поспешил туда с разгона,
Где управлялся Битиас.

С наскока треснул булавою
По шее, великан упал,
Об землю грянул головою
И крепость всю поколебал.
Ревет, и душу испускает,
И воздух громом наполняет;
На всех напал великий страх.
От смерти не сумев укрыться,
Погиб верзила, как мокрица.
И исполин есть червь и прах!

Пандар, увидя гибель брата,
Смешался, дрогнул, оробел
И от злодея стратилата
Стал удирать, покуда цел.
Бежал он, подоткнувши полы,
Переступал он частоколы,
Спеша от Турна улизнуть.
Засовами задвинул входы,
К воротам подвалил колоды,
От битвы вздумал отдохнуть.

Но, в крепости заметив Турна,
Пандар был сильно удивлен.
В нем злоба закипела бурно,
И сразу расхрабрился он.
«Попался, висельник поганый,
К нам навязался, гость незваный! —
Пандар стал к Турну подступать. —

Постой, тебя я крепко вздую,
Из тела выбью душу злую.
Теперь тебе несдобровать!»

А Турн с издевкой отвечает:
«Келебердянская верста!
Уж как я бью — твой братец знает.
Тебе ль не накручу хвоста?»
Гигант все жилы напрягает
И камнем в Турна запускает.
Послал бы в ад его Пандар.
Откуда ни возьмись — Юнона,
И, как незримая заслона,
Богиня приняла удар.

Рутул, защитой ободренный,
Врага вогнать задумал в гроб.
На помощь он призвал Юнону
И саданул Пандара в лоб.
Он исполина с ног сбивает,
До мозга череп расшибает.
Погиб и этот великан!
На что трояне были хваты,
Но от второй такой утраты
Сердца смутились у троян.

Пан Турн удачей ободрился,
Троянцам смерть он приносил,
Как боров бешеный ярился
И без пощады всех косил.
Рассек он саблей Филариса,
Яичницу сбил из Галиса,
Он голову Крифею снес
И надавал в бою жестоком
Таких щелчков кулачным докам,
Что высунуть боялись нос!

И стали в крепости троянцы
Свои пожитки собирать.
Как струсившие новобранцы,
Они решили тягу дать.

Предвидя сей исход печальный,
Троян обозный генеральный
Серест вельможный им кричит:
«Куда? Ни с места! Что такое?
Бежать троянам с поля боя?
Стыдом наш славный род покрыт!

Не сладите с одним буяном,
А вас до черта собралось!
Прокрался в огород к троянам
Рутульский шелудивый пес.
Иль мы кочевники-бродяги?
Иль не хватает нам отваги?
Не помним дедовских побед?
А князь наш бедный что помыслит?
Ведь нас он воинами числит!
Что скажет о троянах свет?

Все сокрушайте супостата!
Давайте скопом напирать!
Тесните недруга, ребята,
Раз в жизни только помирать!»
Ого! Троянцы ободрились,
На Турна разом навалились.
Пропал он, как тут ни лукавь!
Пан Турн вертелся, извивался,
До Тибра кое-как добрался,
Прыг в реку — и пустился вплавь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Как кролик, Зевс моргнул усами,
Олимп, как листик, затрясло;
Сверкнула молния с громами,
Всех подхватило, понесло.
Богини, боги, полубоги,
Простоволосы, босоноги,
Стремглав бегут в базарный суд. [1]
Влетел туда Юпитер ярый,
На них свирепо гаркнул старый,
Как на собак псари орут.

«Доколе, — закричал он гневно, —
Олимпа имя вам срамить,
Друг с дружкой грызться ежедневно
И смертных смертными травить?
Обычай ваш совсем не божий.
Вы на сутяжников похожи!
За что мытарите людей?
Не дам поблажки братье вашей:
С небес повытолкаю взáшей
И прикажу пасти свиней.

Вы, олимпийские фиглярки!
Не будет снисхожденья вам.

---

[1] Карвасар ⟨базарный суд⟩ — словесный суд, помещавшийся в прежние времена в малороссийских городах и селениях на ярмарочных площадях, в раскинутой палатке.

Задам березовой припарки
Всем зубоскалам и юлам,
Забудете свои повадки.
Уж больно вы до смертных падки —
Что грек до нежинских колбас.
Вы сеете раздор всегдашний!
За жениханье, плутни, шашни
Всех окуну в сапожный квас.

Иль погоню вас на работу,
В смирительный упрячу дом,
Навеки отобью охоту
Везде устраивать содом.
Я вас, богинь, на ум наставлю:
В Сечь Запорожскую отправлю!
Там, знаете, ведется как?
Днем спят хмельные, крадут ночью,
Плюют на трескотню сорочью
И жен меняют на табак.

Не вы народ мой сотворили.
Вам не создать и червяка!
Зачем людей вы разъярили
Из-за такого пустяка?
Клянусь я собственным престолом,
А также Гебиным подолом:
Кто сунется — расквашу лбы.
Пока Эней и Турн дерутся,
Пусть все терпенья наберутся,
Жалеючи свои чубы».

Венера молодицей смелой,
Живя с военными, слыла.
Битки в трактирах с ними ела,
Без церемоний пунш пила;
Привыкла щеголять в шинели,
Спать на соломенной постели,
Горелку с перцем продавать,
Мыть офицерские манишки,
В возке трястись без передышки,
Днем печься, ночью замерзать.

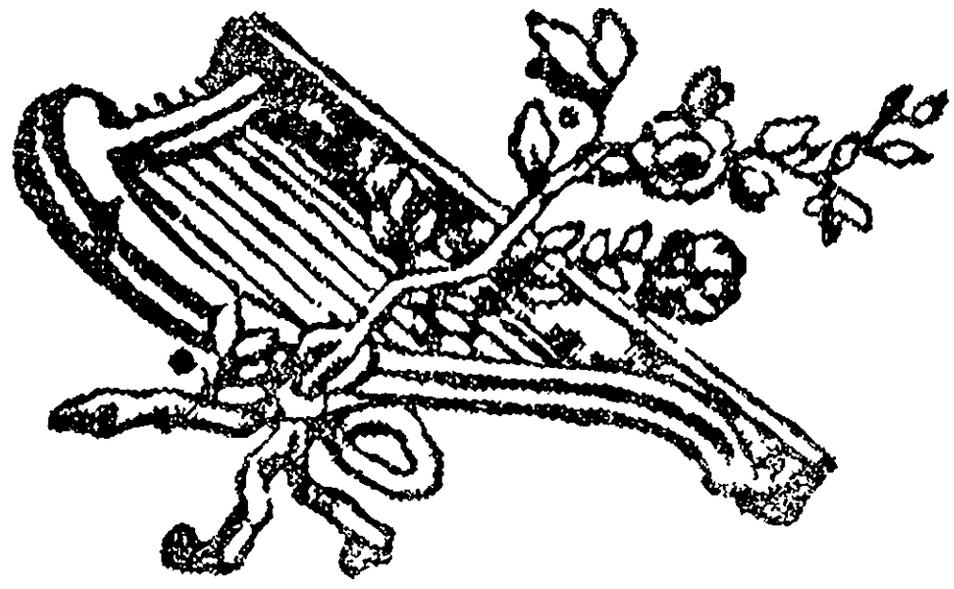
МАЛОРОССІЙСКАЯ

ЕНЕИДА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ пріобщеніемъ

значенія Малороссійскихъ словъ какъ со-
держащихся въ оной, такъ и весьма
многихъ другихъ.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1798 года.

Малороссійскій Эпиграмы
Часть 2 состав

Зевесъ мозгнувъ бивъ крылъ Зоями,
Олимпъ мовъ листикъ затрусивъ;
Мигнула блискавка въ громами.
Олимпи попухъ взворушивъ.
Боги, богами и півбоги,
Простовилась, босоноги,
Бѣжатъ въ Олимпику Кирвиларь.
Юпитеръ гнѣвомъ розпаленный,
Ввѣтый до пихъ мовъ навитенный
и крикнувъ бивъ [illegible] [illegible] [illegible]:

„Чи довго будетъ Казыжить!
„и отвидъ Олимпово [illegible]?
„Щу день проміть себе [illegible],
„а смертныхъ въ смертныхъ [illegible]!
„поступка Ваша вся небожна
„Вы на [illegible] [illegible]
„и розы мозговатя [illegible].

С драгунской выправкою, смело
Венера к Зевсу подошла.
Не запиналась, не робела
И залпом речь произнесла:
«Тебе, мой батя величавый,
Известен каждый шаг лукавый.
Ты знаешь — где, и как, и что.
Всю землю оком обнимаешь,
Другим — за небом надзираешь.
Тебя не проведет никто.

Ты ведаешь, зачем троянцев
Позволил грекам победить,
Энея с горсткой голодранцев
Нептуну не́ дал потопить.
Ты знаешь, по чьему почину
Эней приплыл к царю Латину,
Откуда к Тибру он махнул.
Что́ ты определяешь словом,
Того не отменяешь новым.
Скажи, причем же здесь рутул?

И что такое Турн за цаца?
Он самовольничать привык!
Фригийцам некуда податься!
Их щиплет всякий еретик.
Когда б не происки Юноны,
Кто б нарушал твои законы?
Ей любо стравливать людей.
Богами твой приказ похерен:
Эней-то ведь сынок Венерин!
За Турна — весь Олимп, ей-ей!

Троян и бедного Энея
Ленивый только не пугал.
Терпели пуще Прометея,
Что в трубку огонька украл.
Такую взбучку с пересолом
Им задали Нептун с Эолом,
Что и сейчас ни встать, ни сесть!
Другие боги... — Боже правый!

Ты знаешь их дела и нравы! —
Живьем Энея рады съесть.

Отец! Властитель олимпийский,
Взгляни! Я слезы лью рекой.
Спаси от мук народ фригийский!
Он сотворен твоей рукой.
Я за других страдать готова,
Я — мать, меня карай сурово,
Но пожалей моих детей.
Скажи хоть слово, знак утешный
Подай Венере многогрешной,
Чтоб жил Иул, чтоб жил Эней».

«Молчать! Сквернавка, потаскуха! —
Юнона в ярости частит. —
Как дам тебе, трещотке, в ухо!
Очипок с головы слетит!
Кого пред Зевсом ты порочишь?
Блудливая кошчонка, хочешь
Расстроить между нами лад?
Ты за кого меня считаешь?
Неужто, сучища, не знаешь,
Что мне Юпитер — муж и брат?

Зевес! Ужель тебе не стыдно,
Что пред тобою дрянь и прах
Болтает о богах обидно
И судит о твоих делах?
Какой ты мира повелитель
И олимпийцев предводитель,
Когда ты против шлюхи — пас? ..
Размяк перед моргуньей мерзкой,
Никчемной сводницей цитерской!
Она тебе милее нас.

Ей вышла от Вулкана взбучка —
За Марса розгами порол!
Сидела на цепи, как сучка,
Вулкан ей отхватил подол.
Ты с ней обходишься, как с честной.
Тебе про это знать не лестно!

С ней нянчишься, с другими строг.
Она и Трою разорила,
Она Дидону уморила.
Все пакости идут ей впрок!

Где затесалось это зелье —
Там всё крапивой поросло.
Настало б на земле веселье,
Исчезни этакое зло!
Из-за нее в Латыни смута,
Приходится троянцам круто,
И Турн Энею стал врагом.
Из-за нее везде напасти.
Она — причина всех несчастий
На небе, на земле — кругом!

Легко ли? На меня кивает,
Сама же натворив беды,
К Зевесу жалобно взывает:
Мол, только-только из воды!
Невинничает, как Сусанна;
Скажите! Недотрога-панна,
Жила на хуторе весь век!
Хоть лопни с бабкою своею —
Я место укажу Энею;
Богиня я! — он человек».

Ругни Венера не стерпела,
Юнону лаять начала.
Тут перепалка закипела
И в свалку чуть не перешла.
Богини в гневе — те же бабы,
И так же на уторы слабы,
С досады невесть что сбрехнут.
Доходит и до потасовки,
Горланят, что твои торговки,
Род, племя и приплод клянут.

«Молчите, чертовы сороки!
Попутал вас, бублейниц, бес.
Обеим отобью я щеки! —
Вскричал разгневанный Зевес. —

Не стану баб карать громами,
Велю по пяткам чубуками
Ударов сотню отсчитать,
Чтоб мирно жили вы отныне.
Уж я вас проучу, богини!
Олимп заставлю подметать.

А ну-ка уши навострите,
Послушайте, что я скажу.
Молчать! Разиньте рты, замрите.
Кто пикнет — рожу размозжу.
Промеж латинцев и троянцев
И разных Турновых поганцев
Никто в побоище не лезь,
Не суйся ни к кому с подмогой,
Воюющих князьков не трогай!
Увидим, кто сильнее здесь».

Юпитер смолк, моргнул бровями,
И боги порскнули вразброд.
Простимся тоже с небесами,
Сойдем на землю в свой черед
И, став на Шведскую могилу,
Военную посмотрим силу.
Я схватку опишу сейчас.
Чтоб легче справиться с работой,
На юбку музе дам с охотой:
Пускай пополнит рифм запас.

Турн отдышался, обсушился,
Глотнул горелки с имбирем;
Шатер покинув, петушился,
Глядел на крепость сентябрем.
Опять — труба! Тревога! В сечу
Все ринулись врагам навстречу,
Чтоб их побольше утолочь.
Испробовав троян удалость,
Рутулы поживились малость,
Насилу развела их ночь.

Эней по Тибру возвращался
К троянам в тишине ночной.

В челне с Паллантом угощался,
Усердно пил со старшиной.
Он стычками с богами хвастал,
Рассказывал, как всюду шастал.
Чесал язык и сам Паллант.
Царевич врал, как сивый мерин,
Не хуже, чем сынок Венерин.
К брехне имел большой талант!

Ты спишь, седая царь-девица?
О муза дряхлая, очнись!
Прокашляйся живей, сестрица,
Ко мне, беззубая, склонись
И расскажи — какой там леший
К Энею, конный или пеший,
Пошел, чтоб Турна доконать?
Ты, муза, грамоте училась,
В полтавской школе отличилась.
Должна всех поименно знать!

Я слышу бормотанье музы:
С Энеем, дескать, плыл Массик,
Бездельник, лодырь толстопузый
И здоровенный, словно бык.
Отродье стеховской шинкарки,
Тигренко следовал на барке.
С ним сотня добрых забулдыг.
Бок о бок шли дубы Аванта.
Он был придирчивей сержанта:
Чуть что — по спинам так и стриг!

Как плащ надев свиную шкуру,
На байдаке торчал Астур;
Служил он лежнем винокуру
И с виду был довольно хмур.
Поодаль плыл Азиллас-модник,
Пономарихе нашей сродник.
Давно ли он таскал суму?
Фортуна вмиг простолюдина
Перекроила в господина.
Таких чудес я знаю тьму!

А кто на легоньком дубочке,
Раззолоченный в пух и в прах,
Сидит в распахнутой сорочке
С турецким чубуком в зубах?
Да это Цинарис, картежный
Цехмейстер, плут, наглец безбожный.
Прохвостов шайку он ведет.
Не в битве, так в картежной схватке
Уложат Турна на лопатки,
И недруг по миру пойдет.

Кто в шляпе, в епанче суконной
И с толстой книжкою в руках
Толкует вкривь и вкось законы,
Знай спорит о своих правах?
Юрист из Глухова речистый,
Что выбился в канцеляристы,
Добродий некий Купавон.
Ища поживы не впервые,
Вдобавок метя в значковые,
Вступил к Энею в легион.

А тот беззубый, говорливый,
Сухой, ледащий, как скелет,
Брехун плешивый и сварливый?
То выкрест, знаешь ли, Авлет.
С другой недавно окрутился
И за беспечность поплатился:
Из жару в полымя попал.
Теперь с чертовкой развязался:
К Энею в войско записался,
Лазутчиком на время стал.

Еще там было с полдесятка,
Всё мелюзга и гольтепа.
В таких не будет недостатка,
Хоть сгинь их целая толпа.
«А сколько всех, — сказала муза, —
Считать по пальцам — мне обуза.
Не знаю! Врать я не хочу.
На счетах класть я не училась,

Зарубки делать не трудилась.
Как было, так и лепечу!»

Возница в небе повернулся,
Стожары выше поднялись.
Кой-кто под буркой растянулся,
Не все, однако, улеглись.
Иные у костров искались,
Другие хлюпали, плескались —
Онучи мыли в тишине.
Дремали вполпьяна старшины,
Лежали, разметав чуприны,
Кто на боку, кто на спине.

Один Эней не спал в то время
И думал — как ему верней
Спасти троянский род и племя?
(За всех в ответе был Эней!)
Как Турна, дьяволова сына,
Побить, прибрать к рукам Латина
И успокоить весь народ?
Измучившись таким вопросом,
Эней увидел перед носом
Довольно странный хоровод.

Ни рыбы, знаете, ни раки,
А словно бы кружок девчат;
Ныряют, плещут, как собаки,
Мяучат кошками, кричат.
Эней со страху чуть не треснет!
Читает в голос «Да воскреснет. . .»;
Он слышит визг и хохотню;
Свалился на помост, а чуда
Давай тащить его оттуда,
Кто за́ полы, кто за мотню.

Одна такая тварь скакнула
К нему сверчком или блохой
И к уху накрепко прильнула,
Подобно гадине лихой:
«Давно ли мы с твоей персоной

Таскались по воде соленой,
Возили весь троянский род?
Мы Идского холма лесины —
Дубки, орешины, соснины.
Из нас построен был твой флот.

Уже рутул до нас добрался
И не шутя огонь раздул.
Зевес, однако, постарался
И нас в русалок обернул.
Такая вышла передряга!
Чуть без тебя Иул, бедняга,
Не отдал душеньки богам.
Спеши на выручку дитяти,
Спасай троян от вражьей рати.
Ты должен духу дать врагам!»

Энея за́ нос ущипнула,
На том и кончив разговор,
И по воде хвостом плеснула,
Скликаючи своих сестер.
Русалки вмиг зашевелились,
Всем хороводом навалились —
Троянский подтолкнули флот.
Эней узрел свой стан в осаде
И крикнул в гневе и в досаде,
Что Турн черёво надорвет!

По пояс в воду прыгнул с лодки
Эней, в кулак собрав мотню;
Взмолился маменьке-красотке,
Призвал с Олимпа всю родню.
Тут соскочил Паллант, и с ходу —
Плюх-плюх за ним вся сволочь в воду.
«Смелей! — вскричал Анхизов сын. —
На помощь удальцам-троянам
И на погибель басурманам,
Шагайте левой, как один!»

Троянцы в крепости узрели,
Что подоспел с подмогой князь,

И сразу будто одурели.
Земля под ними затряслась.
С ужасным топотом и гулом
Стремглав бегут они к рутулам
И супостатов бьют, как мух.
Пан Турн Энея ненароком
Вдали приметил ярым оком.
Со злости занялся в нем дух.

«Ребята, бейтесь, не виляйте!
Час грозной сечи наступил.
Дома и жен своих спасайте! —
Он в исступленье завопил. —
Стопы не отдадим бахвалам!
Их кости загребем оралом.
В нас — больше храбрости. Вперед!
Все олимпийцы нам ограда.
Чужих боков жалеть не надо.
Смутился, вишь, троянский род!»

Увидя кавардак во флоте,
С войсками к Тибру Турн валит;
Сам ерзает, как черт в болоте,
И про поживу всем бубнит.
Он выбрал молодцов на славу,
Проворно их построил в лаву
И на союзных двинул вскачь.
Знай рубится, кричит, балует,
Как будто шутит, не воюет.
Был Турн увертлив и силач.

Эней — пройдоха, сам не промах,
В боях возрос и стал старей;
Был вожаком во всех содомах,
Видал медведей и хорей.
На свечку фукает пугливо
Дитя; Энею дурь — не диво!
Знавал он всяких мастаков.
Эней глядит на Турна косо,
Добраться пробует без спроса
До вражьих ребер и боков.

Сперва по темени Фарона
Погладил острым кладенцом
Столь метко, что Фарон с разгона
Вильнул вверх донцем, вниз лицом.
Засим Лихаса в брюхо тыкнул.
Тот повалился и не пикнул.
Упал без головы Кисей,
Под стать мешку с мукой, а Фара
В лепешку с одного удара,
Играя, превратил Эней.

Сынок Анхизов куролесил,
Он супостатов потрошил,
В бою немало начудесил
И без разбора всех крошил.
Паллант впервые шел на битву,
Горланил, как еврей молитву,
Носился из конца в конец,
До драки был не в меру жаден
И громко подстрекал аркадян,
Ярился, словно жеребец.

Но Даг, рутул весьма лукавый,
Узнал в Палланте новичка
И вздумал ради вящей славы
Поддать царевичу тычка;
Паллант, однако, изловчился,
И Даг с душою разлучился.
В аркадцах закипела кровь.
Летят, несутся, пыль вздымая,
Как хворост, вражью рать ломая.
Что значит подданных любовь!

Паллант Эвандрович наскоком
Успел Гибсóна уложить,
Пырнул в висок над правым оком —
И приказал он долго жить.
Смертельная постигла кара
Его и яростного Лара.
Вон Ретий в роспусках летит.
Паллант его схватил, — о боги! —

Ударил, как пузырь, об дроги,
И третий недруг был убит.

Вот! Вот! Ярится, бесом дышит
Агамемноненко Галес
И быстрым бегом всё колышет,
Точь-в-точь как в гневе сам Зевес.
Круша противников жестоко,
Он вышиб дух из Демотока,
Наткнул Фарета на клинок,
Прищелкнул, как блоху, Ладона.
Кричит: «Палланта, ветрогона,
Мне хватит на один глоток!»

Паллант, голубчик, молодчина,
Стоит, скрепясь, как твердый дуб,
И ждет — какая образина
Ему надрать желает чуб?
Дождался — и врагу с разгона
Такого закатил трезвона,
Что вверх тормашками он стал.
На горло наступив Галесу,
Паллант его отправил к бесу,
Ногами гневно растоптал.

И напоказ поставил задом
Авента, в зад его пихнув;
И Клавз отважный рухнул рядом,
Того же чаду здесь нюхнув.
Лишь сунься! — отутюжат хватски
Паллант и сброд его аркадский.
Турн видит: им пренебрегли.
И впрямь от этакой ватаги
Не меду жди, а только браги;
На камень косы тут нашли.

У Турна помутился разум.
Что супротив него Полкан!
Знай носится на Белоглазом,
Ревет, как раненый кабан.
Летит к Палланту, лошадь хлещет,

Зубами лязгает, скрежещет —
Вот-вот укусит молодца!
Турн саблищей как замахнется
Да к шее конской как пригнется!
Так ловит хитрый кот скворца.

Паллант вильнул, под стать лисице,
И Турну оберучь мечом
Так запалил по пояснице,
Что дернул супостат плечом.
Паллант не дал ему очнуться,
От нападенья увернуться
И звезданул рутула в лоб.
Тот не поморщился. Куда там!
Кругом обшился он булатом
И был как в оболочке боб.

Палланта он мазнул чеканом
По черепу, что было сил.
За русы кудри бездыханным
Царевича с коня стащил.
Из раны кровь текла густая
И запеклась, уста смыкая.
Недолог был Палланта век,
Увял, сердешный, поневоле
Былинкой скошенною в поле:
Турн череп надвое рассек!

На труп, злодею ненавистный,
Он стал могучею пятой,
С Палланта снял рукой корыстной
Ремень с лядýнкой золотой,
На своего коня взвалился,
Над мертвым паничем глумился
И крикнул, довершив удар:
«Возьмите рыцаря, аркадцы!
Союзнику Энея, братцы,
Эвандру отнесите в дар».

Аркадцы, увидав утрату,
Сдержать рыданий не смогли

И учинить клялись расплату,
Хотя бы все костьми легли.
На щит Палланта положили,
Калмыцкой буркою прикрыли
И с поля потащили в стан.
Его оплакивали бурно,
Ругали кровопийцу Турна.
Да где ж троянский наш султан?

Громам и грохоту я внемлю,
Вокруг — смятенье вижу я.
Кто так трясет сырую землю?
Ее колеблет сила чья?
Как вихрь бушует на дорогах,
Как воды пенятся в порогах,
Так в ярости Эней летит;
Кровавой жаждет он расправы,
От гнева все дрожат суставы.
Он за Палланта отомстит!

«До лясу!.. Я вас, лиходеев!
Траву недолго вам топтать.
Куда как зол табак Энеев:
За Стиксом будете чихать!»
Эней ревел, скакал, совался,
Как бык свирепый бесновался,
Вояк рутульских потрошил.
Махнет мечом — врагов десятки
Ложатся, выставляя пятки.
Так в лютом гневе их крушил!

Как ястреб хищный на цыпленка,
На Мага напустился он;
Пропала слабая душонка,
Из тела запросилась вон!
Поджилки затряслись у Мага.
В ногах валялся он, бедняга,
Просил в неволю взять живьем,
Но с белым светом распрощался.
Вдогон другим Эней помчался,
Врага пришив к земле копьем,

И на бегу поймал за рясу
Попа рутульского полку́.
Он смертного набрался трясу,
Как пес, катаясь по песку.
Расстался с жизнью храбрый Нума,
Утратив и Сереста, кума.
Эней башку с Тарквита снял,
Камерта сбил с коня, Ансула
И Лука, грузного рутула,
К чертям за раками послал.

Покамест недругов калечит
По десять враз Анхизов сын,
На поле боя рвет и мечет,
Рутульских не щадя старшин, —
На таратайке в гневе яром
Стремглав летят Лукул с Лигаром,
Торопят, горячат коней.
Энея растоптать с разгону
Пытались братья, но к Плутону
Их души отослал Эней.

Он молодецки управлялся.
Рутулов молотил он всласть,
От супостатов избавлялся
И в городок спешил попасть.
Меж тем латинскую когорту
Троянцы протурили к черту
И, после вылазки лихой,
Навстречу своему Энею
Бежали, вешались на шею,
Галдели все наперебой.

Иул, как комендант исправный,
Здесь не ударил в грязь лицом
И как начальник войска главный
Предстал перед своим отцом.
Иул Энею рапортует,
А тот в уста его целует.
Не подкачал-таки сынок!
Недаром сердце трепетало,

Надежду лестную питало,
Что из дитяти будет прок.

Подвыпив, мордою склонялся
К Юноне на плечо Зевес,
Как дурень, чмокался, лизался,
К супружнице со скуки лез.
«Гляди, — сказал он ей в угоду, —
Как Турн дает троянцам ходу!
Они пустились наутек.
Венера — тьфу перед тобою.
Ты дивно хороша собою!
Всяк ладит на тебя силок.

Бессмертие мое ярится,
Роскошной ласки жду, дрожа.
Олимпа и земли царица!
Юпитеру ты — госпожа.
За смачный поцелуй твой сразу
Весь мир получишь без отказу».
Вздохнув, богиню стиснул так,
Что вместе с ним сама Юнона
Едва не сковырнулась с трона,
Зевес набил себе синяк.

Хотя на хитрости пуститься
Матерой вздумалось лисе,
Юнона, козырь-молодица,
Уловки разгадала все.
«О ты, — сказала, — светоч ярый!
О езуит Олимпа старый!
Речей медовых зря не трать.
Уже давно меня не любишь,
А только с пьяных глаз голубишь.
Не подсыпайся! Полно врать.

Напрасно ты меня морочишь.
К чему туманить белый свет?
Как с девочкой балясы точишь!
Мне, знаешь ли, не двадцать лет.
Тебе не стану я перечить,

Но ты не позволяй увечить
Троянцам Турна моего.
С отцом он должен повидаться
И перед смертью попрощаться.
Мое желанье таково!»

Сказала — и впилась в Зевеса,
За поясницу обняла,
И свет померк в очах — завеса
Обоим на глаза легла.
Размяк Зевес, как после пару,
И вылакал подпенка чару.
Ни в чем Юнону не стеснял.
Она с ним в *котика* играла,
А в *мышки* так защекотала,
Что он раскис и задремал.

Все олимпийцы без изъятья
И громыхающий их пан,
Нимало не стыдясь, без платья
Гуляли, на манер цыган.
Нагая, как ладонь, Юнона
Скатилась тут же с небосклона
И парубком оделась вмиг.
Призвав на помощь Асмодея,
Обличье приняла Энея,
Помчалась к Турну напрямик.

Рутул ужасно расходился,
Досадой был он обуян,
Несолоно хлебав, сердился —
Зачем не припугнул троян?
Вдруг призрак в облике Энея,
В плаще покойного Сихея,
Явился Турна задирать:
«Никчемный рыцарь, замухрышка!
Тебе, мозглявый витязь, крышка!
А ну-ка выйди помирать!»

Присяжный враг, держась кичливо,
Донельзя Турна уязвил,

На поединок звал крикливо,
Вдобавок трусом отъявил.
Пан Турн затрясся, обозлился,
Холодным потом весь облился,
Проклятье изрыгнул в ответ.
Конем на призрак напирает,
А тот вильнул и удирает.
Рутул за ним помчался вслед.

Тот — не уйдет, сей — не догонит.
Вот-вот пырнет врага мечом!
Но в ярости ревет и стонет
Пан Турн, оставшись ни при чем.
«Ага, голубчик, удираешь?
Не в куклы с девками играешь!
Поймаю панича за чуб!
Со смертью мигом обвенчаю
И воронов потешу стаю,
Пусть расклюет она твой труп!»

Пан Турн за призраком Энея
Пустился к морю на коне.
Противник, будто бы робея,
Вдруг очутился на челне.
Рутул к Энею в лодку прыгнул
И думал, что его настигнул.
Теперь-то можно будет всласть
Над супостатом поглумиться
И кровью вражеской упиться,
В большие храбрецы попасть!

Но сам собою по безбурным
Волнам, покинув берега,
Челнок помчался с паном Турном.
Он счастлив был загнать врага.
Наскучив этой заварушкой,
Юнона в небо шасть кукушкой.
Едва не треснул молодец,
В сердцах очнувшись среди моря.
Да что поделаешь! — и с горя
Поплыл туда, где жил отец.

Юнона славно пошутила
И Турну пулю отлила,
На всех туману напустила,
Глаза Энею отвела.
Он был как в шапке-невидимке,
И плавал взор его, как в дымке.
Но, сызнова прозрев, Эней
Пришиб Лутага, Лавза; Орсу,
Парфену, Палму сбавил форсу,
Сгубил немало силачей.

Под самый городок троянский
Мезентий нагло подступал
И выкликал по-басурмански,
Что, дескать, пан Эней пропал!
«Давай, — кричит, — на ровном месте
С тобой сойдемся честь по чести,
Как двое сто́ящих парней!»
Столкнулись так, что от усилья
Рванулись, хрустнув, сухожилья.
Врага с коня спихнул Эней.

Пощады не давая чванным,
Всадил в Мезентия палаш,
И дух его со словом бранным
Пустился к черту на шабаш.
Эней победой утешался,
С дружиной славно угощался,
Зевеса жертвой ублажив.
До поздней ночи пьянство длилось,
И всё троянство с ног валилось.
Эней и сам был еле жив.

Уж заряница не с полушку
Светилась в небе, а с пятак
Или с пшеничную галушку,
И небо рдело, словно мак.
Анхизов сын созвал громаду
И молвил: «Нужно по обряду
Нам упокоить мертвецов.
Пускай возьмутся все трояне

По-братски, дружно с поля брани
Таскать убитых удальцов».

Эней Мезентия доспехи
На пень высокий насадил,
Но, видит бог, не для потехи:
Он Марсу этим угодил.
Пень выглядел как рыцарь знатный:
Шишак и панцирь, щит булатный,
Копье с флажком и тяжкий меч.
Эней прокашлялся, сморкнулся,
К своей дружине обернулся
И выпалил такую речь:

«Герои! Казаки́! Трояне!
Храбритесь! Наша, слышь, берет!
Поганый сей чурбан заране
Латинский град нам отопрет.
Но, прежде чем начнете биться,
Для мертвых нужно потрудиться;
Палланта, павшего в бою,
Эвандру бедному отправить
И поименно всех прославить,
Кто смелость выказал свою».

Эней в курень подался вскоре,
Где труп царевича лежал.
Вздыхал аркадский подкоморий
И мух любистком отгонял.
Троянские здесь плаксы были
И, как от боли в брюхе, выли.
Эней разрюмился и сам:
«Эхма, увял мой цветик мака!
То был недюжинный рубака.
Видать, угодно так богам!»

Сплели носилки из ракиты
И камышовый балдахин,
Чтоб наш покойник родовитый,
Единственный Эвандров сын,
Явился ко двору Плутона

Как пан, как знатная персона,
А не задрипанный голяк.
Палланта женщины обмыли,
По-праздничному нарядили,
Заткнули за щеку пятак.

Когда уж было всё готово,
Пришел соборный протопоп.
Надгробное начавши слово,
Он сбился и в затылке скреб.
Сказал: «Покойник сей не дышит,
Не видит, стало быть, не слышит.
Ей-ей! Увы! Он мертв, аминь!»
Народ премного умилился,
Растрогался и прослезился,
Забормотал: «Пан отче, сгинь!»

Палланту покадив, чин чином
Беднягу вынесли на двор;
Его узрев под балдахином,
Эней рыдал и очи тер.
Усопшему на покрывало
Пошло Дидоны одеяло —
Сынка Анхизова трофей.
Носилки взгромоздив на плечи,
Тащились воины далече —
К Эвандру, в город Паллантей.

И в чистом поле, на просторе,
Эней простился с мертвецом,
Сказав: «Бурливо жизни море!
Вольно́ играть ему пловцом.
Прощай, приятель задушевный!
За нынешний твой вид плачевный
Рутулу я воздам с лихвой».
Палланту низко поклонился,
Облобызав его, пустился
Домой с поникшей головой.

Во власти грустных размышлений
К себе вернулся пан Эней,

И только что ввалился в сени,
Как натолкнулся на гостей.
Пришли послы царя Латина,
Все сплошь — асессорского чина;
Один — армейский капитан;
Он век по свету волочился
И по-фригийски научился.
В посольстве был он драгоман.

Латинец родом познатнее
Немедля выступил вперед.
Кто не поймет его рацеи —
Прочтите этот перевод:
«Окостенелый труп — не ворог.
Как воин он уже не дорог:
Лежит на поле без души!
О князь, тела убитой рати,
Как водится, земле предати
Ты, сделай милость, разреши!»

Эней, к добру с рожденья склонный,
Сказал послам латинским так:
«Латинус рекс неугомонный,
А Турнус пессимус дурак.
И кваре вам сражаться мекум?
Латинуса считаю цекум,
Сеньорес, олухами — вас.
Латинусу рад пацем даре,
Пермитто мертвых погребаре,
И корам вас мой гнев угас.

Один лишь Турнус недруг меус,
Сам эрго дебет воевать;
Так хочет фатум! — ут Энеус
Вам будет рекс, Амате зять.
Назначив с Турнусом дуеллюм,
Мы приведем ад финем беллюм.
Не всем же сангвис проливать!
Укажет глядиус вель деус,
Достоин Турнус иль Энеус
Латинским сцептро обладать».

Посольству речь пришлась по нраву,
И первый осмелел Дрансес.
Не посрамил свою державу,
В карман за словом не полез.
Воскликнул: «Ты на свет родился
Затем, чтоб он тобой гордился.
О князь! Величье — жребий твой.
Мы всё в уста Латину вложим,
Царю мы уяснить поможем,
Что дружба с Турном — звук пустой».

Пошли на мировую вскоре.
До срока прекратили рать
И положили в договоре
Латинских плотников призвать,
Чтоб живо помогли троянцам,
Бездомным этим голодранцам,
Достроить новый городок;
Чтоб нарубить вольготно было
Дубков, осины на стропила,
Сосновых натесать досок.

И, согласясь на мировую,
Пустили чарочку кругом;
Пошла гульня напропалую,
Делились дружно табачком.
Одни порядком нагрузились,
Другие с мертвыми возились;
В лесах стояла стукотня.
Сложив забот военных бремя,
Троянцев и латинцев племя
Сошлись, как близкая родня.

Эвандра всхлипы, вопли, крики,
Стенанья, — словом, без прикрас,
Печаль аркадского владыки
Я описал бы вам как раз.
Да полно! Стоит ли усилий?
На это нужен сам Вергилий!
Вдобавок ныть я не мастак.
Мне охи, слезы — пуще смерти.

Я сроду не грустил, поверьте.
Авось, друзья, сойдет и так!

Блеснула в небесах денница,
Померкли звезды, и опять
Взялась троянская станица
Убитых воинов таскать.
Эней с Трахоном разъезжает,
К трудам дружину понуждает;
Кладут, как бревна, труп на труп,
Сухой соломой покрывают
И троекратно поливают
Смолой и маслом каждый сруб.

Вот искры высекли огнивом,
И пламя обняло тела,
И память вечную с надрывом
Завыли так, что жуть брала.
Здесь кость, и плоть, и жир скворчали,
Иные сталец источали,
У многих лопался живот,
И было дымно, чадно, смрадно.
Жрецы трудились тут изрядно:
Искони бе хаптурный род.

Однополчане, други, сваты,
Отец и сын, свояк и кум,
Во имя горестной утраты,
А кто и просто наобум,
В костры швыряли седла, сбрую,
Доспехи, обувь дорогую,
Мешки онуч, лаптей, сапог,
Ляду́нки, сабли, шапки, свитки;
Оружье, утварь и пожитки
Метали, как снопы на ток.

В Лавренте тоже грустно было,
Народ являл прискорбный вид;
Сжигали мертвецов уныло,
Ревели на чем свет стоит.
Где сын пропал ни за копейку,

Там клял отец войну-злодейку,
А с ней и дряхлого царя;
И девка крепко убивалась,
Что без венца вдовой осталась,
Утративши богатыря.

Растрепанны, простоволосы,
Метались женщины, крича,
И на себе терзали косы,
Одежды рвали сгоряча,
Латина громко поносили,
Истошно выли, голосили,
Рыдали подле мертвых тел;
Себя, стеная, били в груди,
Ругали Турна: гибнут люди
Из-за его любовных дел!

Браня рутула за упорство,
Твердил Драксес: «Его вина!
Пусть выйдет на единоборство —
И сразу кончится война».
Нашелся между тем сутяга,
Брехун, юрист, крючок, плутяга,
Который Турна защищал,
И все Аматины клевреты
Давали шепотом советы,
Чтоб нипочем не уступал!

Толкнулись к хану Диомиду
Тогда латинские послы;
Вернулись — молвить не в обиду —
Не так чтоб очень веселы.
Латин запиской именною
Созвал вельмож со старшиною,
Чтоб выслушать своих послов.
Поспешно собрались вельможи,
Что ко двору Латина вхожи,
И молвил царь без дальних слов:

«Венул! Ты человек правдивый
(Об этом знает наша Сечь)

И, говорят, небоязливый.
Перескажи мне хана речь!»
— «О царь, я твой слуга смиренный,
Никчемный самый и презренный,
Не гневайся! — сказал Венул. —
Мужичья правда очи колет,
А панская — как пан изволит!
Нам хан такое завернул:

„Не с мордой, говорит, Латина
Троянских одолеть вояк!
Не лучше ль было для почина
Узнать, каков Эней казак?
Когда мы осаждали Трою,
Оборонять пришлось герою
Богов домашних и родню;
Он на закорках в злую пору
Отца втащил на Иду-гору, —
Не посчитайте за брехню!

Латину растолкуйте внятно:
Эней мне кажется святым.
Идите лучше на попятный
И не воюйте больше с ним.
Да есть ли дети впрямь такие,
Чтоб кудри батькины седые
Ценили выше всяких благ?
Зачем обманывать Латина?
Мне мил Анхизов сиротина.
Энею, братцы, я не враг.

Прощайте, домини латинцы!
Счастливый путь, поклон царю!
Отдайте вы свои гостинцы
Троянскому богатырю
И, не шутя, не для блезира,
Просите у Энея мира!“»
На том и речи был конец.
В предчувствии лихой годины,
Латин исполнился кручины.
Дрожал на лысине венец.

Немножко помолясь, очнулся
Латин от невеселых дум,
Но, глядя сентябрем, надулся
И был с вельможами угрюм.
«Что! Взяли? — молвил с кислым вид
Носились больно с Диомидом,
А он и дулю показал.
Вам было загодя, болванам,
Управиться с троянским паном,
Покамест ног на стол не клал.

Теперь Анхизова отродья
Не протурить вовеки нам.
Клочок землицы и угодья
Отдам троянским шатунам:
Поля, луга, леса, покосы,
Для рыбной ловли — Тибра косы.
И станет нам Эней — сосед.
Не захоти он здесь остаться
И по́ свету пустись болтаться, —
Мы всё ж избавимся от бед.

С Энеем нужно лад уставить:
К нему сейчас десятков пять
Послов с подарками отправить, —
Да позатейливей сыскать!
Повидло, сало, осетрину,
На праздничный кафтан люстрину,
Цветной кушак Энею дам,
Козловые сапожки тоже
И тебеньки тисненой кожи.
А нуте! Как сдается вам?»

Дрансес был краснобай великий
И пану Турну лютый враг.
Усы расправив, он владыке
Латинскому ответил так:
«О царь над здешними местами!
Твоими пить бы мед устами.
Ты в нас вливаешь бодрый дух.
К тебе сердцами тяготеем,

Сидим, молчим, сопим, потеем,
Не смея высказаться вслух.

Пускай заносчивый, надутый,
Похожий впрямь на сатану,
Разбойник, ненавистник лютый,
Что всех людей втравил в войну,
Что причинил нам столько боли,
Народу тьму сгубил на поле,
А сам — за шапку и бежать,
Что вас, вельможи, за нос водит, —
Пусть этот храбрый Турн выходит
С Энеем силы поравнять.

Пусть нас покинет честь по чести,
Царевне пусть вернет покой,
Пускай живет в своем поместье,
А к нам, в Латию, — ни ногой.
Благое, царь, прими решенье,
Энею сделай подношенье:
Ему Лавинию отдай.
Ты нам даруешь мир желанный
И уврачуешь царства раны;
С Энеем дочке будет рай.

Тебя, пан Турн, прошу отныне
Любовь к Лавинии забыть,
Не потакать своей гордыне
И кровь латинцев пощадить.
Эней ведь нас не задевает,
Тебя лишь драться вызывает.
Ступай, с троянцем поборись
И, если ты не пустомеля,
Геройство докажи на деле:
Побить Энея умудрись!»

Пан Турн разгневался, однако!
Кривились губы, весь дрожал,
Зубами лязгал, как собака,
Синей утопленника стал.
Вскричал: «Матерый ты лгунище!

Всех козней мерзостных жилище!
Равняешь витязя с хорем?
В народе распускаешь бредни,
Клевещешь, как брехун последний,
Ты на меня перед царем,

Что, дескать, я хочу оттяпать
Головку лысую твою;
Да пропади ты, старый лапоть!
Не стану честь марать свою!
А ты, Латин благолюбивый,
Давно ли стал такой пугливый,
Что царство для тебя — пустяк?
Перед Энеем ползай раком,
Пластайся перед сим трояком!
Дождешься мира! Как не так!

Но если миру я — помеха,
И в поле ждет меня Эней,
И смерть моя для вас потеха, —
Отвага есть в душе моей!
Мечом по-прежнему владея,
Не испугаюсь я злодея,
Столкнемся мы лицом к лицу.
Будь он Полканом иль Бовою,
Я с ним померяюсь главою!
Дам бой Энею-беглецу».

В конгрессе с Турном препирались,
А чужестранцы в тот момент
Брать город штурмом собирались.
Эней привел их под Лаврент.
Пропали рассужденья втуне,
Латин пустил со страху слюни;
«Вот вам и мир!» — съязвил рутул.
Сробели старшина со знатью,
А Турн явился перед ратью
И даже глазом не моргнул.

Опять народ зашевелился,
Шум, гам, смятенье, суета,

Кто чертыхался, кто молился,
Кто — в крик, а кто сомкнул уста.
Опять война! Опять кручина!
Заботы гнут в дугу Латина.
Он кается от всей души —
Зачем не стал Энею тестем?
Теперь бы тихо-мирно есть им
Коржи, потапцы да кныши!

Одев булатом грудь и спину,
Троян закоренелый враг
Подуськивал свою дружину
Побить Энеевых бродяг.
Сначала подскочил к Камилле,
Как добрый жеребец к кобыле.
Мессапа дьявольскую рать
Царице дал он в подкрепленье
И прочитал ей наставленье —
Куда-де с войском напирать.

Сказал — и на́ гору-громаду
Махнул до самых облаков.
Устроить он хотел засаду —
Фригийцам надавать пинков.
Эней на вал повел ватагу
И приказал: «Назад ни шагу!» —
Пред строем обнажив свой меч.
Идут! Идут, сомкнувшись тесно,
Сразиться с недругами честно.
Идут, костьми готовы лечь.

Троянцы налетали дружно,
Наваливались на врагов
И оттесняли их натужно
До самых городских валов.
Латынь, оправясь от удара,
Атаки отбивала яро.
За чуб таскал чин чина там,
Как петуха петух за гребень.
Толкли один другого в щебень
И молотили по зубам.

Но вот Арунт убил Камиллу.
Тогда латинцев обнял страх,
Утратили задор и силу,
Бежать пустились впопыхах.
Их дула Троя в хвост и в гриву.
Латинцы — быть бы только живу! —
Назад чесали во всю прыть.
Ворота башен замыкали,
Своих в укрытье не пускали:
Чужих боялись напустить.

Турн скорчил пакостную мину,
Увидя, что произошло.
Хоть плюнь, — скривил он образину
И на людей косился зло.
Едва не лопнул он с досады
И вывел войско из засады,
Покинул спешно гору, лес,
И только что сошел в долину,
Как натолкнулся на дружину —
Узрел Энеевых повес.

Мгновенно разгорелись страсти.
Хотели Турн и пан Эней
Друг друга разодрать на части.
Был каждый лют, как Асмодей.
Не обойтись бы тут без боя.
По счастью, в воду с перепоя
Пан Феб до времени залез,
И под покровом темной ночи
У всех слипаться стали очи.
Любой уснул головорез.

Несолоно хлебавши снова,
Пан Турн остался в дураках.
Латину буркнул он сурово,
Зубами скрежеща в сердцах:
«Скажи задрипанным троянцам,
Твоим проклятым голодранцам, —
Пускай не пятятся назад!
Иду с Энеем потягаться,

В своих проступках оправдаться.
Убить и околеть я рад!

К Плутону ль отошлю Энея?
Ввалюсь ли в пекло невзначай?
Мне жить, ей-богу, солонее!
Врагу Лавинию отдай...»
— «Эхма! — Латин тут отозвался. —
С чего ты так разбушевался?
А если рассержусь и я?
Под старость лет брехать мне стыдно.
Чтоб не было богам обидно,
Скажу всю правду, не тая:

За земляком не быть Лависе!
На это есть судьбы запрет.
От олимпийских сил завися,
За ослушанье жду я бед.
Меня Амата уломала
И так бока мне натолкала,
Что я Энею отказал.
Жить? Нет ли? Что ж, тебе виднее!
Но было бы всего умнее,
Когда б меня ты развязал

И позабыл мою Лависю.
На свете мало ли невест?
Ну взял бы Муньку или Присю,
Из этих, из других ли мест...
В Ивашках, Мыльцах, Пушкаривке,
И в Будищах, и в Горбанивке
Теперь девчат хоть пруд пруди!
На этот счет у нас не скудно.
Замужнюю украсть не трудно, —
Ты только по душе найди!»

Тем временем явись Амата!
В князька рутульского впилась,
Лобзала в губы стратилата,
Над ним рыдала и тряслась.
«С Энеем не спеши сразиться! —

Сквозь слезы молвила царица. —
Коль треснешь — пропаду и я!
Нас боги без тебя покинут,
Латинцы и рутулы сгинут,
А заодно и дочь моя».

Пан Турн, от гнева цепенея,
Не хочет знать ни слез, ни слов,
Гонца немедля шлет к Энею,
Чтоб завтра биться был готов.
Эней сгорал от нетерпенья.
Он дожидался столкновенья,
Чтоб Турну отхватить башку,
И сам спешил гонца отправить —
Условиться, как рать расставить, —
Был с паном Турном начеку.

К заре кишмя кишело всюду,
Сметая всё перед собой,
Тьма-тьмущая честно́го люду
Ломила поглазеть на бой.
Чтоб не теснить полки полками,
Межевщики пришли с колками
И стали площадь размерять.
Свиней, овец, козлов заклали
Жрецы, молясь, чтоб ниспослали
Им олимпийцы благодать.

В доспехах праздничных, под стягом,
Рядами стройными, как в бой,
Шло войско молодецким шагом,
И ратник пыжился любой.
Две армии враждебных вскоре
Расположились на просторе.
Со всех сторон валил народ,
Толкался, напирал, толпился.
Всяк лез, пихался — торопился
Узреть побоища исход.

Юнона, как богиня, знала,
Что Турну суждено пропасть,

Но голову себе ломала,
Нельзя ли отвратить напасть?
Покликала сестрицу Турна,
Русалку, что звалась Ютурна;
Всё рассказав ей под шумок,
Велела хитрости набраться
Да не зевать, иначе братца
Сотрут, как пить дать, в порошок.

Покуда эти две мудрили,
Здесь двое снаряжались в бой.
Свои за них богов молили:
«Пускай в яичницу герой
Собьет врага!» Но слух некстати
Прошел среди рутульской рати,
Что Турн-де может скиксовать.
Он загодя смотрел уныло,
Скривился так, что лучше было
Сраженья впрямь не затевать.

А тут Ютурна для затравки
В ряды втесалась, как на грех.
Вертелась наподобье шавки
И живо всполошила всех.
Затем прикинулась Камертом,
Твердила, подбоченясь фертом,
Что стыдно Турна выдавать,
Стоять при этом сложа руки,
Себя же — обрекать на муки
И шею под ярмо совать.

Раздался гул в рутульском войске.
Негромко возроптала рать,
А после гаркнули по-свойски,
Чтоб замиренье разорвать.
Ютурна фигли здесь творила,
Скворцами кобчика травила,
И заяц волка искусал.
Толкуя всё к добру, лаврентцы
Дивились чуду, как младенцы.
К войне Толумний подстрекал.

Рутулов подбивая драться,
Он первый выскочил вперед,
Пальнул в Гилипенка, аркадца,
И взбеленил аркадский род.
И снова завязали сечу!
Друг другу понеслись навстречу.
Кто мчится на коне, кто пеш.
Кричат и рубят, бьют, стреляют,
Лежат, бегут и догоняют.
Не поле битвы, а кулеш!

Эней правдивый был парняга,
Ему претил такой разлад.
А тут враждебная ватага
Послать фригийцев хочет в ад!
«Сбесились? — крикнул. — Что такое?
Деремся я да Турн — всех двое.
А мир ломать вы не вольны!»
Внезапно стрелка зажужжала,
Впилась в бедро и задрожала, —
И кровь забрызгала штаны.

Хромая, обливаясь кровью,
К себе в шатер Эней побрел.
Иул заботливо, с любовью,
Энея под руку повел.
А Турн взыграл и, полон чванства,
На супротивное троянство,
Коня пришпорив, налетел,
Храбрится, яростью вскипает,
Бьет, режет, рубит, насыпает
Кругом холмы из вражьих тел.

Сначала Фила с Тамарисом
Об землю головами — бух!
Затем Хлорея с Себарисом
Расплющил, как букашек двух;
Дерету, Главку, Ферсилогу
Поранил руки, шею, ногу;
Врагов калечил вновь и вновь,
Конем их растоптал без счету,

И тот бродил, как по болоту,
Месил копытом грязь и кровь.

Коробилась душа Энея,
Пока троянцев Турн косил.
Страдая пуще Прометея,
От боли он лишился сил.
Япид, цирюльник лазаретный,
Всех порошков знаток приметный
И не последний коновал,
За пояс полы затыкает,
По локоть руки обнажает
И нос очками оседлал.

Увидел, приступивши к делу,
Что в мякоти шпенек застрял;
Прикладывал припарки к телу,
И шилом в ране ковырял,
И смазывал сапожным варом,
Но все труды пропали даром.
Япид бессилен... Вот печаль!
Давай тисочками, клещами,
Щипцами, крючьями, зубами
Тащить предательскую сталь.

Щемило сердце у Венеры.
Подол повыше подобрав,
Она принять спешила меры —
Сынку нарвать лечебных трав.
Добыл проворный Купидончик
Гарле́мских капель ей флакончик,
Живой воды принес ведро.
Смешали, наскоро взболтали,
Слегка над зельем пошептали,
Энею полили бедро.

Лека́рство было чудотворным,
Промыло рану, боль сняло
И с копейцом стрелы упорным
Япиду сладить помогло.
Эней опять приободрился,

В мамашин панцирь нарядился,
Взял меч в окрепшую ладонь.
Летит расправиться с врагами,
В своих раздуть отваги пламя,
Разжечь в них мужества огонь.

За ним — фригийцы-воеводы!
А войско ходит ходуном,
Как в мельничных колесах — воды,
И всё ворочает вверх дном.
Эней лежачих объезжает
И беглецов не догоняет,
Ища рутульского князька.
Ломает голову Ютурна,
Не знает, как спасти ей Турна
От смертоносного клинка.

У девушек свои уловки.
Сумей лишь за́ сердце задеть!
Не растеряются плутовки
И сатану поймают в сеть.
Ютурна с облака спорхнула,
Возницу братнина спихнула,
На всем скаку за вожжи — хвать.
Пан Турн гонял тогда в телеге:
Надселся Белоглазый в беге,
Пришлось в обозе отдыхать.

Конями ловко управляя,
Ютурна вьется меж полков;
Как от борзых лиса, виляя,
Спасает брата от врагов.
С ним где-то впереди маячит,
Назад напропалую скачет;
Но где Эней, там Турна нет!
Троянцу это не по вкусу:
Турн празднует бесстыдно трусу!
Эней стремглав помчался вслед.

И, взора не спуская с Турна,
Во все гужи за ним тянул,

Но смухлевала вновь Ютурна,
И враг заядлый улизнул.
А тут еще Мессап с наскоку
Метнул в Энея камнем сбоку.
Эней, по счастью, не погиб,
Он уберегся от изъяна,
И только верх его султана
Булыжник, пролетая, сшиб.

Такой предательской повадкой
Анхизов сын был оскорблен.
Зевесу помолясь украдкой,
На всю громаду гаркнул он.
Вперед полки внезапно двинул
И с войском на врагов нахлынул,
Ну шпиговать, крошить и сечь,
Рубить рутулов и латинцев,
Наездников и пехотинцев.
Но как бы Турна подстеречь?

Я, братцы, не надеюсь даже
Картину битвы набросать,
Хотя и тщусь как можно глаже
Стихи об этом написать.
Такая уж моя планида,
Что выйдет разве панихида —
Простая роспись, без затей,
Всем воинам, убитым в поле,
Сложившим кости поневоле
По прихоти своих князей.

Сей участи не избежали
Цетаг, Танаис и Толон;
Энеем сражены, лежали
Невдалеке Онит, Сукрон;
Троянцев Гилла и Амика
Спихнула в пекло Турна пика...
Да где ж их поименно знать!
Ведь супостаты так смешались,
Стеснились, что уже кусались, —
Руками не могли махать.

И фукнула в башку Энею
Его божественная мать,
Чтоб он войскам сказал рацею,
Велел им город штурмом брать,
Пробить в Лаврент столичный дверцу,
Задать Латину с Турном перцу,
Рутульских проучить собак.
Анхизов сын старшин скликает,
На новый подвиг подстрекает;
Взойдя на холм, кричит он так:

«Моим словам не удивляйтесь.
Не я — Зевес их произнес.
С дружиной тотчас отправляйтесь
Брать город, где паршивый пес
Латин-изменник жрет сивуху,
Пока мы бьемся что есть духу.
Рубите вдоль и поперек!
Сожгите царскую палату,
Спалите ратушу! Амату,
Чтоб не царапалась, — в мешок!»

Оружьем войско загремело,
Как будто прокатился гром,
Построилось и полетело
К стенам Лаврента прямиком.
Для штурма лестницы таскали
И стрелы тучами пускали,
Огни метали через тын,
И, чтоб услышал неприятель,
Кричал Эней: «Ваш царь — предатель!
Всех зол причина — ваш Латин!»

А кто в столице оставался,
Тому грозила впрямь беда.
У всех рассудок взбунтовался,
Бежать стремились — но куда?
Кто трясся, кто облился по́том.
Иные бросились к воротам —
В Лаврент открыть троянцам вход.
Другие кинулись к Латину

И призывали старичину,
Чтоб лез на вал — спасать народ.

Амата глянула в оконце,
И бросило царицу в жар:
От дыма, стрел затмилось солнце,
Пылает в городе пожар;
Не видя Турна, ужаснулась,
И в жилах кровь у ней свернулась,
Нашел на бедную туман;
Ей Турн мерещился убитый:
Из-за нее стыдом покрытый,
Он стал посмешищем троян.

Всё, всё ей сделалось постыло,
И жизнь казалась немила.
Себя кляла, Олимп костила,
Одежды царские рвала.
Амата, здравый смысл утратив,
С ума, по всем приметам, спятив
И волю дав своей хандре,
Забормотала ахинею,
Очкур накинула на шею,
Повесилась на очкуре.

Конец Аматы басурманский
Лависю будто огорчил.
«Увы!» — воскликнула по-пански
И ну дрочиться что есть сил.
Цветные платья рвет, швыряет,
Убор печальный примеряет, —
Царевне черное под стать!
Мгновенно галкой нарядилась
И перед зеркальцем училась
Умильно хлипать и моргать.

Об этом горестном уроне
Узнали в городе, в полках.
Латин, развалина, тихоня,
Едва держался на ногах.
Он по теченью плыть пустился

И столь плачевно искривился,
Что стал похожим на башмак.
Весть про Аматину кончину
Повергла всю Латынь в кручину.
Смутился даже Турн, смельчак.

Когда надумала царица
На шее затянуть очкур,
Пан Турн давай кричать, браниться,
Остервенел, как злобный кнур;
Руками машет с диким ревом,
К войскам несется — грозным словом
Прервать кровопролитный бой.
Послушны Турнову приказу,
Латинцы и рутулы сразу,
Утихомирясь, стали в строй.

Эней обрадовался вести,
Что Турн выходит биться с ним;
Осклабясь, постоял на месте
И помахал копьем своим.
Прямой как струнка, величавый,
Бывалый, дошлый, тертый, бравый, —
Ни дать ни взять — Нечёса-князь!
Глазами все его сверлили,
Враги — и те его хвалили,
Свои ж любили, не боясь.

Тут вожаков свирепых пара
Сошлись, вступить готовы в бой,
Зубами заскрипели яро,
Переглянувшись меж собой.
Со свистом сабельки взлетели,
Цок-цок! — лишь искры заблестели;
Один другого хворостят.
Пан Турн ударил, не робея,
Сбил кирею́ с плеча Энея.
Эней попятился назад.

Опомнившись, врагу с наскока
Сто за́ сто отплатил Эней.

Чужой клинок в мгновенье ока
Он саблей разрубил своей.
Как Турну быть? Собрав отвагу,
Он думает — не дать ли тягу?
Нельзя без сабли воевать.
Давай бог ноги! Без оглядки
Рутулец Турн во все лопатки
Стал от Энея удирать.

Бежит пан Турн и причитает,
И просит у своих меча.
Никто беднягу не спасает
От рук троянца-силача.
Но, вмиг успев перерядиться,
Явилась перед ним сестрица
И в руку сунула палаш.
И снова сабельки блистали,
И снова панцири бряцали,
И Турн приободрился наш.

Не в силах скрыть свою досаду,
Зевес бранить Юнону стал:
«Не ждешь ли, чтоб тебя по заду
Я молниями отхлестал?
От вас, от баб сварливых, дрязги!
Задать бы вам хорошей встряски!
Давно известно всем богам:
Эней Троянец будет с нами
Кормиться теми ж пирогами,
Какие печь велю я вам!

Где разум твой, скажи на милость?
Бессмертного ты не убьешь.
Зачем за Турна ты вступилась,
Людскую кровь напрасно льешь?
Его сестрицу на проказу
Подбила: по чьему приказу
Палаш Ютурна принесла?
Оставь-ка ты в покое Трою!
Уже троянскому герою
Довольно сделала ты зла!»

Юнона тут угомонилась
И Зевсу молвила: «Ей-ей,
Глупа была я, провинилась!
Прости, отец мой! Прав Эней.
Пусть оседлает он рутула,
Латина прочь спихнет со стула,
Свой род здесь крепко утвердит.
Но только пусть латинцев племя
Блюдет и в будущее время
Язык, названье, веру, вид».

«Что ж, быть по-твоему отныне!» —
Жене Юпитер отвечал.
Плясала с радости богиня,
А Зевс метелицу свистал.
Всё на безменах он развесил,
И, чтоб никто не куролесил,
Ютурну отослал на дно.
Не смертных писана руками
Та книга Зевсова с судьбами,
В которой всё предрешено!

На Турна наступает грозно
Эней с копьем наперевес.
Врагу кричит: «Сдавайся, поздно!
Теперь тебя не спрячет бес!
Как ни вертись — хоть серым волком
Оборотись ты тихомолком,
Хоть зайчиком проворным стань,
Хоть в небо лезь, ныряй хоть в воду, —
На дне морском сыщу и с ходу
Расплющу этакую дрянь!»

Эней надменными речами
Нисколько Турна не смутил.
Пожав широкими плечами,
Он ус беспечно закрутил
И молвил: «Нечего хвалиться,
Покуда не в руках синица!
Я вовсе не тебя боюсь.

Но олимпийцы нами правят,
Они теснят меня и давят.
Лишь перед ними я смирюсь».

Сказавши, повернулся круто
И камень в пять пудов берет.
Но понатужился, как будто
Рутулец Турн уже не тот.
Не прежняя в нем удаль, сила.
Ему Юнона изменила,
А без богов — какой размах?
И камень изменил тяжелый!
Не долетев, он рухнул долу,
И Турна взял великий страх.

Эней в счастливую годину
Копье покрепче раскачал
И Турну, гадовому сыну,
На память вечную послал.
Как за цыпленком ястреб дикий,
Гудя, свистя, несется пика
И в левый бок рутульца — тык!
Свалился Турн подобно жерди.
От боли корчась, ждет он смерти,
Клянет Олимп, как еретик.

Латинцы громко ужаснулись,
Рутулы испустили клич,
Троянцы едко усмехнулись,
А боги пили магарыч.
Пан Турн одолевает муки,
К Энею простирает руки
И слово слезное речет:
«Не жизни я хочу подарка!
Твоя, Анхизович, припарка
За Стикс меня поволочет.

Есть у меня родитель милый.
Он стар, беспомощен и хил;
С тоски сойдет небось в могилу!
Но мне уж этот свет постыл;

Как казака́, тебя прошу я,
Мне милость окажи большую:
Когда умру, сражен тобой,
Отправь безжизненное тело
Отцу, — сверши благое дело! —
И выкуп можешь взять любой».

Эней совсем преобразился,
Услышав горестную речь;
Он чуть было не прослезился,
И Турна миновал бы меч.
Но вдруг патронницу Палланта
По блеску золотого канта
Наш витязь опознал на нем,
Внезапным гневом пламенея;
И затряслись уста Энея,
И взор заполыхал огнем.

Схватил он Турна за чуприну
И вверх тормашками швырнул,
Нажал коленом на детину
И басом громовым рыкнул:
«Ты нам, троянам, в посрамленье
Надел Палланта снаряженье
И думаешь уйти живым?
Но сам Паллант мечом Энея
Спровадит в пекло лиходея.
Ступай к чертям, дядьям своим!»

Эней, сказав такое слово,
Свой меч вонзил рутулу в рот
И трижды повернул сурово,
Чтоб лишних избежать хлопот.
Безропотно покинув тело,
Душа рутула полетела
К Плутону в пекло неспроста.
Не будет никогда вольготно
Тому, кто прожил беззаботно,
Тому, чья совесть нечиста.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ГОД

ПАНУ НАШЕМУ И ОТЦУ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ БОРИСОВИЧУ КУРАКИНУ

Гей, Орфей, тебя, беднягу,
Не докличешься никак!
Не задай ты с горя тягу,
Пригодился мне б, казак!
Не твоя ли повсеместно
Кобза чудная известна?
До чего ж она звонка!
Забренчишь на ней в отваге —
Тут и горы, и овраги
Затанцуют гопака.

Удосужься с неба глянуть,
Кобзой ссуди своей.
Чтобы мог я песню грянуть
Песню дивную на ней,
С Новым годом я поздравлю,
Пана доброго прославлю
Полным голосом тотчас.
Он, хоть паном быть умеет,
Живота не пожалеет,
Как отец родной для нас.

Алексей, мою рацею
Слушай — о тебе в ней речь!
Коль собьюсь и оробею —
Можешь ты меня распечь.
Муз призвать я не решаюсь:
Я ведь с ними не якшаюсь,
Понаслышке знаю их.
Музы, вишь, и те вспотеют,

Прежде чем воспеть успеют
Половину дел твоих.

Утаю, что всем на диво
Лентами украшен ты,
Что жупан твой горделиво
Покрывают сплошь кресты,
Да и звезды облепили —
Очи блеском ослепили,
Точно солнце в ясный день;
Что награда льнет к награде
И что ключ прицеплен сзади —
Тоже ведь не дребедень!

Не Черниговом с Полтавой
Это все тебе дано.
В Петербурге доброй славой
Заручился ты давно.
Не валялся, знать, за печкой,
Если так шагнул далечко.
Царь и сам, должно быть, рад:
Ты ему хлопот убавил,
Шею под ярмо подставил,
И пошли дела на лад.

Ты потеешь дни и ночи,
Впору доброму волу,
Тянешь лямку что есть мочи,
И за то прими хвалу!
Рад сказать я правду-матку,
Что крутенькую загадку
Нашим задал ты панам:
Не чинить вреда друг дружке,
Да чтоб ушки на макушке
Все держали — учишь сам.

Я вовеки не забуду:
Как-то раз к тебе пришел
И — мой боже! — сколько люду
Всякого я здесь нашел!
В сени, в хату многовато
Нашего набилось брата.

А попов, евреев — страх!
Для купечества и панства
Не хватает и пространства,
Как на ярмарке в Ромнах!

Не бездельников ватага —
Все по делу были тут,
И у каждого бумага —
Целый лист или лоскут.
Кто челом бил на соседа,
Кто — на пана-людоеда,
Кто и вовсе на судью,
Что за сахар, за деньжата
Сотворил свой суд предвзято,
По миру пустил семью.

И на тех панов, подавно,
Что по воле злой своей
Не дают самоуправно
Казакам пахать полей, —
Тех, что, падки до поживы,
Их луга, покосы, нивы
Норовят прибрать к рукам.
Суд в законы не вникает,
Только панству потакает,
Поживиться рад и сам.

Не прогневайся сурово,
Алексей, за эту речь.
Про твою писáрню слово
Я не побоюсь изречь.
Там бывать и мне случалось...
Боже, сколько там болталось
За столами писарей!
Там бумажек тучи, тучи!
Писарей же кучи, кучи!
Как в Петровку косарей.

Настрочат — и глянуть нужно:
Так оно или не так?
Поработаешь натужно,
Чтобы не попасть впросак!

Тоже надобно сноровку —
Взять бумажки на шнуровку,
Подвести их под закон.
Тут борщу покушать с толком,
Да вздремнуть бы тихомолком...
Нет! Прощай еда и сон.

Чтоб жена и сын, и дочки —
Каждый был обут, одет, —
У тебя ни дня, ни ночки
Для такой заботы нет.
О другой супруге ныне,
И о дочках, и о сыне
Ты печешься в свой черед:
У тебя жена — Полтава,
Сын — Чернигов, честь и слава —
Дочки, — вот и весь твой род.

Как чернец, теперь отрекся
Ты от своего двора
И бумажками увлекся,
А домой и не пора.
Что тебе до той Полтавы?
Ты и так добился славы, —
Славы, да еще какой!
Притоптались ноги малость!
Чтобы сбросить с плеч усталость,
Отправляйся на покой.

Топотню оставь другому.
Панство тоже сдай ему.
Порадей под старость дому.
У тебя ведь рай в дому.
Вот бы с нежностью сыновней,
Иль еще того любовней
На тебя глядели тут!
Вся семья — таить не надо —
Здесь тебе, как богу, рада.
Все тебя, как бога, ждут.

Только вижу сам, что сдуру
Я давал такой совет.

Беспокойную натуру
Ты потащишь на тот свет,
И, доколе хватит силы,
Так и будешь до могилы
Ты работать на других.
Как тут быть? Одна зазноба
Суждена тебе до гроба —
Слава! Ты ее жених.

Ну а если впрямь единой
Славой только и живешь,
То не жди своей кончины:
Ты вовеки не умрешь!
Не поповское блеянье
Посулит за все деянья
Память вечную тебе.
Для чего гнусавить требу,
Если ты и сам до неба
Создал память о себе?

Не забыть и в малой доле
Бескорыстного добра,
Что творишь по доброй воле,
А не ради серебра.
Помнят вдовы и сироты
Многие твои щедроты.
Сколько слез ты им утер!
Сколько ты людей из грязи
Вытащил, да прямо в князи
Вывел, всем наперекор.

Не умрет — хоть побожиться! —
Слава добрая твоя.
Ведь от века не ложится
Слава с телом в гроб ничья.
Хоть и смерть к тебе прискачет,
Славы в землю не упрячет.
Загудит она, что гром.
Тут возьмет и правда силу,
На твою придет могилу
И черкнет на ней пером:

«Здесь попы нам сотворили
Диво, чудо из чудес.
В землю мертвеца зарыли,
А мертвец-то и воскрес.
Хоть надежно зарывали,
Во весь голос распевали
Память вечную, теснясь,
Огляделись горемыки —
Жив работник наш великий,
Алексей Куракин, князь».

А поколе чудом этим
Ты людей не удивил,
Утешай нас долголетьем,
Как святой Мафусаил.
Будь здоров — и с Новым годом!
Поначальствуй над народом,
Паном и отцом побудь
Хоть немного! Если б дольше —
Мы б возрадовались больше.
И на том не обессудь!

Конец 1804

ОДА САФО

Счастли́в, кто близ тебя и о тебе вздыхает!
Кто сладостью твоих пленяется речей;
Кого приветствуешь улыбкою своей!
Бессмертных тот богов в блаженстве превышает.

Увижу лишь тебя, жар в теле ощущаю,
Палящий льется огнь по жилам всем моим;
Душа смущается, предавшись чувствам сим,
Язык немеет мой, и слова дар теряю.

Темнеет свет в глазах, слух ничему не внемлет,
Пот хладный на челе, бледнею — чуть дышу;
В смятении страшусь, в беспамятстве дрожу,
И представляется, что смерть меня объемлет.

ПЬЕСЫ

НАТАЛКА ПОЛТАВКА

Опера малороссийская в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Возный Тетерваковский.
Горпина Терпилиха — вдова-старуха.
Наталка — дочь ее.
Петро — любовник Наталки.
Микола — дальний родственник Терпилихи.
Макогоненко — выборный села.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Театр представляет село при реке Ворскле. Чрез сцену — улица малороссийских хат, к реке ведущая, и в сей улице хата Терпилихи.

ЯВЛЕНИЕ 1

Наталка *(выходит из хаты с ведрами на коромысле, подойдя к реке, ставит ведра на берегу, подходит на край сцены в задумчивости и поет).*

Веют ветры, веют буйны, и деревья гнутся.
Ой, как стонет мое сердце, а слезы не льются!..

Без конца теперь терплю я горе-неудачу,
Лишь тогда мне легче станет, как тайком поплачу.
Не помогут слезы горю, — сердцу ж легче будет.
Кто счастливым был часочек, долго не забудет.

Есть же люди, что и этой завидуют доле.
Разве счастлива былинка, что поднялась в поле?
Без росы она на солнце клонит стебель тонкий,
Без любимого жить тяжко и в родной сторонке.

Где ты, милый, чернобровый? Всё тебя зову я...
Погляди, как я страдаю, без тебя тоскую...
Полетела бы к тебе я, да куда — не знаю.
Посмотри, как без тебя я с горя иссыхаю...

Кто теперь меня обнимет, кто здесь приголубит,
Если нет того со мною, кто меня так любит?

Ах, Петро, Петро! Где ты теперь? Может, скитаешься в нужде да горе и проклинаешь свою долю, проклинаешь Наталку за то, что пристанища из-за нее лишился? А может... *(плачет)* позабыл, что я живу на свете! Ты был беден, любил меня и много горя за то принял, и должен был меня оставить; я тебя любила и теперь люблю. Мы теперь ровни с тобою; я стала такой же бедной, как и ты. Вернись же ко мне! Пусть поглядят на тебя хоть разочек мои очи, а потом и закроются навсегда...

ЯВЛЕНИЕ 2

Наталка и Возный.

Возный. Благоденственного и мирного пребывания! *(В сторону)* Удобная оказия предстала сделать ей предложение наедине!

Наталка *(кланяясь)*. Добрый день, добродию пане возный!

Возный. Добродию!.. Добродию!.. Я хотел бы, чтобы ты звала меня — как его, того-сего — не вышеупомянутым имярек.

Наталка. А я зову так, как все наше село вас величает, уважая вашу ученость и ум.

Возный. Да не о том, милушечка, — как его, того-сего — я хлопочу. Но желаю из медовых уст твоих умилительное название, сообразное чувствам моим, услышать. Вот послушай!

От юных лет не знал я любови,
Не ощущал возжжения крови,
Как вдруг предстал Наталки лик ясный,
Как райский крин — душистый, прекрасный.

Изъ собранія рукописей А. Терещенко

№ 1

Полтавка

1863/933

Опера Малороссійская

Въ 2х дѣйствіяхъ

33347

Дѣйствующія Лица.

Возный – тетерваковскій

Горпина Терпилиха вдова старуха.

Наталка – дочь ея

Петро – лѣбовникъ Наталки.

Микола – дальный родственникъ Терпилиха

Макогоненко – выборный села.

Утробу всю потряс...
Кровь взволновалась,
Душа смешалась, —
Настал мой час!

Настал мой час, и сердце всё стонет!
Как камень, дух в пучине зол тонет.
Безмерно — ах! — люблю тя, девицу,
Как жадный волк младую ягницу.

Твой предвещает зрак
Мне жизнь дражайшу,
Для чувств сладчайшу,
Как с медом мак.

Противно думать мне о «разделе»,
Иски, суды страх надоели.
Несносен мне весь синклит бумажный,
Противен так же чин мой преважный.

Утеху ты подай
Душе смятенной,
И драгоценный
Дай сердцу рай!

Не в состоянии поставить тебе на вид всей силы любви моей!.. Когда бы я имел — как его, того-сего — столько языков, сколько артикулов в Статуте или запятых в Магдебургском праве, то и их недостало бы для восхваления красоты твоей! Ей-ей, люблю тебя... до бесконечности.

Наталка. Бог с вами, добродию!.. Что вы говорите... Я речей ваших никак в толк не возьму.

Возный. Лукавишь — как его, того-сего — пташечка моя! Прекрасно все понимаешь. Ну, коли так — скажу кратко: люблю тебя и хочу на тебе жениться!

Наталка. Грех вам над бедной девушкой смеяться. Разве я вам ровня? Вы пан, а я сирота. Вы богатый, а я бедная. Вы возный, а я простого рода. Да и по всему я вам не пара.

Возный. Изложенные в ответных речах твоих резоны — как его, того-сего — для любови ничтожны... Серд-

це, часто реченною любовью уязвленное, по всем законам, божеским и человеческим, не взирает ни на породу, ни на лета, ни на состояние. Оная любовь — как его, того-сего — все к равенству приводит. Рцы одно лишь слово: «Люблю вас, пане возный!» — и аз, вышеупомянутый, готов принести присягу о верном и вечном союзе с тобою.

Наталка. Есть у нас пословица: знайся конь с конем, а вол с волом. Ищите себе, добродию, в городе паночку. Мало ли там судейских, чиновничьих и поповских дочек? Любую выбирайте! Вот пройдите в воскресенье или в другой праздник по Полтаве, — так увидите таких красоток, таких красоток, что и рассказать нельзя!..

Возный. Много я видел и лепообразных, и богатых. Но сердце мое — как его, того-сего — не имеет к ним поползновения. Ты одна возбудила иск к нему на вечные времена, и душа моя ежечасно взывает к тебе, и даже в неположенный к тому час.

Наталка. Воля ваша, добродию, а вы так образованно говорите, что я ничего и понять не могу. Да и не верю, что так скоро и горячо можно было бы влюбиться...

Возный. Не веришь? Так знай же, что я тебя давно уже — как его, того-сего — полюбил! Как только вы с матерью у нас на селе жить стали. Околичности дел моих, возникающие из неудобных обстоятельств, удерживали меня от признания. Теперь же читаю — как его, того-сего — благорасположение в очах твоих. До формального определения участи моей объяви мне в обусловленные сроки частную резолюцию: могу ли я — как его, того-сего — без отсрочек, волокиты, проторей и убытков получить в вечное и потомственное владение тебя — движимое и недвижимое имущество души моей — с правом владеть тобою спокойно, беспрекословно и по своей воле — как его, того-сего — распоряжаться? Скажи, говори, отвечай, ответствуй! Могу ли быть — как его, того-сего — мужем пристойным и угодным душе твоей и телу?

Наталка *(поет)*.

Перед вами путь-дорога в славную Полтаву,
Не вводите ж сироту вы в недобрую славу!

Я проста и небогата, но честного роду.
Не стыжусь и прясть, и шить я, и ношу я воду.
Вы ученый, вам бы знаться с панскою семьею!
Как же можно вам венчаться с девушкой простою?

Есть немало горожанок — хороша любая.
Вы — пан возный, не нужна вам девушка простая!

(По окончании пения говорит) Вот, добродию пане возный! Не смейтесь надо мною, сиротой беззащитной! Одно только и есть у меня богатство — доброе имя. Из-за вас люди станут обо мне шептаться. А для девушки, коль о ней люди начнут что недоброе говорить...

Музыка начинает играть прелюдию. Наталка задумывается, а Возный рассуждает и смешные показывает мины на лице.

ЯВЛЕНИЕ 3

Наталка и Возный. И после Выборный, показавшись на сцену, поет.

Дед рыжий, бабка рыжа,
Батька рыжий, мамка рыжа,
Дядька рыжий, тетка рыжа,
Брат рыжий, сестра рыжа,
Сам я рыжий, с рыжей жил,
Рыжий рыжую любил.

Ой, к шиночку утром рано
В понедельник сполупьяна
Новобранцы выходили,
Речь с шинкаркой заводили:
— Где, шинкарка, твой товар?
— Еду, братцы, на базар!

Шли три ляха на три шляха,
А татары на четыре,
Шведы в поле тоже были.
А казак лишь замахнулся —
Лях, татарин содрогнулся,
Швед совсем в дугу согнулся...

По мере приближения Выборного к оркестру, Наталка подходит к ведрам, берет их и уходит домой.

Возный. Что это, никак — того-сего — новая песня, пане выборный?

Выборный. Да это не песня, добродию *(кланяется)*, а так, ни то ни се. Пою иногда, что в голову придет. Извините, пожалуйста, не заметил вас.

Возный. Ничего, ничего... Откуда? Не из гостей ли идете? — как его, того-сего?

Выборный. Из дому иду. Гостя провожал: заезжал ко мне наш заседатель, пан Щипавка. Так уж, знаете, не без того — выпили по одной, по другой, по третьей, студнем да колбасой закусили, да вишневки кварту раздавили. Как говорится, и подкрепились...

Возный. А что, пан Щипавка не рассказывал ли чего нового?

Выборный. Где там не рассказывал! Жаловался очень, что всему земству теперь туго приходится. Так что не только заседателям, а и самому комиссару совсем уж не то, что прежде было. Такая, говорит, напасть, что совсем трудно служить стало. То, говорит, что раньше даром доставалось, либо выпрашивать надо, либо покупать.

Возный. Ох, правда, правда! Даже в уездном суде и во всех присутственных местах уныние воспоследовало. Малейшая проволочка или там прижимочка просителю, как раньше водилось, почитается за уголовное преступление! Любую взяточку, сиречь — вынужденный подарочек, очень искусно у истца или у ответчика канючить приходится. Да что и говорить! Теперь и при рекрутских наборах совсем не тот порядок ведется... Трудно становится жить на свете!

Выборный. Зато нам, простому народу, бу́дет легче, если начальство станет богобоязненным и справедливым и не даст больше писарским пьявкам кровь из нас высасывать. Да куда же вы, добродию, снарядились?

Возный. Намеревался я — как его, того-сего — посетить вдовствующую дьяконицу, да увидевши тут Наталку... *(вздыхает)* остановился с ней побеседовать.

Выборный *(лукаво)*. Наталку? А где же *(осматривается)* она?

Возный. Может, домой пошла.

Выборный. Золото, а не девка! Наградил же бог Терпилиху дочкою! Мало того, что красива, умна, ловка и ко всякому делу способна, — сердце у нее очень доброе. Как она уважает мать свою, как почитает старших! А уж такая работящая, такая рукодельница, — и себя и мать своими трудами содержит!

Возный. Нечего сказать, — как его, того-сего — хороша, хороша! И уже в таком возрасте...

Выборный. Да уж давно пора бы... Только вот — сирота, за душой ничего нет. Никто на нее и не зарится.

Возный. Однако слышал я, что сватались к Наталке женихи. И весьма достойные! Например, Тахтауловский дьячок, знаменитый басом своим; он изучил вермолой и даже печерско-лаврский распев знает. Другой — как его, того-сего — волостной писарь из Осмачек — человек не бедный и службу свою беспорочно продолжающий вот уже год почти. Третий — подканцелярист из суда, по имени Скоробрех. И многие другие. Но Наталка...

Выборный. Что, отказала? И хорошо сделала. Тахтауловский дьячок горилки много пьет и уже с голосу спадать начал. А волостной писарь и подканцелярист Скоробрех, как сказывают, оба вертопрахи и голодранцы, ваша милость. Наталке же нужно не грамотея, а хозяина хорошего, чтобы умел хлеб сеять и жену с матерью кормил да поил.

Возный. Почему же ей грамотея не надо? Наука — как его, того-сего — в лес не заведет. Образованность не есть преткновение или помеха ко вступлению в законный брак. Скажу о себе: правда я — как его, того-сего — образование имею, но по благости всевышнего при этом еще и человек. А по милости дворян — возный! Хотя живу и не так, как люди, но все же рядом с людьми. И денежки водятся, и копейка про черный день в запасе есть. Признаюсь тебе по-приятельски: будет чем и жену и еще кого-нибудь — как его, того-сего — кормить и одевать.

Выборный. Так почему бы вам не жениться? Пора бы уже, кажется. Или вы в монахи постричься хотите? Иль, может, суженой на примете еще нет? Не хоти-

те ли, чтобы про вас на свадьбе такую одну песенку спели? Вот, слушайте! *(Выборный поет)*

Ой, под вишнею, под черешнею
Стоял старый с молодою, сладкой ягодкою. (2).

И просила она, и молила она:
— Отпусти же меня, дедко, на улицу погулять!
— Я и сам не пойду, и тебя не пущу.
Хочешь ты меня оставить, мужа старого. (2)

Не кидай меня ты, моя голубонька!
Куплю тебе хатку, полянку, да грядку,
И прудок, и лужок, и вишневый садок.
— Не хочу я хатки, не надо мне грядки,
Ни прудка, ни лужка, ни вишневого садка. (2)

Старый хрыч с бородою, изогнулся дугою,
А я молоденька, гулять я раденька. . .

Возный. Коли другим нос натянули, то и мы остерегаемся. Наталка многим женихам печеного кабака поднесла. Глядя на сие, я и себе на уме.

Выборный. А вам-то что за дело до Наталки? Будто все девки на нее похожи? Не только света, что в оконце: много этого добра на свете! Да от такого пана, как вы, у любой поджилки задрожат.

Возный *(в сторону)*. Признаюсь ему в моей любви к Наталке! Послушай, пане выборный! Что скрывать — как его, того-сего — я люблю Наталку всей душою, всеми помыслами и всем сердцем своим. Жить без нее не могу. Ее лик — как его, того-сего — со мною повсюду. Как ты думаешь? Как советуешь поступить мне в сем положении?

Выборный. А что тут долго думать! Послать сватов за рушниками — и делу конец! Старая Терпилиха с ума еще не спятила, чтобы вам отказать.

Возный. Ох-ох-ох! Со старухой-то просто, да вот молодая нос задирает!.. Я уже с ней говорил как полагается. Намеки — как его, того-сего — подавал. Так нет, куда там!..

Выборный. Что же она говорит? Чем отговаривается?

Возный. Она излагает доводы — как его, того-сего — нерезонные: приводит примеры знакомства вола с волом и коня с конем; называет себя сиротою, а меня паном. Себя бедною, а меня богатым. Себя простою — как его, того-сего — а меня возным. И решительный приговор учинила, что я ей, а она мне — не ровня, — как его, того-сего.

Выборный. А вы ей что?

Возный. Я ей пояснил, что любовь все равняет.

Выборный. А она вам что?

Возный. Что мне пристойнее жениться на панночке, а не на простой крестьянке.

Выборный. А вы ей что?

Возный. Что она — как его, того-сего — единая моя госпожа.

Выборный. А она вам что?

Возный. Что она не верит, чтобы можно было — как его, того-сего — так сильно полюбить.

Выборный. А вы ей что?

Возный. Что я ее давно уже люблю.

Выборный. А она вам что?

Возный. Чтоб я отвязался от нее.

Выборный. А вы ей что?

Возный *(с жаром)*. Что? Ничего!.. Черт тебя сюда принес — как его, того-сего — Наталка убежала, а я с тобой остался.

Выборный. Эх вы, грамотеи! В гору лезете, а под носом у себя ничего не видите! Наталка обманывала вас, когда говорила, что вы ей не ровня. Не то у нее на сердце.

Возный. Не то? А что же?

Выборный. А вот что: другого любит! Вы, может, слышали: когда жили они в Полтаве и покойный Терпило еще жив был, взял он к себе в приемыши некоего Петра, сироту. Хлопец вырос на славу — крепкий, ладный, проворный, работящий. Был он старше Наталки года на три или четыре. С нею вместе воспитывался и рос. Терпило и Терпилиха любили своего воспитанника, как сына родного. Да и было за что. Он и Наталка жили, как брат с сестрой. Да Терпило, понадеявшись на свой достаток, стал заводить знакомства с людьми познатней да побогаче. Начал, видишь ли, устраивать пи-

рушки с повытчиками, канцеляристами, купцами и разными ремесленниками — пил, гулял, деньгами сорил. Промысел свой оставил, имущество понемногу промотал, пьянствовать начал. Стал ворчать на Петра из-за Наталки и выгнал его из своего дома. А как не стало у него хорошего работника, вконец разорился. И умер Терпило в бедности, оставив жену и дочку без куска хлеба.

Возный. Как же случилось — как его, того-сего — что Терпилиха очутилась в нашем селе?

Выборный. У Терпилихи в городе, на Мазуровке, была добрая усадьба с рубленой хаткой, амбаром, погребом, садом. Терпилиха после смерти старика все это продала, перешла в наше село, купила себе хатку и теперь живет здесь, как видите.

Возный. А вышеназванный — как его, того-сего — Петро, он где обретается?

Выборный. Бог его знает! Как ушел со двора — будто в воду канул: и слуха нет. Наталка без ума его любит, из-за него всем женихам отказывает. Да и Терпилиха без слез о Петре не может вспомнить...

Возный. Нет в Наталке благоразумия: любить такого человека, от которого — как его, того-сего — может, и костей не осталось. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Выборный. Или, как один грек сказывал: «Лучше живой хорунжий, чем мертвый сотник». А я все-таки думаю, кабы добрый человек нашелся, то Наталка вышла бы замуж, потому что они с матерью так бедно живут, что невмоготу становится.

Возный. Друг любезный! Предприми перед Наталкой и ее матерью хождение по моему сердечному делу. Если выиграешь — как его, того-сего — любовное ко мне Наталки расположение и убедишь ее доводами сильными, чтобы до брачного ложа на законном основании довести, то я для тебя — как его, того-сего — ничего не пожалею. Верь — без дани, без пошлины кому хочешь иск предъявлю и контроверсии сочиню. Божусь в том: ей-же-ей!

Выборный *(немного подумав)*. Ну что ж! Спрос не беда. Ничего плохого в этом нет. Только Наталка-то не промах. Ох, и умная, и догадливая девка!

Возный. А ты попробуй! Ты сумеешь — как его, того-сего — извернуться. И хитро, и умно, и без лишних затрат. А коли что, то и приврать немного можно — для пользы дела.

Выборный. Приврать? Ну нет, спасибо! Врать и обманывать — перед богом грех, да и перед людьми совестно.

Возный. Эх ты, простота! Кто же теперь — как его, того-сего — не врет, кто не обманывает? Полагаю, если бы здесь собралось много народу, а с неба вдруг ангел с огненной розгой слетел и воскликнул: «А ну, лгуны и обманщики, прячьтесь, не то плохо вам будет!» — ей-богу, все по земле поползли бы — потому что совесть нечиста. Блаженна ложь, когда она на пользу ближних. Да беда-то в том, что — как его, того-сего — часто лжем мы или выгоды своей ради, или для погубления других.

Выборный. Оно так, конечно... Все люди грешны. Однако...

Возный. Что, «однако»? Все грешны, да еще как!.. И каждый другого обманывает, как вздумает. Тут, как ни верти, круговая порука. Слушай!

У всякого города нрав и права,
Всякая ум свой хранит голова.
Всякий по прихоти важен и горд,
Всякого манит к наживе свой черт. } (2)

Лев раздирает волка в куски,
Волк же хватает козла за виски.
Влезть в огороды козел норовит,
Каждый берет то, что плохо лежит. } (2)

Всякий, кто выше, тот низшего гнет,
Сильный бессильного давит и жмет.
Бедный богатому верный слуга,
Корчится, гнется пред ним, как дуга. } (2)

Тот, кто не смажет, тот возом скрипит,
Кто не словчится, тот сзади сидит.
Каждому ложка без масла суха.
Кто же на свете живет без греха! } (2)

Выборный. Так-то оно так! Только большим грешникам это часто с рук сходит, а маленьким такую взбучку задают, что до старости памятно будет. Ну, ладно, пане возный, я вас уважу. Пойду к старухе Терпилихе. Кто знает — может, что и выйдет. Может, и с удачей будем, коли ваша доля счастливая.

Возный и Выборный.

Ой, доля людская, доля ты слепая,
Часто служишь злым, нечестным всегда помогаешь. (2)

Добрый горе терпит, по земле толчется,
И всё невпопад выходит, за что ни возьмется. (2)

Ты с одним лукава, к другому добра ты,
Другой живет, как сыр в масле, не зная утраты. (2)

Без разума люди могут жить прекрасно,
А с разумом да в несчастье тратят век напрасно. (2)

Ох, доля, зачем ты так несправедлива:
К одним — благосклонна, с другими — спесива.

(По окончании пения уходят.)

Сцена переменяется и представляет внутренность хаты Терпилихи.

ЯВЛЕНИЕ 4

Терпилиха прядет, Наталка шьет.

Терпилиха. Опять ты запечалилась, Наталка! Опять ты о чем-то задумалась?..

Наталка. Из ума нейдет у меня наше горькое житье.

Терпилиха. Что же поделаешь? Вот уже три года, как мы по бедности продали свой домик на Мазуровке, покинули Полтаву и перешли сюда жить. Покойный твой отец довел нас до этого.

Наталка. Ох, мама!.. Так, видно, ему на роду было написано: жить богатым до старости, а умереть в нищете. Чем же он виноват?

Терпилиха. Лучше было бы мне умереть! Не терпела бы такой беды. И все из-за твоего упрямства!

Наталка *(оставляя работу)*. Из-за моего упрямства вы беду терпите? Мама!

Терпилиха. А как же? Сколько хороших людей сваталось — и умных, и зажиточных, и честных, а ты всем отказывала. Скажи, на что же ты надеешься?

Наталка. На бога надеюсь. Лучше мне в девках поседеть, чем идти за тех женихов, что ко мне сватались!.. Нечего сказать — хорошие люди!

Терпилиха. А почему и нет? Дьячок Тахтаулов-ский чем не жених? Он и грамотный, и умный, и копейка у него водится. А волостной писарь и подканцелярист Скоробрешенко? Чем они не люди? Кого же ты думаешь дождаться — может, пана какого-нибудь или губернского панича? Лучше всего, выходила бы за дьячка — был бы верный кусок хлеба. Сначала была бы дьячихой, а там, глядишь, и попадьей!

Наталка. Хотя бы и протопопшей, — бог с ними! Пускай все они будут умными, богатыми и более ученными, чем наш возный, а что делать, коли сердце мое к ним не лежит и все они мне противны!.. Да пропади они пропадом, эти грамотеи!

Терпилиха. Знаю, чем они тебе не по сердцу. Петро у тебя из головы не выходит! О глупостях ты думаешь. Четыре года от него ни слуху ни духу.

Наталка. Ну и что ж! Ведь и он ничего о нас не знает, а мы живы. Так и он жив, так и он о нас помнит, да боится вернуться.

Терпилиха. А ты забыла, как покойный отец твой напоследок невзлюбил Петра? Умирая, он не дал своего благословения на твое с ним замужество. Так и моего тебе не будет.

Наталка *(подбегает к матери, схватывает ее руку и поет)*.

Ой, ма́ма, мама, сердце путь свой знает:
Кого раз полюбит, с тем и умирает. (2)

Лучше умереть мне, чем жить за немилым,
Лить всё время слезы, сохнуть до могилы. (2)

Бедность ли, богатство — на всё божья воля,
Разделить их с милым — счастливая доля! (2)

Разве тебе, мама, не дочь я родная,
Тебе ль непонятна моя доля злая?

Моего ли горя ты не понимаешь?
Что же за чужого идти заставляешь?..

(Пропевши, говорит) Ой, мама, мама! Не губи ты дочки своей! *(Плачет.)*

Терпилиха *(с чувством)*. Опомнись, Наталка! Ты ведь у меня одна, ты — кровь моя. Разве я захочу тебя погубить? Бедность моя да старость заставляют меня поскорее тебя замуж выдать. Не плачь! Не враг я тебе. Правда, Петро хороший парубок, да где же он? Пускай придет, вернется к нам. Он не лежебока, работать он любит. С ним до нищеты мы не дойдем. Только все же... Кто его знает — может, пропал где, а может, на другой женился и забыл тебя. Теперь так бывает, что одну будто любит, а о другой думает.

Наталка. Петро не такой: сердце мое за него ручается. И оно подсказывает мне, что он к нам вернется. Если бы он знал, в какой мы бедности живем, он с края света прилетел бы, чтобы нам помочь.

Терпилиха. Не очень-то доверяй своему сердцу! Вещун-то этот часто обманывает. Приглядись, как теперь все на свете делается, да так же и о Петре думай. А лучше всего было бы, если бы ты была мне покорной да меня слушала.

Разве тебе, дочка, добра не желаю,
Если кого зятем сама выбираю?

Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?

Где Петро твой ходит? Может, он женился,
Может, он с тобою навеки простился?

Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?

Стары мои годы, живу через силу,
Петра не дождавшись, сойду я в могилу.

Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?

Тебя ж без приюта, с горькою нуждою
На кого оставлю бедной сиротою?

Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?

Ты к тому ведешь, чтоб не довелось мне видеть тебя замужем. Чтобы из-за твоего упрямства я и своего века не дожила... Бедность наша, слезы и твоя разборчивость в гроб меня уложат. *(Плачет.)*

Наталка. Не плачьте, мама! Я покоряюсь воле вашей. За первого жениха, вам угодного, замуж пойду. Перенесу свое горе... Забуду Петра... И никогда плакать больше не стану.

Терпилиха. Наталка, доченька моя! Ты все для меня на свете! Прошу тебя, выкинь Петра из головы! Будешь ты еще счастливой. Никак кто-то прошел мимо окна? Не к нам ли? *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Наталка *(одна)*. Трудно, мама, выкинуть Петра из головы, а еще труднее из сердца! Да что делать!.. Дала слово за первого жениха выйти замуж. Все надо перенести, чтобы мать была спокойна. Скреплю сердце свое, перестану грустить, осушу слезы свои... Веселою буду. Женихи, которым я отказала, в другой раз не привяжутся. Возному я так отрезала, что он приставать ко мне не захочет. Больше как будто и нет никого на примете. А там... Ох! Сердце мое щемит отчего-то... *(Приметя приближение к двери, садится за работу.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Наталка, Терпилиха и Выборный.

Выборный. Помогай бог, Наталка! Как себя чувствуешь, как поживаешь?

Наталка. Ох, живем и маемся, как горох при дороге: кто ни пройдет, тот и щипнет.

Терпилиха. Нас, бедных и беспомощных, как согнутое деревцо, всякая коза гложет.

Выборный. Кто же виноват в этом, старушка? Выдала бы дочку замуж, вот и было бы кому за вас заступиться.

Терпилиха. Я этого только и хочу. Да вот...

Выборный. А что такое? Может, женихов нет, или еще что? А может, Наталка...

Терпилиха. В том-то и горе. Сколько ни сватались — и хорошие люди — она все одно: не хочу да не хочу!

Выборный. Удивительно мне и странно, что Наталка так говорит. Никак уж этого от нее не ожидал.

Наталка. Это вам так кажется. Никто не ведает, кто как обедает...

Терпилиха. Вот она всегда так: поговорками да отговорками и вывертывается. А как добавит еще охов да слез — у меня и руки опустятся.

Выборный. Пора бы тебе, Наталка, за ум взяться! Ты уже девка, а не дитя малое! Кого ты дожидаешься? Не из города ли такие причуды принесла? Ну, там-то панночки друг перед другом чванятся и женихами брезгуют: тот некрасивый, тот небогатый, тот неловкий. Один слишком смирный, другой чересчур бойкий. Тот курносый, тот носатый. Зачем не военный? А если и военный, то почему не гусар? Так перебирая, досидятся до того, что потом на них никто и не взглянет.

Наталка. Не равняйте меня, пане выборный, с горожанками. Я не привередничаю и женихов не перебираю. Вы знаете, кто за меня сватался. Что же вы хотите меня с моста в воду спихнуть?

Выборный. Правда, замуж выйти — не дождик переждать. Все же, думается мне, если бы человек надежный попался, то не след — ради себя, ради матери — ему отказывать. Вы люди небогатые...

Терпилиха. Небогатые!.. Такая бедность, такая нищета, что я не знаю, как дальше и на свете жить!..

Наталка. Мама! Бог нас не оставит. Есть и беднее нас, а живут же...

Терпилиха. Верно, что живут. Но жизнь-то какая у них?

Наталка. Кто живет честно, трудами рук своих

кормится, тому кусок черствого хлеба слаще мягкой булки, неправедными трудами нажитой...

Терпилиха. Говори, говори! А в старости-то горько терпеть нужду и во всем недостаток... *(К Выборному)* Хоть не годится своей дочкой хвалиться, но скажу вам, что она у меня хорошая девушка: она обещала мне за первого жениха замуж выйти, только был бы хорошим человеком.

Выборный. О Наталкином уме и добром сердце нечего и говорить — все матери ее своим дочкам в пример ставят. Только от правды не уйдешь: без приданого трудно сейчас бедной девушке замуж выйти; хоть будь она мудрее царя Соломона и красивее прекрасного Иосифа, а до седых волос может в девках засидеться.

Терпилиха. Наталка! Слышишь, что люди-то говорят? Пеняй после на себя, а не на кого другого!

Наталка *(вздыхает)*. Я и так горе терплю...

Выборный. Можно вашему горю пособить. *(Лукаво)* Есть у меня на примете человек и степенный, и богатый, и Наталка очень ему по душе пришлась.

Наталка *(в сторону)*. Ой, беда мне!..

Терпилиха. Шутите, пане выборный!

Выборный. Зачем шутить? Знаю хорошего жениха для Наталки. А коли правду сказать, то я и пришел от него поговорить с вами, пани Терпилиха.

Наталка *(с нетерпением)*. А кто он такой, этот жених?

Выборный. Наш возный, Тетерваковский. Вы его знаете... Чем не жених!

Наталка. Возный! Да разве он мне ровня? Смеетесь вы надо мной, пане выборный!

Терпилиха. А я так привыкла к своей недоле, что боюсь и поверить, что это правда.

Выборный. С какой же стати мне вас обманывать? Возный полюбил Наталку и хочет жениться на ней. Никакого тут дива нет! Ну, скажите скорее, что вы об этом думаете?

Терпилиха. Я-то всей душой такому зятю рада.

Выборный. А ты, Наталка?

Наталка. Побойтесь вы бога, пане выборный! Мне страшно и подумать, что такой пан — грамотный,

разумный, степенный — вздумал на мне жениться... Скажите мне сначала, для чего люди женятся?

Выборный. Для чего? Для того... А ты будто и не знаешь?..

Наталка. Думается мне: для того чтобы завести хозяйство, семью, жить дружно, в любви до самой смерти, быть верными и во всем помогать друг другу. А разве пан, который женится на простой девушке, будет ей верным другом до самой смерти? Он все будет думать, что выручил ее из бедности, вывел в люди и что она ему не ровня. Он станет глядеть на нее с презрением и обходиться с нею без всякого уважения. Жена для такого пана хуже наймички! Вроде как крепостная...

Терпилиха. Ну вот! Всякий раз она так занесется, что потом и не справиться с нею! Коли на то пошло, я скажу: если бы не приемыш наш Петро, и Наталка была бы как шелковая!..

Выборный. Петро?.. Да где же он? Сколько уж лет, как он пропал?

Терпилиха. Да года чуть ли не четыре.

Выборный. Ну, Наталка совсем с ума спятила, если любит запропастившегося Петра! А ты еще говоришь, что она хорошая девка? Как же так, если она видит, как ее родная мать на старости в бедности, всегда с заплаканными глазами, чуть не умирает от голода, и не сжалится над нею? И ради кого? Ради бродяги, голяка, который теперь, может, в остроге сидит, или умер, или в солдаты завербовался!..

В продолжение сего монолога мать и дочь плачут.

Выборный.

Эй, Наталка, не противься!.. (2)

Терпилиха.

Пожалей родную
Мать свою седую...
Согласися!..

Наталка.

Не плачь, мама, не журися!.. (2)

Выборный.

Забудь, бога ради,
О Петре бродяге!
Покорися...

Терпилиха.

Будь же, дочка, мне послушна...

Наталка.

Тебе покоряюсь,
На все соглашаюсь
Прямодушно...

Все трое.

Где дружба в семействе, где мир и тишина,
Там счастливы люди, блаженна сторона.

Их бог благословляет,
Добро им посылает,
На долги времена!

Терпилиха. Доченька моя! Голубка моя! Прижмись к моему сердцу — покорность твоя придаст мне жизни и здоровья. За твою любовь, за уважение ко мне бог тебя не оставит, мое дитятко!

Наталка. Мама, мама! Все для тебя стерплю, все для тебя сделаю, и коли бог поможет мне осушить твои слезы, то я всех счастливее буду на свете! Только...

Выборный. А все-таки «только»... Куда ни кинь, все клин! Выкинь-ка дурь из головы! Завей горе веревочкой, молчи и дыши!

Терпилиха. Верно, дочка! Если и взбредет тебе какой-нибудь вздор на ум, вспомни, для кого и для чего выходишь замуж за пана возного.

Наталка. Да уж я сказала: все для тебя сделаю! Только чтобы не спешили со свадьбою!..

Выборный. А зачем ее откладывать в долгий ящик? Ведь мы не судейские!

Терпилиха. Надо все-таки к свадьбе приготовиться. Хоть рушники и есть у нас, да кое-что еще надобно...

Выборный. Были бы рушники, а о нарядах вам беспокоиться нечего. Наш возный — черт его не берет! —

на свой счет такую пышную свадьбу закатит, что любо-дорого! Послушайте меня — сегодня же устроим сватовство. Подавайте рушники. А там уже договоритесь с женихом о свадьбе! Прощайте! Смотри, Наталка, не вздумай на попятный, как сваты придут. Помни, что ты обещала матери. Прощайте!.. Прощайте!..

Терпилиха. Прощайте, пане выборный! Спасибо вам за вашу приязнь. *(Уходит вместе с выборным.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Наталка *(одна)*. Не минула меня горькая доля. Возный хуже репья прицепился. И, видно, выборный Макогоненко всей беде заводила! Боже милосердный! Что со мной будет? Страшно и подумать, как буду я с немилым век свой жить!.. Нелюбимого ласкать, постылого любить... Куда мне деваться? Где искать помощь? Кого просить? О, горюшко мое! Добрые люди, помогите мне! Пожалейте меня! А я от всей души жалею девушек, которые в такую же беду попали, как я теперь... *(Становится на колени и, поднимая руки вверх, говорит)* Боже! Уж если твоя воля, чтобы возный меня замуж взял, так вырви любовь к Петру из моего сердца и обрати к возному душу мою! Без этого чуда пропаду я навеки... *(Встает и поет)*

Что ж ты, речка, замутилась? Не волна ли сбила?
Что же мне сейчас так грустно? Или мать побила? (2)

Нет, не мать побила — сами слезы льются,
От немилого здесь сваты у дверей толкутся. (2)

Приди, милый, и увидишь, что терплю я муку.
От тебя, хоть ты и в сердце, берут мою руку. (2)

Поспеши, спаси меня ты от горя-несчастья!
Коли буду за нелюбым, то должна пропасть я... (2)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет прежнюю улицу.

ЯВЛЕНИЕ 1

Микола *(один)*. Один живу на свете, как былинка в поле... Сирота бесталанный, без роду, без племени, без пристанища. Что делать, и сам не знаю. Был в городе, искал места — и всюду опоздал! *(Думает.)* Отправлюсь в пекло на три дня! Пойду на Тамань, пристану там к черноморцам! Хоть из меня хорошего казака и не выйдет, так есть же у них и похуже меня! Люблю я казаков за обычай! Коли не пьют, так других бьют, — а без дела не сидят. Ну-ка, спою их песню, которой меня запорожец Сторчогляд выучил...

Гомон, гомон, гомон, гомон по дуброве.
Туман поле покрывает. Мать из хаты выгоняет.

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь скорее.
Хоть с ордою, хоть с ордою жить ты станешь!

Уж меня-то, уж меня-то орда знает,
В чистом поле объезжает, в чистом поле объезжает!

Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь из хаты.
Пусть уж с ляхом жить ты станешь, пусть уж с ляхом!

Уж меня-то, уж меня-то ляхи знают,
Медом-пивом угощают, медом-пивом угощают.

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь из хаты.
Хоть с турчином, хоть с турчином жить ты станешь!

— Уж меня-то, уж меня-то турчин знает!
Сребром-златом наделяет, сребром-златом наделяет.

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь из хаты.
С москалем ты, с москалем ты дружить станешь!

— Уж меня-то, уж меня-то москаль знает,
Жить с собою, жить с собою приглашает!

С москалями жить не плохо добрым людям,
С ними бить татар и турок будем, будем!

У москаля, у москаля добре жити,
Будем татар, турков бити, будем татар, турков бити!

Так и я хочу быть с черноморцами! Буду тетерю есть, горилку пить, трубку курить и черкес бить! Только там не надо признаваться, что я грамотный: у них, говорят, с умничанием-то нельзя вперед выскакивать. Ну, это дело простое: дурнем нетрудно прикинуться...

ЯВЛЕНИЕ 2

Петро *(выходит на сцену и, не видя Миколы, поет)*.

Солнце всё ниже,
Вечер всё ближе,
Скоро ль тебя я,
Скоро ль тебя я,
Сердце, увижу!

Ты обещалась
Любить всей душою,
Ни с кем не знаться
И всех чураться,
Быть лишь со мною.

Мое серденько,
Когда б мы оба

Друг друга верно,
Честно, примерно
Любили до гроба!

Ох, коль приду я,
Тебя не застану —
От горя и муки
Сложу свои руки
И мертвым стану...

Микола *(в сторону)*. Он не из нашего села. Я его не знаю.

Петро *(в сторону)*. Что это за село? Не узнаю.

Микола *(подходит к Петру)*. Здорово, приятель! Ты, сдается, не здешний!

Петро. Нет, не здешний.

Микола. Откуда же ты?

Петро. Я? *(С улыбкой)* Не знаю, как бы тебе сказать. Откуда хочешь...

Микола. Неужто ты забыл и то место, где родился?

Петро. Я его не забыл, потому что и вовсе его не знаю.

Микола. Что же ты за человек?

Петро. Как видишь, бобыль бездомный. Брожу от села к селу, а теперь иду в Полтаву.

Микола. У тебя в Полтаве родичи или знакомые?

Петро. Нет у меня ни родичей, ни знакомых. Какие же родичи или знакомые у сироты?

Микола. Вижу, что ты такой же, как и я — бездомный.

Петро. Нет у меня ни кола ни двора. Весь тут.

Микола. Эх, браток мой! *(Берет Петра за руку.)* Знаю я хорошо, как тяжело быть сиротой и не знать, где голову преклонить.

Петро. Твоя правда, браток! Но я, благодаренье богу, до этого часу так прожил на свете, что меня никто не обидел. Не знаю, оттого ли, что у меня одинаковая с тобою доля, или оттого, что ты хороший парень, только сердце мое к тебе тянется, как к родному брату! Будь моим другом!..

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Возный выходят от Терпилихи с перевязанною рукою шелковым платком. Выборный — в белом рушнике через плечо, каковые дают в Малороссии старостам при сватанье. Возный выходит вперед и прохаживается впоперек сцены с довольною миною. Микола и Петро стоят в стороне поотдаль, а Выборный громко говорит в дверь Терпилихи.

Выборный. Да иди же, Борис, иди с нами! У меня к тебе дело есть...

Терпилиха *(в своей хате)*. Не троньте его, пане выборный! Пускай немного в себя придет.

Выборный. На улице скорее проветрится.

Терпилиха. В хате лучше. Тут никто не увидит и не осудит.

Выборный. Ну и ладно! *(Отходит от двери.)* И не стыдно! Хотя на сватанье и хватил через край окаянной варенухи. *(Увидя Миколу)* Здравствуй, Микола! Что ты тут делаешь? Давно вернулся из города?

Возный. Не обретается ли в городе каких-нибудь любопытных новостей?

Выборный. Ведь ты был на базаре — что там слышно?

Микола. Ничего не слышал, ей-ей, ничего. Да в городе теперь не до новостей. Там старые дома ломают, да застраивают улицы новыми домами, да крыши красят, да мостки для пешеходов делают, чтобы в грязь ходить можно было, — смотреть любо...

Возный. Смотреть любо, а слушать, что говорят горожане и купечество говорит, любо или нет?

Выборный. Что ж они станут говорить? Ведь не они и не сами придумали так город перестраивать. Кто же виноват беспечным людям, что заранее не запаслись бревнами, досками, щепою. Потому и трудно. Вы думаете, начальству весело принуждать выполнять то, что приказывают? Что поделаешь, некуда деваться, ежели нужно справляться.

Возный. Что правда то правда, крутенько взялись, но ведь и то сказать, каждый хозяин для себя и строит.

Микола. Иные хаты такие были, что, если бы не приказали их сломать, то они от ветра сами попадали бы и своих хозяев передавили бы. Если прислушаться,

кто всех больше жалуется на эту перестройку, окажется, что одни тузы, богачи. А люди среднего разбора молча строят. Зато и город станет, — словно мак зацветет! Если бы покойные шведы, что под Полтавой погибли, восстали, то не узнали бы Полтавы!

Возный. А не слышал ли ты по крайней мере — как его, того-сего — об обидах, спорах и грабежах? Или — как его, того-сего — о жалобах да об исках?

Выборный. Что его спрашивать! Он по городу ворон считал, да рот разинув ходил. *(К Миколе)* Что же ты, остолоп, не поклонишься пану возному, не поздравишь его? Не видишь разве, что он обручился?

Микола. Поздравляю вас, добродию. А с кем же бог привел?

Возный. С девицею, наипрекраснейшей изо всего села и прилежащих окрестностей!

Выборный. А с кем, не скажем. Поломай-ка себе голову. *(Отходя)* А это что за парубок?

Микола. Это знакомый мой. Идет из Коломака в Полтаву на заработки.

Возный. Однако разве — как его, того-сего — дорога из Коломака в город через наше село проходит?

Петро. Я нарочно зашел сюда, чтобы с ним повидаться.

Выборный и Возный уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Петро и Микола.

Петро. Это, никак, начальство в вашем селе?

Микола. Какое начальство! Он только живет тут. Возный, видишь ли, вот и задирает нос, что паном считается. Судейский, самый настоящий! И такой хапуга, что с родного отца готов шкуру содрать.

Петро. А тот, другой?

Микола. Это — выборный, Макогоненко. И добрый был бы человек, да беда, что хитер как лисица. Во все стороны мечется, где ни посеял, там ему и жито. Где черт ногу сломит, пошли Макогоненко — сразу дело обернет.

Петро. Вон оно что! Кого же они высватали?

Микола. Я догадываюсь. Тут живет одна бедная вдова с дочкой. Верно, Наталку возный и просватал. За нею много женихов увивается.

Петро *(в сторону)*. Наталку! *(Успокоясь)* Да не одна же Наталка на свете... *(К Миколе)* Так, видно, Наталка богата, умна, хороша собой?

Микола. Это правда — и хороша, и умна, к тому же еще и добрая девушка. Только не богата. Они с матерью недавно тут поселились и живут очень бедно. Я дальний их родственник и хорошо знаю их трудное житье.

Петро. А раньше где они жили?

Микола. В Полтаве.

Петро *(с волнением)*. В Полтаве? . .

Микола. Что ты не своим голосом вскрикнул?

Петро. Микола, брат мой родной! Скажи по правде, давно ли Наталка с матерью тут живут? И как они прозываются?

Микола. Давно ли они тут живут? *(Говорит протяжно, как будто в мыслях рассчитывает время)* Четвертый уже год. Они покинули Полтаву сразу же после смерти отца Наталки.

Петро *(вскрикивает)*. Так он умер?

Микола. Что с тобой?

Петро. Ничего, ничего... Скажи, пожалуйста, как же они прозываются?

Микола. Старуха — Терпилиха Горпина, а дочка — Наталка.

Петро всплескивает руками, закрывает ими лицо, опущает голову и стоит неподвижно.

Микола *(бьет себя по лбу и делает знак, как будто что-то отгадал, и говорит)*. Я не знаю, кто ты, и сейчас не спрашиваю, но вот послушай!

Ветер веет под горой,
Ой, Петрусь, любимый мой!
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Полюбила Петруся,
Да сказать боюся я!
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

За того за Петруся
Крепко била мать меня.
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Где ж блуждает мой Петрусь,
Что ж его не дозовусь?
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Я, хоть девка молода,
Всё же знаю, что беда.
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Что, может, не отгадал? *(Обнимает Петра.)*

Петро. Да, отгадал! Я тот самый несчастный Петро, которому Наталка пела эту песню, которого она любила и обещала помнить до смерти, а теперь...

Микола. Что теперь? Мы еще ничего не знаем. Может, и не ее просватали?

Петро. Нет, замирает мое сердце, чует великое горе. Братец Микола, ты говорил мне, что приходишься им роднею. Не сможешь ли разведать о сватовстве Наталки? Буду знать, какова моя доля!

Микола. Отчего нельзя? Если хочешь, я тотчас же пойду и обо всем разузнаю. Скажи только, говорить ли Наталке, что ты здесь?

Петро. Коли она свободна, то скажи ей про меня. А коли ее уже просватали, то лучше не говори. Пускай я один буду горевать и сохнуть с тоски! К чему же ей вспоминать о том, кого она так легко забыла?

Микола. Подожди, Петро, упрекать Наталку. Насколько я ее знаю, она не потому идет за возного, что тебя забыла! Подожди меня тут! *(Уходит к Терпилихе.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Петро *(один)*. Четыре года уже, как разлучили меня с Наталкою! Я был тогда бедняком и любил Наталку без всякой надежды. Теперь, нажив кровавым потом копейку, я спешил показать богачу Терпиле, что достоин его дочки. А вместо богатого отца нашел мать и дочку беспомощными, в бедности. Все, казалось, приближало меня к счастью! И вот, надо же опоздать на один день, чтобы горевать всю жизнь! Кого беда настигнет, тому уже ни в чем нет удачи. Правду песня говорит, что соседу все удается, все его любят, все к нему льнут, а для другого — как отрезано. *(Поет)*

У соседа бела хата,
Жинка — клад, живет богато.
У тебя же нет хатинки,
Нету счастья, нету жинки. } (2)

За соседом — молодицы,
За соседом и вдовицы,
И дивчата глаз не сводят —
Всё вокруг соседа ходят. } (2)

Сосед раньше меня сеет, —
У соседа зеленеет.
Не ходил я бороздою,
И не сеял ничего я. } (2)

Все соседа восхваляют,
Все соседа уважают, —
Я ж напрасно дни лишь трачу
И, один на свете, плачу... } (2)

Во время пения Макогоненко выходит на сцену, слушает и по окончании подходит к Петру и говорит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Петр и Выборный.

Выборный. А ты, сынок, и петь горазд!..

Петро. Да не так уж чтоб очень, а все-таки...

Выборный. Скажи мне, откуда ты идешь, куда, что ты за человек.

Петро. Я человек бездомный. Странствую. Ищу работы. Теперь иду в Полтаву.

Выборный. Где же ты побывал, что видал, что слыхал?

Петро. Долго все рассказывать! Был у моря, был и на Дону, был и на линии, и в Харьков заходил.

Выборный. И в Харькове был? Говорят, красивый город?

Петро. Хороший город! Много там любопытного. Я и в театре побывал.

Выборный. Где? В киатре? А что такое киатр, город или местечко?

Петро. Нет, это не город и не местечко, а большой дом в городе. Туда вечером съезжаются паны, сходятся все, кто заплатить может, и смотрят комедию.

Выборный. Кумедию? *(Знак удивления.)* И ты видел, друже, кумедию? Какова она?

Петро. Не раз видел. Это такое диво, что посмотришь раз — и другой захочется.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Возный.

Возный. О чем это, сват, — как его, того-сего — ты разглагольствуешь с пришельцем?

Выборный. Да тут чудеса, добродию! Этот парень был в киатре и видел кумедию. Он начал было мне рассказывать, какова она, да вы перебили.

Возный. Кумедия, сиречь лицедейство... *(К Петру)* Продолжай, любезный.

Петро. В комедии — одни выйдут, поговорят-поговорят, да и уйдут. Другие выйдут — то же самое делают. А то под музыку поют, смеются, плачут, бранятся, дерутся, стреляются, закалываются и умирают.

Выборный. Вот она какова, кумедия! Есть что посмотреть, ежели люди до смерти убиваются! Бог с нею совсем!..

Возный. Они не убиваются и не умирают — как его, того-сего — по-настоящему, а так, делают вид и искусно прикидываются мертвыми... Ого, если бы и вправду убивались, было бы за что деньги платить!

Выборный. Так это только обманом деньги выколачивают! Скажи-ка, приятель, какое тебе больше других понравилось, как пан возный называет, лицемерство?

Возный. Не лицемерство, а лицедейство!

Выборный. Ну, ну! лицедейство...

Петро. Мне полюбилась наша малороссийская комедия. Там была Маруся, были Климовский, Прудиус и Грицько.

Выборный. Расскажи нам, что они говорили, что делали.

Петро. Пели русские песни на наш голос. Климовский танцевал с солдатом. А что говорили, понять было трудно, потому что эту штуку написал москаль по-нашему и очень слова перепутал.

Выборный. Москаль? Ну, нечего и говорить! Должно быть, сильно напутал и намешал гороху с капустой?

Петро. Климовский был образованный, песни складывал и выборным казаком был. Служил в полку пана Кочубея во время баталии со шведами под нашей Полтавой.

Возный. В полку пана Кочубея? Но в славные полтавские времена — как его, того-сего — Кочубей не был полковником и полка не имел. Пострадавший от изверга Мазепы за верность государю и отечеству Василий Леонтьевич Кочубей был генеральным судьей, а не полковником.

Выборный. Так-то оно так, да, не во гнев сказать вашей милости, в букварях и не то еще найти можно.

Возный. Великая неправда выведена перед взорами публичности. За сие малороссийская история вправе призвать сочинителя к ответу.

Петро. Там и Искру почитают...

Возный. Искра, шурин Кочубея, был полковником полтавским и пострадал вместе с Кочубеем чуть не за год до Полтавской баталии. Следовательно, думать надо, что полком он не командовал во время сражения при Полтаве!

Петро. Там и Прудиуса, и его писаря Грицька на посмешище людям вывели. Будто они царскую казну утаили.

Возный. Вот это дело возможное, и за это сердиться не следует. В семье — как его, того-сего — не без урода. Разве есть земля, чтобы праведными Иовами была населена? Два плута на селе и селу бесчестья не делают, не только что целому краю.

Выборный. Вот только некрасиво, что москаль взялся по-нашему и про нас писать, не видавши нашего края, не зная обычаев и поверий наших! Если не поп, то. . .

Возный *(перебивая)*. Полно, довольно, хватит, будет болтать! Какое тебе дело до чужой выгоды? Пойдем-ка лучше к моей будущей теще! . .

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 8

Петро *(один)*. Горько мне слышать, что другой, а не я, зовет Терпилиху тещею! Так, значит, Наталка не моя? Наталка, которую я любил больше всего на свете! Для которой обрек жизнь свою на все беды, для которой стонал от тяжелой работы, для которой скитался на чужбине и по копейке собирал заработок, чтобы разбогатеть и навек назвать ее своею! Сам бог благословил мои труды, а Наталка все же достается другому. Эх, злая доля моя! Почему ты не такая, как у других? *(Поет)*

Ой, шел казак с Дону, да с Дону до дому,
Да с Дону до дому, да сел над рекою.

Да сел над рекою, проклинает долю:
Ох, доля моя, доля, доля моя злая!

Доля моя злая, что ж ты не такая,
Что ж ты не такая, как доля чужая?

Другим даешь много, меня обижаешь,
Всё то, что мне мило, теперь отнимаешь!

Но спасибо доле, если казак в поле,
Если казак в поле, тогда он на воле.

Ой, когда б ты, доля, вышла б со мной в поле,
Тогда б ты узнала, кого обижала.

ЯВЛЕНИЕ 9

Петро и Микола.

Петро. Ну, что, Микола, какие вести?

Микола. Не успел ни о чем спросить. Черт принес возного с выборным! Спрятался бы ты куда-нибудь, Наталка обещала на минутку сюда выйти.

Петро. Да как же я удержусь, чтобы не показаться, когда увижу свою милую!

Микола. Я кликну тебя, когда нужно будет.

Петро прячется.

ЯВЛЕНИЕ 10

Микола и Наталка.

Наталка *(выходя поспешно)*. Что ты мне хотел сказать, Микола? Говори скорей, потому что меня скоро хватятся!

Микола. Ничего. Я хотел спросить тебя, правда ли, что ты просватана за возного?

Наталка *(печально)*. Просватана... Что ж делать, нельзя больше матери перечить. Я уж и так долго выкручивалась, и всякий раз убивала ее своим отказом.

Микола. Что ж! Возный, черт его побери, жених завидный! Не бойся — полюбится. А может, и полюбился уже?

Наталка *(с упреком)*. Микола, Микола! Грех тебе теперь надо мной смеяться! Могу ли я полюбить возного или кого другого, если я люблю Петра? Ах, если бы ты знал его, ты пожалел бы и меня, и его!

Микола. Петра? *(Поет)*

За того за Петруся
Меня била матуся.

Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус!..

Наталка *(заплакав)*. Что ты мне напомнил? Терзаешь ты мое сердце! Бедная я... *(Помолчав, указывает на реку.)* Видишь Ворсклу? Либо там, либо ни за кем...

Микола (*показывает в ту сторону, куда спрятался Петро*). Посмотри-ка туда! И в Ворскле не придется быть, и грустить перестанешь!

Наталка. Ты, мне кажется, пожив в городе, ошалел и совсем не тем стал, чем был.

Микола. Хочешь, я сделаю так, что и ты не та будешь, что теперь?

Наталка. Бес тебя знает, что ты плетешь! Пойду-ка лучше домой! (*Хочет уйти.*)

Микола (*удерживает*). Подожди! Одно только слово выслушай, и отвяжешься от меня.

Наталка. Ну, говори, что такое?

Микола. Хочешь видеть Петра?

Наталка. Что ты, перекрестись! Откуда бы ему взяться?

Микола. Он тут, да боится показаться тебе, потому что ты просватана за возного.

Наталка. Что ж ему бояться? Нам не грех свидеться. Я еще не венчана... Да ты обманываешь меня!

Микола. Не обманываю. Гляди! Выходи, Петро!

Наталка при появлении Петра вскрикивает: «Петро!» Петро вскрикивает: «Наталка!» Оба стремятся друг к другу, обнимаются. Немая сцена.

Микола (*поет*).

Походил один Петрусь,
Да сказал: я к ней вернусь!

Ой, лихо, — не Петрусь!
Лицо бело, черен ус!..

Петро. Наталка! Вот как довелось нам встретиться! Для того только мы увиделись, чтобы навеки разлучиться!..

Наталка. Ах, Петро! Сколько слез пролила я по тебе! Я знаю тебя, а потому и не спрашиваю: любишь ли меня. А за себя я хоть сейчас клятву дам!

Микола (*перебивает*). О любви вы поговорите в другой раз, в другое время. Теперь надо смекнуть, как с возным развязаться.

Наталка. Долго ль с ним развязаться! Не хочу, не пойду — и концы в воду!

Микола. Разве так хорошо будет? А твоя мать?

Наталка *(перебивает)*. Моя мать хотела, чтобы я вышла за возного потому, что Петра не было. А коли он пришел, то возный должен отступиться.

Петро. Возный — пан чиновный и богатый. А у меня ничего за душой нет... Вам с матерью нужны опора и защита, а я только врагов вам прибавлю и помощи никакой оказать не смогу.

Наталка. Ты, Петро, не так думал, когда уходил от нас!..

Петро. Я все тот же. Какой тогда был, такой и теперь. Но скажу тебе: твоя мать не согласится променять богатого зятя на бедного.

Микола. Петро, пожалуй, правду говорит.

Наталка. Вижу я свое несчастье! Петро больше не любит меня, ему горя мало, если я и совсем пропаду. Вот какая теперь правда на свете!

К той теперь, Петро, пойдешь ты, кого крепко любишь,
Меня, бедную, пред нею за любовь осудишь!

Петро.

Никого не полюбил я и любить не буду.
Я тебя, мое серденько, вовек не забуду!

Оба вместе.

Наталка.

Если б ты любил, как прежде,
Ты б не стал чуждаться,
Не позволил бы ты милой
Другому достаться!

Петро.

Я люблю тебя, как прежде,
Не думал чуждаться.
И я милой не позволю
Другому достаться!

Наталка.

Жизнь теперь мне ненавистна, как мне быть, не знаю.
Коль моим, Петро, не будешь, погублю себя я!

Петро.

Если вправду Петра любишь, то живи с ним дружно,
И тебе тогда бояться ничего не нужно.

Оба.

Сердцам верным бог поможет вынести и муки.
Неразлучны наши души, неразлучны руки!

Микола. Правда, Наталка! Молись богу и жди от него всякой милости. Он так сделает, что не успеете вы и оглянуться, как счастье на вашей стороне будет!

Наталка. Я давно уже поклялась и теперь клянусь, что, кроме Петра, ни за кем не буду! У меня не мачеха, а родная мать. Не захочет она родной дочери погубить.

Петро. Дай бог, чтобы доброта ее взяла верх над соблазном с богатым зятем породниться!

Наталка. Петро, любишь ты меня?

Петро. А ты все не веришь? Люблю тебя больше, чем самого себя!

Наталка. Дай же мне руку! *(Взяв руки.)* Будь добрым со мною, верным мне, а я навеки твоя!

Микола. Ай, Наталка, ай, Полтавка! Вот девка! На краю пропасти не только не испугалась, а и другого поддержала! *(К Наталке)* За это спою тебе песню про Ворсклу, чтобы ты не пыталась ее своей гибелью прославлять. У нее и без того своя слава есть. *(Поет.)*

Ворскла — речка
Невеличка,
Льется плавно,
Вечно славна
Не водою, а войною —
Швед пропал в ней с головою.
Ворскла помнит —
Было дело,

Царь наш белый,
Царь наш смелый
Бил здесь крепко вражью силу
И насыпал ей могилу.
Казаченьки
С москалями
Потешались
Над врагами,
Крепко бились за Полтаву
И за всей России славу!

Петро. Сюда идут...

Микола. Крепись, Петро! И ты, Наталка! Надвигается туча, великий гром сейчас услышим...

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же, Возный, Выборный и Терпилиха.

Выборный. Что вы тут так долго растабариваете?

Возный. О чем вы — как его, того-сего — беседуете?

Терпилиха *(увидя Петра)*. Ох, горюшко!

Наталка. Чего вы испугались, мама? Это Петро!

Терпилиха. Свят, свят, свят! Откуда он взялся? Иль мне это чудится?

Петро. Нет, не чудится. Это я, Петро, душой и телом.

Возный *(к Выборному)*. Какой такой Петро?

Выборный. Может, тот самый, о котором я вам говорил, Наталкин жених, — бродяга, проходимец!..

Возный *(к Петру)*. Так ты и есть этот Петро? А не можешь ли ты — как его, того-сего — убраться своею дорогой? Думается мне, кажется, видится, что ты среди нас лишний.

Наталка. Почему же он лишний?

Терпилиха. Ясное дело, лишний, коль пришел не вовремя хату студить!

Петро. Я вам ни в чем не помешаю. Кончайте с богом то, что начали.

Наталка. Не так-то легко можно кончить то, что они начали.

Возный. А по какой такой резонной причине?

Наталка. А по такой причине: коль Петро мой вернулся, то я, добродию, уже не ваша!

Возный. Однако, прошу покорно, — вы рушники подавали, сиречь — как его, того-сего — должна повенчаться со мною...

Наталка. Далеко еще до того, чтобы с вами венчаться. Рушники еще ничего не значат.

Возный *(к Терпилихе)*. Не прогневайся, старуха! Дочка твоя — как его, того-сего — нарушает узаконенный порядок. А понеже рушники и шелковый платок суть доказательства добровольного и непринужденного ее согласия быть моею сожительницею, то при таком беззаконии предстанете вы перед судом, заплатите пеню и в тюрьме насидитесь.

Выборный. Верно, верно! Сразу же в волостное правление, да и в колодки!

Терпилиха *(со страхом)*. Батюшки, родимые! Смилуйтесь! Я не отступлюсь от своего слова. Что хотите делайте с Петром, а Наталку хоть свяжите да к венцу ведите!

Наталка. Не добьются они ничего. Петро ни в чем не виноват. Я сама не хочу за пана возного. И силой никто к этому меня не принудит... А коли на то пошло, так знайте, что я навечно от Петра отрекаюсь, но и за паном возным никогда не буду.

Микола. Что они теперь скажут?..

Выборный. Вот вам и полтавка! Люблю за обычай!

Терпилиха. Выслушайте меня, родимые! Дочка моя еще никогда не была такой упрямой и смелой. А как пришел *(указывает на Петра)* этот разбойник, бродяга, то и Наталка с ума сошла и — сами видите! — какой стала. Коли вы не выпроводите отсюда этого голодранца, то я не ручаюсь, что она и меня послушает.

Возный и выборный *(вместе)*. Вон, разбойник, из нашего села! Чтобы и духу твоего здесь не было! А коли своей волей не пойдешь, отправим тебя туда, куда и Макар телят не гонял!

Терпилиха. Сгинь, сгинь!

Петро. Подождите немножко, выслушайте меня. Что мы с Наталкой любили друг друга, про то и богу, и людям известно. А чтоб я Наталку отговаривал идти за-

муж за пана возного, учил дочку не слушать матери, поселял несогласие в семействе — пусть бог меня накажет — это неправда! Наталка, покорись своей судьбе! Послушайся матери, полюби пана возного и забудь меня навеки! *(Отворачивается и утирает слезы. Все показывают вид участия в горести Петра, даже и Возный.)*

Терпилиха *(в сторону)*. Добрый Петро! Сердце мое против воли за него заступается.

Наталка плачет, Возный рассуждает.

Выборный. Что ни говори, а мне жаль его...

Микола. Чем-то все это окончится?

Возный *(Петру)*. Ты, брат, — как его, того-сего — куда теперь отправишься?

Петро. Я шел в Полтаву. А теперь пойду, чтобы никогда сюда не возвращаться. Еще два слова скажу Наталке: Наталка! Я из-за тебя оставил Полтаву и для тебя в дальних краях трудился четыре года. Мы с тобой выросли и воспитались вместе у твоей матери. Никто не запретит мне считать тебя своей сестрою! Все, что я нажил, — твое. На, возьми! *(Вынимает из-за пазухи завернутые в лубки деньги.)* Чтобы пан возный никогда не попрекнул тебя, что взял бедной и на тебя издержался! Прощай! Уважай мать нашу, люби своего суженого. А за меня отслужи панихиду!..

Наталка. Петро! Несчастье мое не такое, чтобы можно было от него откупиться! Оно — здесь *(показывает на сердце)!* Не нужны мне твои деньги! Они не помогут мне... Но бедой нашей не потешутся вороги наши! И моей жизни конец недалек... *(Склоняется на плечо Петру.)*

Терпилиха *(подбегает и обнимает Петра)*. Петро!

Наталка *(обнимая Петра, говорит матери)*. Мама, кого мы теряем!..

Микола *(Выборному)*. А тебе каким он кажется?

Выборный. Такого человека, как Петро, я сроду не видел!

Возный *(вышел вперед на сцену)*. Поразмыслил я довольно и нашел, что великодушный поступок всякие страсти в нас пересиливает. Я хоть и возный, а признаюсь, что от рождения моего расположен к добрым делам. Но за недосугом по должности и другими заботами

доселе ни единого не сделал. Поступок Петра, толико усердный, без примеси какого-либо ухищрения, подвигает меня на нижеследующее: *(к Терпилихе)* Ветхая деньми! благословишь ли на благое дело?

Терпилиха. Воля ваша, добродию! Что ни сделаете, все будет хорошо. Вы у нас пан образованный.

Возный. Добрый Петро и бойкая Наталка! Подойдите ко мне! *(Берет их за руки, подводит к матери и говорит.)* Благослови детей своих счастьем и здоровьем! Я отказываюсь от Наталки и уступаю ее Петру в вечное и потомственное владение с тем, чтобы он дал ей счастье. *(К зрителям)* Поелику же я — возный, то по привилегии, Статутом мне данной, заповедую всем: где двое дерутся, третий не мешайся! К тому же твердо памятовать надлежит, что насильно мил не будешь!

Петро и Наталка *(когда Возный говорит к зрителям, обнимают мать, а по окончании говорят).* Родимая, благослови нас!

Терпилиха. Бог соединил вас чудом — пусть благословит и своей благодатью!..

Микола. Вот они каковы, наши полтавцы! Коль подошло к тому, чтоб доброе дело сотворить, один другого опередить хочет.

Выборный. Наталка по всему полтавка! Петро — тоже полтавец! Да и пан возный, сдается, не другой какой губернии.

Петро. Наталка! Теперь мы никогда не расстанемся! Бог нам помог перенести беды и напасти. Он поможет нам верной любовью и хорошей жизнью быть примером для других и заслужить прозвище добрых полтавцев. Запевай же, коли не забыла, свою песню, которую я всего больше люблю!

Наталка. Если кого любишь, того век не забудешь!

Ой, я дивчина полтавка,
А зовут меня Наталка.
Я проста и не красива,
Но добра и не спесива.

Вкруг меня все хлопцы вьются,
За меня порой дерутся.

Одного Петра люблю я,
С ним одним и жить хочу я!

Пусть подружки веселятся —
Им с другими миловаться.
Без Петра я всё скучаю,
Счастья-радости не знаю.

Лишь с Петром мне быть счастливой
И веселой — всем на диво.
Всей его люблю душою,
Он один всегда со мною!..

Хор

Начинайте веселиться —
Время слезы осушить!
Что напасти нам страшиться?
Не до смерти в горе жить! } (2)

Пусть одни лишь злые плачут,
Те, что козни замышляют.
А полтавцы в пляске скачут
И — назло другим — гуляют! } (2)

Если хочешь быть счастливым,
То на бога полагайся,
Будь в несчастьях терпеливым,
Тех, кто беден, не чурайся! } (2)

Занавес

СОЛДАТ-ЧАРОДЕЙ

Опера малороссийская в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лихой — солдат.
Михайло Чупрун — поселянин.
Тетяна — жена его.
Финтик — писарь из города, приехавший в деревню.

Действие в доме Чупруна.

ЯВЛЕНИЕ 1

Тетяна и Финтик в малороссийской хате сидят за столом, перед ними стоит бутылка меду и стаканчик.

Тетяна. Вы, панич, не балуйте, сидите смирно!

Финтик. Что же я делаю, любезная Тетяна? Я, кажется, то есть, из благопристойности не выхожу.

Тетяна. Выходите вы из своей благопристойности иль не выходите — до того мне мало дела. Только знайте: языком трепли, а рукам воли не давай!

Финтик. Ах, батюшки мои! Сколько я объяснял жарчайший пламень любви моей к тебе, но ты все не догадываешься, до чего мои ежедневные к тебе учащения относятся? Ей-ей, до того, чтобы насытиться твоим лицезрением, насладиться гласом уст твоих и возлобызать розы губ твоих!

Тетяна. А я разве запрещаю вам приходить ко мне, хоть и не годилось бы делать это так часто? Запрещаю на меня смотреть, разговоры вести да точить лясы? А целоваться — извините, это уж не шутки... Знаете, что я вам скажу? Лучше бы вы спели что-нибудь.

Финтик. Что-то сегодня голоса у меня нет. Вчера был у Епистимии Евстафьевны, да, выпивши чашку воды и две чашки с настойкою, вышел на двор, и на открытом воздухе сквозной ветер захватил шею и грудь, и теперь дерет в горле. *(Кашляет.)*

Тетяна. Да полно, перестаньте ломаться. Выпейте чарочку меду, вот горло и прочистится.

Финтик *(наливает и пьет)*. Какую ж песню спеть?

Тетяна. Какую хотите. У вас ведь их достаточно! Разве вы в городе панночкам не поете? Ну-ка!

Финтик. Вот разве эту? *(Напевает мотив, потом откашливается и после поет)*

Тобою восхищенный,
Признаюсь пред тобой,
Что, быв тобой плененный,
Не властвую собой.

Ты суд мой и расправа,
Ты милый протокол,
Сердечная управа,
Ты повытье и стол.

Дороже ты гербовой
Бумаги для меня;
Я в самый день почтовый
Вздыхаю от тебя.

Перо ты лебедино,
Хрустальный каламарь!
Прорцы словцо едино —
И я твой секретарь!

Тетяна. Странная песня! Да и вы кажетесь странным, когда поете, будто не в себе. Мне даже грустно сделалось.

Финтик. Ах, эта песня весьма бойкая. Она моего сочинения. Тут очень-весьма нужно объясняется любовь со всеми воспалениями к милой персоне.

Тетяна. Бог с ней, с персоной и воспалением! Спойте песню без жара. Да не машите руками и не таращите так страшно глаза!

Финтик. Ей-ей, не знаю, какую еще пропеть в твою

угодность. Знаешь ли, прекрасная Тетяна, споем вместе. Я вторить буду, а ты дишканта пой.

Тетяна. Я не прилажусь с вами петь, а может, и песни такой не знаю, какую вы знаете.

Финтик. Славные песни, например: «Склонитеся, веки...», «С первых весны...», «Все забавы...», «То теряю...», «Не прельщай меня, драгая...», «Почто, ах, не склонна...»... Не знаешь ли из сих какой?

Тетяна. Нет, ни одной не знаю... А вы знаете «Не оттуда ль ветер веет...»?

Финтик. Знаю весьма немного.

Тетяна. Вот и споем ее, если хотите. Вы берите ниже, а я выше. Да не спешите. Глядите ж, пойте не спеша.

Финтик. Добро, хорошо.

Оба *(поют)*.

Не оттуда ль ветер веет, где дружок тоскует?
Всё гляжу я в ту сторонку – видно, сердце чует.

Вы скажите, звезды ясны, где он поживает,
Сердце б весточку послало, да куда -- не знает.

Коли верно меня любит, то приснюсь ему я,
Он и сонный угадает, что по нем тоскую.

Вы скажите, звезды ясны, где он поживает,
Сердце б весточку послало, да куда — не знает.

Пусть любовь он нашу вспомнит, милой улыбнется,
Пусть ему в чужой сторонке хорошо живется!

Вы скажите, звезды ясны, где он поживает,
Сердце б весточку послало, да куда — не знает.

Тетяна. А теперь время и ужинать. Я всем запаслась на те деньги, что вы вчера дали. К тому же вам и домой далеко идти.

Финтик. Рано еще. Мне очень-весьма не хочется с тобой расставаться.

Тетяна. Мало ли что не хочется! Ко мне скоро девчата придут прясть — на вечерницы. Нехорошо будет, коли вас тут застанут.

Финтик. Я не усматриваю тут ничего нехорошего. Позволь, бесподобная Тетяна, и мне остаться на вечерницах!

Тетяна. Что вы, разве это можно! Обо мне бог знает чего наговорят! Вы и так что-то очень уж подъезжаете. Это бы хоть обошлось! Вы ведь знаете, что я мужнина жена.

Финтик. Так что же! Разве замужней нельзя и полюбить?

Тетяна. Известно, нельзя. То-то вы, ученые да грамотные люди, куда как хитры. Будто и не понимаете, что грех, а что срам! Пусть уж мы, простые люди, где в чем согрешим, так нам бог простит. А вы все знаете, и будет вам на том свете жарко. Да еще вместо того, чтобы других наставить, вы сами лукавство замышляете. Ни часу не пропустите, чтобы кого под грех не подвести.

Финтик. Быть не может! Мы кого любим, того и уважаем.

Тетяна. Вот и неправду вы говорите! Вы сами, Каленик Кононович, признались, что меня любите. А зачем меня любите? Знаю все помыслы ваши и что вам в голову взбрело. Только, на беду свою, не на такую напали. Я бога боюсь и мужа своего люблю, как самое себя. И вашу пани матку — или, как вы говорите, матушку — уважаю, потому и вам прощаю, хоть вы мне прохода не даете. Если у вас и есть что дурное в мыслях, выбросьте из головы, потому что потом стыдно будет. Удивляюсь вам: домой к матери приехали, а никогда дома не сидите.

Финтик. Мне скучно сидеть дома и заниматься с матушкою. Она такая простая, такая неловкая, во всем по-старосветски поступает: рано обедает, рано спать ложится, рано просыпается. А что всего для меня несноснее, что в нынешнее просвещенное время одевается по-старинному и носит очипок, намитку, плахту и прочие мужичьи наряды.

Тетяна. Бога вы не боитесь, если так говорите о своей матери! Разве родителей следует почитать за их одежду? Разве не нужно уважать мать уже за то, что она стара и держится старосветских обычаев? Вот какие теперь пошли сынки!

Финтик. Да для чего ж ей упрямиться?.. По край-

ней мере хоть бы оделась по-городскому ради сына такого, как я. Ты видишь, как я одет. Можно ли мне смотреть без стыда и, не закрасневшись, называть матушкою просто одетую старуху? Ежели бы мои товарищи и друзья повидели меня с нею вместе, я сгорел бы со стыда по причине их насмешек.

Тетяна. Грех вам смертный таким сыном быть! Какова бы ваша мать ни была, она все же мать. Она у вас женщина добрая, разумная и почтенная. А что ведет себя попросту, этого вам стыдиться нечего. Вы думаете, что ваша мать хуже вас потому, что вы грамотный, дослужились до какого-то чина, что одежду себе пошили узкую и дворянскую медаль зачем-то прицепили? Так ведь она вас родила, выкормила, уму-разуму научила: сперва к дьячку отдала в ученье, потом в волостное правление писарем определила. Без нее вы, может, пастухом бы были, овец либо свиней пасли бы...

Финтик. Пустое! Вздор! Я — ветвь масличная от грубого корня. Иосиф во Египте сделался любимцем царя, и старый Иаков, отец его, должен был смириться перед ним.

Тетяна. Вот как вас учили! Вы равняете себя с Иосифом? Далеко куцему до зайца! Наш поп говорит, что Иосиф оттого и счастлив был, что отца своего уважал и почитал после бога первым. А на такого сына, как вы, падет от бога немилость, а от людей проклятье. Увидите, что вам будет за вашу гордость и неуважение к матери!

Финтик. Ничего, ибо я прав. Надобно сообразоваться со временем и по оному поступки и чувства свои располагать.

Тетяна. Только не к родителям. Я не знаю, как вас на службе терпят? Думается мне, кто презирает родных своих, на того ни в чем нельзя положиться, ни в чем ему нельзя верить. Такой человек меж людей — что паршивая овца в стаде...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Солдат (немного пьян).

Солдат *(входя в избу, тотчас говорит)*. Здравствуй, хозяин! Я — твой постоялец. Давай угол, да на ужин курицу. Да нет ли и лавреников?

Тетяна. Хозяина дома нет.

Солдат. Все равно. А это кто с тобой?

Тетяна *(робко)*. Это?.. Это?.. Городской человек!.. *(В сторону)* Что ему сказать?.. Это мой родственник.

Солдат. Все равно... *(В сторону)* Врет баба... Ну, когда он твой родня, что ж он так оробел?

Финтик. Кто, я?.. Нет, то есть... *(Трусливо)* Я... я губернский родич, то есть, сей хозяйки. Да тебе... вам, то есть, какая до того нужда?

Солдат. Мне какая нужда? Да знаешь ли, кто я? *(Притворяется сердитым, поет)*

Меня зовут — Лихой,
Солдат я неплохой,
И храбрости палата.
Хоть с места — докажу,
В капусту искрошу
Тебя, чернильна хвата.
Ну, стой, не шевелись!
На вытяжку! Бодрись!
Гляди повеселее!
А то те карачун,
Бумажный ты шалун, —
Вмиг будешь почестнее!

(К Тетяне. Берет ее за плечо и приближает к Финтику.)

И ты марш под ранжир,
У вас один мундир,
Вы храброго десятка.
Вас буду я пытать:
Должны вы мне сказать
Всю сущу правду-матку.

(К Финтику)

Ну, кто ты? Отвечай!

Финтик *(трусливо поет)*.

Почтеннейший служивый,
Даю ответ правдивый:
Я есть полиции писец.

Солдат.

Зачем же здесь ты, сорванец?

Финтик *(трусливо)*.

Ей-богу, невзначай
Зашел я до суседы
Для дружеской беседы.

Солдат *(к Тетяне)*.

А ты что запоешь?

Тетяна. Вот слушай. *(Поет)*

Ой, служивый, ой, служивый, что тебе за дело?
Ведь я женка не простая, отвечаю смело.
Почему тебе спускаю, я не знаю, право.
Отцепись, отвяжись, ой, солдат лукавый!

Я — хозяйка, ты — бродяга; что ж ты
расхрабрился?
Берегись, чтоб сам у черта ты не очутился.
Почему тебе спускаю, я не знаю, право.
Отцепись, отвяжись, ой, солдат лукавый!

Как злодей, подкрался к хате ты, солдат, на горе.
Ты один тут, и не гоже тебе с нами спорить.
Почему тебе спускаю, я не знаю, право.
Отцепись, отвяжись, ой, солдат лукавый!

Солдат *(спокойнее)*. Ладно, ладно, хозяюшка, ты права. В чужой монастырь со своим уставом не суйся.

Тетяна. То-то, не суйся! Мы не знаем, что ты за человек. Видим — солдатский мундир на тебе, потому тебя и почитаем. Ведь вас не для того делают военными, чтобы вы в своем царстве людей калечили, а для того, чтобы...

Солдат. ...чтобы вас, мужиков, защищать от неприятелей. А вы должны нас уважать и ничего для нас не жалеть.

Тетяна. Нас, мужиков? Сам-то ты большой пан? Ведь и ты мужиком был, пока тебе лоб не забрили да мундир на плечи не надели. Кабы я не женщиной была, я, может, солдатом еще получше тебя стала. *(Смеется.)*

Солдат *(весело)*. Славно! Эдакая вострУха! Ты, панич, зачем не идешь в военную службу? Не стыдно ли в твои лета, при твоем здоровье, а может быть и уме, пачкаться день и ночь в чернилах, грызть перья и жевать

бумагу? Ну, скажи, что ты выслужишь в писарях? Да, говорят, что хоть век служи, а вашему брату до штаба не дослужиться.

Финтик. А почему же? Правда, без экзамена в науках не произведут в асессоры, то есть в ранг премьер-майора; но сей чин можно получить за отличие.

Солдат. За отличие? Да чем же и где писарь может отличиться? Да будь ты и секлетарь — так все те запятая! У нас, брат, тоже есть в полку канцелярия и писаря — не вашим чета, а отличия нигде не показали.

Финтик. Ты рассуждаешь как солдат, и отличие поставляешь в том, когда руку, ногу или голову потеряешь; а беспорочное прохождение службы, ревностное и усердное прилежание к исполнению своей должности — разве не есть отличие?

Солдат. Нет, это обязанность и долг служащих, а не отличие... Но военная служба, как ни говори, есть служба славная. Ну, когда ваша штатская служба знаменита, зачем вас называют подьячими?

Финтик. Сие взято из древних преданий. Но у нас, по гражданской службе, есть много почетных людей, имеющих статские чины и звания.

Солдат. И ведомо, как не быть? Но больше, я думаю, из таких, что служили первее в военной службе, а после отставки служат уже в статской. Таковы почтенны, да и поделом, ибо они посвятили всю жизнь свою на прямую царскую службу, а не для того, чтобы выслужить чинок, так, как ты.

Тетяна. А что, договорился? То-то: не надо о себе много в голову забирать да думать, вот мы, мол, какие!

Финтик. Что же! В 1812 году, во время нашествия на Россию Бонапарте, я хотел было пойти в ополчение, но батюшка и матушка — куда! Такой подняли шум и едва не ослепли от слез.

Солдат. Эдаки чадолюбивые!.. Полно об этом! Скажи-ка, панич, зачем ты здесь и свой пост оставил?

Финтик. Я приехал в сие село домой для свидания с матушкою и имею отпуск на два месяца. А здешнюю хозяйку посещаю для ради скуки.

Солдат. Смотри-ка, чтоб от скуки не завелись крючкотворные шашни. Ведь ваше братье — крапивное семя. У вас совесть купоросом подправлена. Недолго до беды!

Т е т я н а. Не беспокойся, сударь служивый! Знаю я, куда вы гнете. Подержали бы язык за зубами. Нужды мало, что мужа дома нету уж третий месяц!

С о л д а т. Я, право, дурного ничего не думаю... Однако, хозяйка, нет ли у тебя чего поужинать или хоть так перехватить? *(Зевает, будто спать хочет.)*

Т е т я н а. Ей-богу, ничего нет. Я живу одна и о еде не думаю. Одной мне много не надо.

С о л д а т. Ну хоть горилки чарку? *(Опять зевает.)*

Т е т я н а. Горилки? Бог с нею! Я уж и не помню, когда она в хате была.

С о л д а т. Ну *(зевает)*, так где ж мне спать ложиться? Я устал, а притом и с похмелья — смерть спать хочется.

Т е т я н а. Вон там, за печью, коли хочешь, больше негде.

С о л д а т. Ладно! *(Зевая, снимает с себя подсумок, тесак и вешает на стене, к которой прежде приставил ружье.)* Прощайте, добрые люди! Бог с вами! *(В сторону)* Я вас подстерегу! *(Уходит за кулису возле печи.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Т е ж е, кроме Солдата.

Ф и н т и к. Пусть голодный околеет, негодный азартник!

Т е т я н а. А мне жаль его. Но за то, что бушевал, пусть спит не евши. У нас ласкою все получишь, а бранью да криком ничего не возьмешь.

Ф и н т и к. Так это же первейшая привычка у солдат, чтобы на квартире хозяйку напугать, хозяина выругать и такую поднять кутерьму, что не знаешь, куда деться... Когда же мы и как ужинать будем?

Т е т я н а. Подождите, пока солдат заснет покрепче. Есть у меня жареная колбаса, курица да запеканки бутылочка. Еда стоит в чулане под кадкой, а запеканка вон там *(указывает)*, в печурке. Прислушайтесь: он уже храпит...

Ф и н т и к. Однако же ты с ним потом одна останешься...

Тетяна. Вам-то что до того? Ко мне придут дивчата, и вы до той поры посидите у меня. Я скажу, что вас нарочно упросила остаться, чтобы не быть одной с солдатом.

Финтик. А вдруг мы сядем за ужин, а солдат проснется?

Тетяна. Ну, мы и его пригласим. Сердитым надо угождать, а злого лаской скорее улестишь, чем ссорой.

Финтик. Это правда... Тсс... Кто-то стучится.

Тетяна. Может, ветер? *(Прислушивается.)*

За кулисами шум и голос слышен, взывающий к волам. Тетяна прислушивается у окна. Финтик трусит.

Тетяна *(в испуге)*. Пропала я!.. Муж мой вернулся!

Финтик *(в отчаянии)*. Что же мне, то есть, делать? Куда деваться?

Тетяна. Лезьте скорее в подпечь. Я закрою вас заслоной, а как все уснут, выпущу во двор.

Финтик прячется в подпечь. Тетяна заставляет печь заслоной и отправляется встретить мужа.

ЯВЛЕНИЕ 4

Михайло и Тетяна.

Михайло *(входит в горницу)*. Здорово, жинка, моя голубушка! *(Обнимаются.)* Как поживаешь? Жива ли, здорова ли?

Тетяна. Слава богу, муженек. А ты как? *(Обнимает мужа.)* Что так замешкался? Я ждала-ждала, да уж и ждать перестала.

Михайло. В дороге, знаешь, всяко бывает; да, слава богу, все благополучно. *(Увидя амуницию)* А это, жинка, что такое?

Тетяна. Что такое? Солдат-постоялец. Только не очень шуми, чтобы не разбудить. Недавно спать лег.

Михайло. Может, сердитый очень, крикливый? Давно он стал у нас на квартиру?

Тетяна. Сегодня вечером пришел. И такой тут шум поднял, уж я не знала, что и делать! Давай ему горилки, курей и вареников!

Михайло. Накормила ты его?

Тетяна. Чем же я его накормлю? У меня ничего нету. Я одна, и для себя редко стряпаю.

Михайло. Оттого-то он и сердитый. Хорошо еще, что не поколотил тебя. Вот диво, солдат заснул голодный, не побивши хозяйки. Да и мне есть хочется. Нет ли чего?

Тетяна. Что же мне делать? Может, паляницы принести, что ли?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Солдат.

Солдат. Что у вас тут за шум? Мне и спать помешали.

Михайло. Извините, сударь, пожалуйста. Я вернулся с дороги и с женою разговорился.

Солдат. Так ты хозяин? Ну, брат, здорово! Небось давно дома не бывал?

Михайло. Девятая неделя, как из дому выехал в Крым за солью.

Солдат. Это нехорошо такую молодую и пригожую женочку оставлять одну и на долгое время.

Михайло. Ничего не поделаешь. Если все время с жинкою дома сидеть, то и есть нечего будет.

Тетяна. Нам не впервые. Я уже привыкла оставаться дома одна без мужа.

Солдат. И тебе не скучно одной?

Тетяна. Как не скучно! Да помочь нечем.

Солдат. Эй, смотри! Мне что-то не верится, чтоб женщина не нашла для себя забавы в скуке!

Тетяна. Про всех этого нельзя сказать. Бывает так, что ничем не виноватая по простоте своей терпит от людей напраслину. А другая и впрямь виновата, да умеет концы в воду припрятать, и для людей остается невинною.

Солдат *(в сторону)*. Бой-молодица! Где здравый рассудок, там ожидать можно и прямой добродетели.

Михайло. Жинка! Нет ли чего поесть? Ей-богу, прямо живот подвело, так есть хочется!

Солдат. Чего, хозяин? И я, не поевши, спать лег. Да

для меня это ничего, а для тебя, брат, накладно с дороги, после трудов.

Тетяна. Что же я вам поесть дам? Если бы еще не так поздно было...

Михайло. Дай хоть хлеба!

Тетяна уходит за хлебом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Солдат и Михайло.

Солдат. Жаль мне жены твоей! Ты, уезжая из дому, оставляешь ее без домашнего запасу. Ты, видно, скуп?

Михайло. Я скуп?! Упаси меня бог! Да еще к такой жене, как моя Тетяна?.. У нее всего в достатке, разве птичьего молока нет. Просто так случилось.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Тетяна, входит с белым домашним хлебом и ножом и кладет на столе.

Солдат. Славный хлеб! Кабы да по чарке водки!

Михайло. Жинка! А нет ли хоть по маленькой?

Тетяна *(с досадою)*. Вот чудной! Откуда у меня возьмется горилка?

Солдат *(весело)*. Хозяин, ты полюбился мне. Хочешь ли, я тебя и себя водкой попотчиваю?

Михайло. Как же это так?

Солдат *(берет обоих за руки и с видом таинственным)*. Я признаюсь вам. Я — колдун!

Тетяна. А что это такое — колдун?

Солдат. Ворожей, чародей, то есть такой человек — что захочу, то сделаю, и чего захочу, тут и вырастет.

Михайло и Тетяна вырывают от него руки и отступают в страхе.

Солдат *(смеясь)*. Чего ж вы испугались? Я вам зла не сделаю. Оно мне запрещено; я только могу добро сделать.

Михайло. Как же это? Не своим духом?

Тетяна. Может, у тебя уговор с тем, что живет в болоте?

Солдат *(смеясь)*. Что вам до того? Вы ничего не увидите и не услышите, что б могло вас перепугать или повредить.

Михайло. А что, жинка? Я ничего не боюсь. *(Подмигивая, что не верит солдату.)*

Тетяна. Мне все равно. Уж коли его *(указывает на солдата)* не боюсь, то чего другого и подавно.

Солдат. Хорошо. *(Принимает важный вид.)* Сказывай, хозяин, как тебя зовут.

Михайло *(с беспокойством)*. Меня?.. Меня зовут Михайло Чупрун.

Солдат *(к жене)*. А тебя?

Тетяна. Ты ведь слышал? Тетяна Чупрунова.

Солдат *(вынимает шомпол, машет поверх головы и делает разные знаки в воздухе)*. Теперь слушайте! *(Поет)*

Ну, знай, Чупрун,
Что я — колдун.
Ворочаю чертями
И даже сатаною
Командую, дружок!
Он служит предо мною,
Как маленький щенок.

Что прикажу, всё здесь родится:
И пить, и есть, и веселиться

Мы примемся сейчас,
Зажмурьте правый глаз,
Скажите громко: шнапс!

Михайло и Тетяна *(вместе)*. Шнапс!

Солдат. Только и надо. Поди же ты, хозяйка, в тот угол, там найдешь бутылку с славной запеканкой. Бери ее смело, принеси и поставь на стол, а после подай чарочку. Тут-то мы себя и покажем!

Тетяна. Боюсь и с места сойти!

Михайло. Чего ж ты боишься, глупая? Ведь мы же тут, в хате.

Солдат. Поди, хозяюшка, не бось, поди!

Тетяна *(идет боязливо к указанному месту, находит свою водку и вскрикивает, будто от испуга)*. Ой!

Михайло. Что ты? Что там такое?

Тетяна. Ой, муженек! Ей-богу, бутылка с горилкой!.. Может, и вправду это тот, что — не в хате будь помянут...

Солдат. Полно блажить, хозяйка! Подавай-ка скорей сюда! Вот мы ее без страха отведаем.

Тетяна приносит водку, ставит на стол и подает рюмку.

Солдат *(наливает водку, после говорит)*. Здравствуй, хозяин с хозяйкой! *(Выпивши, наливает и подает хозяину.)*

Михайло. Жинка, мне что-то не по себе. Пить или не пить?

Тетяна. По мне, как хочешь. Видишь, служивый выпил и не поморщился.

Михайло *(берет рюмку и спрашивает)*. А очень вкусна?

Солдат. Знатная запеканочка! Дай бог здоровья тому, кто ее смастерил.

Михайло хочет пить. Жена удерживает его.

Тетяна. Перекрести сперва.

Михайло *(к солдату)*. А можно перекрестить?

Солдат. Не только можно, да и должно.

Михайло *(крестит и выпивает разом, после делает вид удивления и удовольствия)*. А!!!

Солдат. Какова?

Михайло. Я сроду такой крепкой не пивал! Налейка еще!

Солдат. Погоди, хозяйку прежде попотчую. *(Наливает.)*

Тетяна. Я горилки не пью, а заколдованной и подавно.

Михайло. Ты хотя попробуй, чтоб знать, каков в ней вкус!

Тетяна. Ей-богу, боюсь. Может, она такая, что выпьешь, и...

Солдат. Пей, не бойся! Право, добрая водка!

Тетяна отведывает — морщится, вздрагивает и ставит на стол.

Солдат. Ин, поднеси нам, хозяюшка!

Тетяна *(с досадой)*. Не хватает только их угощать! И сами, коли захотите, выпейте!

Солдат. Экая спесивая! *(В сторону)* Будешь посговорчивее! *(Выпивает и после подносит хозяину.)*

Михайло *(уже навеселе)*. Служивый! А твое ружье стреляет?

Солдат. Простачина! Зачем же солдату и ружье, ежели оно будет неисправно? Да тебе на что это?

Михайло. Ведь и я умею метко стрелять.

Солдат. Где тебе стрелять! *(Наливает и подает хозяину.)* Ну-ка, выстрели из этого ружья.

Михайло. Да из этого само собой, а вот из твоего хочется стрельнуть. *(Выпивает.)*

Солдат. Изволь! *(Наливает и пьет.)* Давай я заряжу. *(Вынимает из сумки патрон и заряжает ружье.)*

Михайло. Жинка, найди угля или мелу.

Тетяна. Послал черт забаву! Окна повыбиваете, стены либо дверь продырявите.

Солдат. Не бойся, все цело будет. Подай-ка уголь.

Тетяна вынимает уголь и подает мужу.

Михайло. Где бы намалевать цель?

Солдат. Я знаю. *(Кладет ружье на столе, берет от Михайла уголь, идет к печи и на заслоне назначает точку и круг.)*

Тетяна *(приступя к столу)*. Ох, горе мне! Пропадет Финтик ни за что ни про что, и я без умысла стану причиной его смерти... Что делать! *(Немного задумывается.)*

В это время Михайло возле солдата смотрит цель. Тетяна намазывает скорее огниво салом из свечки и кладет ружье по-прежнему.

Михайло. Так будет хорошо. *(Приходит к столу и берет ружье.)*

Солдат. Ладно! Становись здесь. Смотри же, целься хорошо.

Михайло. Да ну, не учи, пожалуйста. *(Целится, после отставляет и говорит)* Покойный отец учил меня стрелять, когда я еще был маленьким, и я, бывало, на лету кур стрелял.

Солдат. Искусный же ты стрелок! Посмотрим-ка теперь твою удаль.

Тетяна *(солдату)*. Вы бог знает что задумали: ночью в хате стрелять! Коль три раза не выстрелит, то больше и не надо.

Михайло. За три раза? Да я за один раз так трахну, что горшки с полки полетят.

Солдат. Слушай, хозяин, — я скажу: раз, два, три!.. По слову «три» тотчас пали!

Михайло. Слышу. *(Прицеливается.)*

Солдат. Раз... два... три!..

Михайло *(спущает курок — огня нет)*. Что такое?

Тетяна смеется. Солдат хохочет.

Солдат. Прикладывайся. Пусть жена твоя говорит: раз, два...

Михайло. Ладно! Говори, жинка, — раз, два, три! *(Прикладывается.)*

Тетяна. Раз... два... три!..

Михайло спущает курок — опять нет огня. Смех.

Михайло *(с негодованием)*. Да ну тебя, солдат, к черту! Это твои шутки. Зачем ты заговорил ружье?

Солдат. Вот те на! Да мне какая нужда заговаривать ружье? Подай-ка, подсыплю пороху на полку: авось выстрелит!

Тетяна *(к мужу)*. Не стреляй! Пропади оно пропадом! Видишь, солдат и сам в нем не уверен. Разорвет ружье и поранит кого-нибудь из нас, а то и убьет.

Михайло. Не хочу, не хочу! Не стану стрелять. Его благородие смеется над нами. *(Садится.)* А есть все же хочется.

Солдат. Эх, кабы теперь подала хозяйка лавреничков, этих, знаешь, треугольничков...

Михайло. Лавреничков! Какой-то у вас, у московских, язык лубяной. Сколько меж нас трешься, а до сих пор не можешь выговорить: ва-ре-ни-ков.

Солдат. Ну, вареников!.. Да что ты, Чупрун, о московских так плохо думаешь? Да я как захочу, то по-вашему говорить буду не хуже тебя.

Михайло *(хладнокровно)*. Чудеса! Может, и запоешь по-нашему?

Солдат. А почему же и нет? Слушай в оба!

Михайло. Слушаю, слушаю. Послушай и ты, Тетяна!

Солдат *(поет)*.

Ой, был, да нема, да поехал на мельницу,
Бедна моя головушка, одна дома осталась! (2)

Дивчина моя, Переяславка!
Дай же мне поужинать, моя ласточка! (2)

Ох, я бедняжка, я ж не топила,
За водою как пошла, ведра побила. (2)

А домой пришомши — печку развалила,
За то меня родимая чуть-чуть не ушибла. (2)

Михайло и Тетяна сильно хохочут долгое время.

Солдат *(на их глядя, тоже смеется и после говорит)*. Что ж вы смеетесь? Разве худо спел?

Михайло и Тетяна *(вместе)*. Хорошо, хорошо, ничего не скажешь.

Михайло. Попал пальцем в небо! *(Смеется.)*

Тетяна. Сработал на скорую руку! *(Смеется.)*

Михайло. Где ты этому научился? Ну и диковина! И понять ничего нельзя — вот уж истинно по-нашему. *(Смеется.)*

Солдат. Да спой-ка ты хотя одну русскую песню. Ну, спой!.. Э, брат, стал!

Михайло. Вашу? А какую? Может, соколика или кукушечку? Может, лапушку или кукушку? Может, рукавичку или подпоясочку? Ну тебя с твоими песнями! По правде сказать, и перенимать в них нечего... Жинка, нука спой по-нашему ту песню, что солдат пел. *(К солдату)* Сядь да послушай, как она поется.

Тетяна. Ладно, муженек, спою. *(Поет)*

Ой, був, та нема, та поіхав до млина,
Бідна моя головонька, що я дома не була! (2)

Дівчино моя, ти ж моя мати!
Довго ж мені, мое серце, без тебе скучати. (2)

Дівчино моя, Переяслівко,
Дай мені вечеряти, моя ластівко! (2)

Я ж не топила, я ж не варила,
По воду пішла — відра побила. (2)

А до дому пришла — піч розвалила.
За те мене моя мати трохи не побила. (2)

Михайло. Ну что, как?

Солдат. Ну что и говорить! Ведь вы — природные певцы. У нас пословица есть: хохлы никуда не годятся, да голос у них хорош.

Михайло. Никуда не годятся? Нет, служивый, это ваша пословица никуда не годится. Я тебе коротко скажу. Теперь уже не то, что раньше было: искра смекалки разгорелась. Загляни в столицу, в одну и в другую, да загляни в сенат, да пойди по министрам, вот тогда и говори — годятся наши куда-нибудь или нет!..

Солдат. Спору нет, что нонче и ваших много есть заслуженных, способных и отличных людей даже и в армии, да и пословица-то идет, вишь ты.

Михайло. Пословица?.. Коли на то пошло, так и у нас немало есть их про москалей. Такая, например: с москалем знайся, а камень за пазухой держи. Почему она появилась, сам, умный человек, догадаешься.

Тетяна. Полно вам спорить. Теперь что ваш, что наш — все равны: все одного отца, царя белого, дети. Только в том разница, что одни очень бойки, а другие посмирнее... Муженек, уж поздно, может, время спать ложиться?

Михайло. Да что-то и сон не берет, коли есть хочется.

Солдат. Да, с тощим брюхом плохой сон будет...

Михайло. Хоть бы ты, Тетяна, что спела! Может, в животе полегчало бы.

Солдат. В самом деле, спой, Танюша, что ни есть.

Тетяна. Может, русскую, что меня одна женщина с Дона учила?

Солдат. Ну-тка, ну, спой русскую. Верно, так же споешь, как я вашу.

Михайло. Послушай, а тогда и говори. Может, и понравится.

Солдат. А как эта песня начинается?

Тетяна. «Больно сердцу...»

Солдат. О, эту и я знаю, — начинай, хозяйка, и я стану подпевать.

Тетяна и солдат *(поют)*.

Больно сердцу мила друга не иметь,
Скучно, грустно одиночкою сидеть.

Кто со мною час приятный разделит?
Кто слезою меня в горе подарит?

И цветочек лишь от дождика цветет,
Так и сердце лишь занятием живет.

Где для сердца мила друга мне найтить?
Чувства перед кем души своей открыть?

Ах! Люблю я — но сказать того боюсь,
Без уверенности я любви страшусь.

И без слов любовь мне можно доказать,
Сердце знает, как и друга испытать.

Буду молча нежно друга я любить,
Буду молча радость, скуку с ним делить.

Михайло. А что? Хороша песня?

Солдат. Правда твоя. Да и жена твоя славно поет.

Тетяна. Не очень и славно, а так, как ты пел «Мельницу».

Михайло. А есть все-таки хочется.

Солдат. Хочешь, хозяйка, я тебя выручу и накормлю твоего мужа, тебя и себя?

Михайло. А ну, ну? Каким же способом?

Солдат. Каким способом? Ведь я чародей. Захочу, прикажу — вот и кушанье будет на столе.

Тетяна. Чур меня! Может, страшно будет, либо еда бог знает откуда возьмется. *(К мужу)* Вот уже и ты есть захотел, что малое дитя. *(Обоим)* Ложились бы спать, а я раненько встану и наварю вам завтрак.

Михайло. Когда еще будет этот завтрак, а тут есть хочется, прямо в животе корчит.

Солдат. Дай волю, хозяйка, — вмиг будет кушанье. *(Вынимает шомпол, делает разные взмахи, после ставит*

Михайла и Тетяну вместе и говорит им) Стойте смирно, не шевелитесь, зажмурьте оба глаза и выговорите громко слова, какие скажу: «Бердень, бердень, Ладога моя!»

Хозяева повторяют и открывают глаза.

Теперь объявляю вам, что жареная курица и колбаса в каморке у вас спрятаны. Поди, хозяин, сыщи и принеси сюда.

Михайло. Где же там спрятано? Теперь, в темноте, как его найдешь?

Солдат. Все вместе лежит под... как, бишь, оно? Сказывай, хозяйка, что у вас там есть?

Тетяна. Мало ли чего там у нас. Ну — бочка.

Солдат. Нет.

Тетяна. Дежа, корыто, лотки, горшки, макитры, поставец, лукошко, ковшик, подсито, решето?..

Солдат. Нет, нет!

Тетяна. Больше нет ничего.

Михайло. А кадка?

Солдат. Да, да! В кадке или под кадкой. Ступай скорее, хозяин, забирай кушанье и приноси сюда.

Михайло *(чешет голову и показывает неохоту)*. А не будет страшно?

Солдат. Отчего страшно? Ступай смело, не бось!

Михайло. Жинка, засвети огарок.

Тетяна зажигает огарок и отдает мужу, который, отходя, говорит.

Гляди ж, служба, если перепугаюсь, то не прогневайся.

Солдат. Ступай, ступай! Да не съешь один колбасу!

Михайло с смешными ужимками уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Солдат и Тетяна.

Солдат *(треплет по плечу Тетяну)*. Ну, хозяйка, каков я чародей?

Тетяна. Большой!.. Но более хитрец — настоящий солдат.

Солдат. Да и ты лукава. Зачем ты мне ужинать не дала?

Т е т я н а. А к чему ты такой шум поднял? Если бы ты ласково обошелся со мною, я бы и накормила тебя.

С о л д а т. Полно притворяться. Тебе досадно стало, что я помешал тебе.

Т е т я н а. Ты обижаешь меня, служивый. Правда, ты сторонний человек; застал меня одну с паничем вечером, — тебе может всякое в голову прийти. Но если бы ты знал меня лучше, то лучше бы и обо мне думал. Никогда не спеши осуждать.

С о л д а т. Нет, моя милая, я ничего дурного о тебе не заключаю. Я узнал тебя: ты женщина хоть и молодая, но умная и честных правил. Самая робость твоя и торопливость доказали твою невинность. Положись на меня: я избавлю тебя от хлопот. В свете часто случается, что и добродетель кажется подозрительною.

Т е т я н а. Со мною так теперь и случилось; бог тебе порукой, что у меня и на уме не было...

С о л д а т. Верю, верю, милая. Я и бедного арестанта скоро выпущу.

Т е т я н а. Мне до него нужды мало. Его надо бы хорошенько проучить, чтоб не лез, как оса на сахар, и не дурачил чужих жен. Очень он мне надоел!

С о л д а т. Изволь, проучу его путем и отважу подлипать к чужим женам.

Т е т я н а. Ты, может, его искалечишь? Бока ему не отбей.

С о л д а т. Не бось, я пользу сделаю ему, а не вред... Вот и муж твой идет.

ЯВЛЕНИЕ 9

Т е ж е и М и х а й л о.

М и х а й л о *(громко, за кулисами)*. Отвори, жинка! Жинка, отвори!

Т е т я н а *(отворяя)*. Что ты шумишь так, будто кто за тобою гонится?

М и х а й л о *(с досадою)*. Гонится? Что с того, что не гонится! Волосы дыбом встают, и кажется, будто меня кто за шиворот ловит. Да и огарок погас.

С о л д а т *(весело)*. Ну, хозяин, все ли так было, как сказано?

Михайло *(ставит принесенное на стол)*. Гляди ж ты, все так и было. Курица да колбаса жареная под кадкой нашлись, да еще кое что — и даже в наших мисках. *(Подозрительно)* Жинка!!

Тетяна. Вот тебе и раз! Все люди на одном базаре миски покупают, у одних гончаров — вот и миски одинаковые.

Солдат. Ты вздор замолол, хозяин. Я лучше знаю все это. Выпьем-ка по одной перед ужином. *(Наливает и пьет.)* Здравствуй, хозяин!

Михайло *(наливает и пьет)*. Будьте здоровы, господин служба! *(Едят с солдатом колбасу.)* Жинка, голубка, милая Тетяся. Нет ли чем запить эту вкусную колбасу?

Тетяна. Чем же ты запьешь? Водою разве?

Михайло *(повелительно)*. Нет, не водой, а оставалась бутылка спотыкача. Поди принеси, если ни с кем ее не высушила.

Тетяна. Есть, есть. Кого бы я без тебя угощать стала. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Тетяны.

Солдат. У тебя жена добрая, хозяин.

Михайло. Ты что, в шутку так говоришь иль по правде?

Солдат. Без шуток. Молода, пригожа и, кажется, тебя любит.

Михайло. Разве то, что молода и хороша, мешает ей меня любить? Она у меня добрая и верная жена, только уж очень бойка, шаловлива и насмешлива. Уж если попадется ей какой-нибудь увалень, так она его поднимет на смех и рада, если доведет до того, чтоб этому дураку и бока намяли. Достается от нее иногда всем этим приезжим пустобрехам-канцеляристам. Ну и смешные же они! Такие беспечные, такие глупые: всему верят, всему удивляются, всего боятся.

Солдат. Однако к чужим женам подлипать не боятся, словно как будто военные. Мне случалось видеть их храбрость при таких замашках.

Михайло. О своей жене скажу, что не боюсь ничего.

Солдат. Бывает и на старуху проруха. Не потачь, хозяин, у каждого есть свои блохи.

Михайло. Сохрани бог, — если б я свою подстерег в чем, тут бы надавал ей тумаков.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Тетяна (наливку ставит на стол).

Михайло. А ну, сударь! Вот я вас попотчую добрым спотыкачом. *(Наливает и подносит солдату.)*

Солдат *(выпивает)*. Вот славная наливочка! Кто ее делал?

Михайло. Жинка моя, Тетяна.

Тетяна. Я, я. И даже из вишен своего садика. А солдат думает, что я ничего не умею.

Михайло *(выпивая)*. Она! Она! Ведь она у меня клад, а не жена!

Солдат. Ты счастлив, хозяин: жена у тебя хороша и наливка недурна. *(Наливает.)* За здоровье чернобровой Тетяны! *(Пьет.)*

Михайло *(наливает)*. Будь здорова, моя рыбка, перепелочка! *(Пьет.)*

Тетяна *(наливает)*. Спасибо! За здоровье солдата-чародея!.. *(Отведывает и отдает мужу.)*

Михайло. На здоровье, ваша милость чародей!

Солдат *(наливши)*. Благодарствуйте, завидная парочка! *(Пьет.)*

Михайло. Вот уж моя Тетяна — черноброва и румяна! *(Поет)*

С того часу, как женился,
Я с заботами простился.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна!

За Тетяну всё отдам,
С ней живем мы по душам.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна!

За Марусю дам пятак,
У Маруси всё не так.

Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна.

Жить мне стало веселей
От Тетяниных бровей.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна.

Как Тетяна засмеется,
В душе радость отдается.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна.

Солдат. Ай, хозяин! Да ты, брат, хват!

Тетяна. А ты думал, что у меня муж из последних? Не бойся, постоит за себя. *(Поет)*

Будь мой муж хоть мужичок с кулачок,
А я буду ему верной женой.
За него я схоронюсь, схоронюсь,
Никого я не боюсь, не боюсь. } (2)

Ко мне долго городской приставал,
Всё любовью донимал, донимал.
И словечко я сказать не дала,
А его любовь трясла да трясла. } (2)

«Молодица, чья ты, чья, говори!
Дверь мне в хату отвори, отвори!»
— «Поди к черту! Уходи, уходи!
У ворот меня не жди и не жди!» } (2)

Михайло. Истинно так, прошу прощения у вашей милости. Нас кругом пальца не обведешь, у нас ремешка за лычко не выменяешь.

Тетяна. Ну, теперь время уже спать ложиться.

Солдат. А я поразмялся так, что и сон прошел. Хотите ли, хозяева, я вас потешу?

Михайло. Потешь!.. Но чем же и как?

Тетяна. Да полно вам веселиться-то. Спать пора.

Солдат. Успеешь, хозяйка, выспаться. Хотите ли, я покажу вам старшого, с которым все делаю?

Михайло. Старшого? Это того, что плотины рвет?

Тетяна. Чур! Чур! Может, того, что в хате и поминать нельзя. *(Плюет.)*

Солдат. Ну да что ж! Ведь беды никакой не будет, ни страха. Он явится в человеческом виде, коли хотите.

Михайло. В человеческом? Какого же человека?

Солдат. Какого хотите.

Все молчат.

Тетяна. Знаешь что, муженек? Пусть явится, каким я задумала, и о том солдату скажу. Посмотрим, сделает ли.

Михайло. Ладно, показывай! Говори.

Солдат. Изволь, сказывай, в каком хочешь образе видеть.

Тетяна. Пускай твой старшой покажется паничем Финтиком, что в нашем селе проживает, и чтобы в такой одежде, какую он носит.

Солдат. Да платья-то, думаю, много есть у него. Так в каком прикажешь его представить?

Михайло. В таком, какое носил сегодня.

Солдат. Изволь.

Михайло *(жене)*. Я не верю солдату. Он хвастает.

В сие время солдат берет уголь и вынимает шомпол, расставляет мужа и жену по сторонам сцены, очерчивает их кругами, завязывает платками глаза. Становится сам посреди сцены и спрашивает важным тоном и переменным голосом.

Солдат. Откуда хотите, чтоб сатана в виде панича вышел?

Михайло *(боязливо)*. Пускай жена скажет.

Тетяна. Из подпечья.

Михайло *(в сторону)*. Ой, хитра, что твой бес!

Солдат. Не робейте, не бойтесь ничего; не говорите ни слова, не отзывайтесь и с круга ни ногой не выступайте; а не то — быть бедам!

Михайло. А с завязанными-то глазами его увидишь?

Солдат. К повязке не дотрагивайтесь. Я сам сниму ее, как придет время.

Михайло. Господин служивый! А может, лучше этой потехи не показывать? Меня цыганский пот прошибает.

Солдат.

Тара, бара,
Гала, бала.
Во всех углах
Трах-тарарах!
Из печного дна
Вылезай, сатана!

При сих словах Михайло показывает смешные кривлянья. Финтик вылазит из-под печки. Солдат ему помогает, заслоняет печку. Становит на свое место и делает ему знак молчать, после подходит к жене, развязывает глаза, после к мужу за тем же. Михайло, увидя Финтика, показывает знаки ужаса и изумления. Тетяна то же хочет сделать, но неудачно притворяется.

Михайло *(оправляясь)*. А можно, вашество, с ними побеседовать?

Солдат. Нельзя: голос его сильнее грома; когда заговорит, из глаз его засверкают молнии, а из ушей дым пойдет коромыслом. Ты не перенесешь такого ужаса.

Михайло. А жинка перенесет?

Солдат. Нет.

Тетяна. Неправда, перенесу. *(Выходит из круга и говорит к мужу)* Муженек! Солдат подшутил над тобой. Я тебе все теперь расскажу. Этот панич не черт, а настоящий Финтик, но своими умыслами походит на черта.

Михайло. Как же это так?.. Вы меня вправду морочите или на смех поднимаете? Я ничего разобрать не могу. А горилка? А закуска под кадкой?

Солдат смеется.

Тетяна. Все это не колдовство. Послушай. Три недели уже, как этот панич приехал в наше село к своим родичам и, дознавшись, что тебя нет дома, зачастил ко мне. Я сперва думала, что он ходит, потому что ему дома делать нечего. Ан нет! Стал он мне говорить, что меня любит, что без меня скучает, чтоб была я с ним ласкова, что, коль мужа нет дома, то и другого не грех полюбить, потому что так на свете водится. И так он мне этими и еще худшими разговорами надоел и опротивел, что мне вздумалось над ним посмеяться. Вчера он дал денег, чтоб я сегодня ужин для него справила. Купила я горилки, курицу, колбасу, но еще до ужина пришел солдат. Я было обрадовалась, что на Финтиков счет угостится служивый. Но этот служивый поднял такую кутерьму, словно черт

на мельнице. Я отправила его спать голодного, но он, видно, не спал и подслушал, как я Финтику рассказывала, где спрятала горилку и закуску. А тут как раз ты вернулся с дороги. Солдат и пустился на хитрость, сказав, что он, мол, чародей. Вот тебе и вся правда. А ты знаешь, что я тебе никогда не вру и не обманываю тебя.

Михайло. Так вот оно что!.. Э! *(К солдату)* Господин служба! Так ты не чародей, а этот панич не... Дух святой с нами! Горилка и закуска не от того, кого в хате и назвать не годится! Так?

Солдат. Точно все так, как тебе жена пересказала. А притом я хоть и солдат, а ручаюсь тебе, что жена твоя, по всем моим замечаниям, никакого шаловства с этим фертиком не имела.

Михайло. Мне и самому сдается, что от моей жинки не след бы ожидать городского, прошу вашу милость простить, безобразия. Да теперь чудно как-то на свете...

Тетяна. Не греши, муженек! Кто виноват, тот виляет, как собака в челне. Погляди на меня и на панича — сразу угадаешь, кто грешен, а кто праведный.

Солдат. Вот оправдание, которое и строгий кригсрехт уважил бы. Поступим с виновным по воинским артикулам.

Финтик. Прошу милосердия, пощады и прощения. *(Становится на колени и поет)*

Помилуйте, вас прошу:
Ей-же-ей, покаюсь!
И прельщатися чужим
По смерть зарекаюсь.

Я — бездельник, признаюсь,
Дурень неизменный!
Я — проныра и крючок,
И хапун отменный...

Искуплю свои грехи,
Стану лучше вдвое
И клянусь я жен чужих
Оставлять в покое.

Солдат. Как же тебе поверить, когда ты крючок! Тебе непременно надо сделать наказ на спине и на ребрах. *(Делает знаки руками.)*

Финтик *(с испугом)*. Ой, ой, умилосердитесь!

Тетяна *(к Солдату)*. Не будем столь строго судить других, но только себе ничего зазорного не простим. *(Финтику)* Слущай. *(Поет)*

Дать тебе бы
Хорошенько,
Чтоб ты научился!

Михайло.

Жен обхаживать обманом
В другой раз страшился. } (2)

Тетяна.

Ты за чванство,
За лукавство
В сети сам попался.

Михайло.

Проучить тебя бы
Надо,
Чтоб к чертям убрался! (2)

Тетяна.

Признавайся,
Оправдайся, —
Иль получишь славно.

Михайло.

Не кусай
Людей ты добрых
Тайно или явно.

Финтик.

О, горе мне, грешнику сущу,
Ко оправданию ответа не имущу!
Как и чем могу вас ублажити?
Ей, от сего часа буду честно жити!

Михайло. Смотри же! Встань и послушай, что я тебе скажу. Мне полагалось бы больше всех проучить тебя, но я прощаю тебе низость твоей души, только обещай нам никогда не забывать, какого ты роду, почитать мать свою, уважать старших, не обижать никого, не подлаживаться к чужим женам, а мою Тетяну за тридевять земель обходить. А не то дадут тебе такой березовой припарки, что и правнукам закажешь.

Солдат. И небо с овчинку покажется.

Тетяна. И в могиле больно будет.

Финтик. Милостивые благодетели! Ваше великодушие проникло в мою совесть. Она пробудилась и представляет мне докладный регистр моих бесчинств. Стыжусь моих злых окаянств и сам себе кажусь презрительным, как за дурные поступки противу моих родных, равно и противу всех людей. Теперь все силы употреблю доказать на деле мое исправление. Буду всем рассказывать сегодняшнее мое приключение и солдата-чародея, дабы пример мой послужил ко исправлению всех и каждого.

Солдат. Поэтому правда, что шутка, кстати сделанная, больше делает иногда пользы, чем строгие наставления.

Все *(хором)*.

Надо дружно с людьми жить,
Надо так жену любить,
Чтоб от бога не грех,
Чтоб и людям не в смех. } (2)

Финтик.

Всем теперь скажу я смело:
Не пойдет впрок злое дело, —
Хоть удастся один раз,
Попадешься в должный час. } (2)

Все.

Надо дружно с людьми жить,
Надо так жену любить,
Чтоб от бога не грех,
Чтоб и людям не в смех. } (2)

Тетяна.

Паничи, остерегайтесь,
Безрассудно не влюбляйтесь,
Шкодит кто в дому чужом,
Будет бит тот батожьем. } (2)

Все.

Надо дружно с людьми жить,
Надо так жену любить,
Чтоб от бога не грех,
Чтоб и людям не в смех. } (2)

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Котляревского вышло три издания «Энеиды»; из них только третье было подготовлено самим автором: «Енеида на малороссийском языке перелицованная И. Котляревским, иждивением М. Парпуры», СПб., 1798; «Виргилиева Енеида на малороссийский язык перелицованная И. П. Котляревским, иждивением М. Парпуры», изд. 2, СПб., 1808; «Виргилиева Энеида на малороссийский язык преложенная И. Котляревским, вновь исправленная и дополненная противу прежних изданий», СПб., 1809. Издания 1798 и 1808 гг. содержали три части поэмы, издание 1809 г. — четыре. Последние две части «Энеиды» были написаны поэтом в 1821 г. По крайней мере, предлагая отрывки из пятой части «Соревнователю просвещения и благотворения» (1822, ч. 17, с. 98—102 и 1823, ч. 11, с. 162—168), Котляревский писал Н. И. Гнедичу 27 декабря 1821 г.: «Признаюсь перед Вами, что 5-я часть очень слаба и натянута; в ней случилась сухая материя, которую надобно было чем-нибудь размачивать; я как кончил ее, то перекрестился. Что же касается до 6-й, то будет чем полюбоваться» (І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, Київ, 1953, с. 84). В этом же письме поэт обсуждал предположение относительно возможности издания всей поэмы в полном ее виде. «Я даже согласен уступить Энеиду в вечное и в потомственное наследие того, кто захочет ее иметь, но срок на с⟨емь⟩ лет длиннее кажется моего века, а мне не иначе можно по моим обстоятельствам согласиться как на три или четыре года, и то когда кто приобретет Энеиду в вечность. Для меня в особенности было бы приятно и чувствительно, если бы Вы были посредником сбыть с рук моих Энеиду; Вы чрез сие сделаетесь моим благотворителем, и я Вашим пособием вкусил бы плоды двадцатишестилетнего моего терпения и посильных трудов» (цит. соч., с. 84—85). Несколько лет спустя, в августе 1827 г., Котляревского посетил молодой литератор Н. А Мельгунов, имевший с украинским поэтом обстоятельный разговор о возможностях издания полной «Энеиды». Об этом разговоре Н. А. Мельгунов так рассказывал М. П. Погодину, рассчитывая на прочные его связи с книгоиздателями: Котляревский, писал Мельгунов 7 августа 1827 г., «просил меня предложить книгопродавцам Московским, не пожелают ли купить полную его перелицованную Энеиду на одно издание, или

в вечное, потомственное владение. В последнем случае он несколько дорожится, хотя при дальнейшей сделке, верно, и уступит: он хочет около 2000. Но право на одно издание с полным заводом 1200 экз. может быть очень выгодно для издателя. До сих пор изданы только три первых песни; четвертая была однажды напечатана самим автором, но ее уже более нет в продаже; остальные же две песни им еще не изданы. Поэма им доведена до конца; к ней присовокуплен Словарь м(ало)р(оссийских) слов и речений, встречаемых в оной; за все это он просит 2000 рублей. Если положить за каждый экземпляр по 5 руб., что умеренно, ибо все 6 песней могут составить 4 порядочных тома 8°, то все-таки может очиститься издателю около 4000 р., включая расходы тиснения. (...) Здесь в М(алой) Р(оссии) найдется много на нее охотников: малороссияне читают ее всегда с новым, особенным удовольствием, а прибавление двух, или, можно сказать, трех еще неизвестных песней возбудит в них новое любопытство, и успех с этой стороны верен. Я равно уверен, что и всякий просвещенный россиянин не останется равнодушным к единственному произведению м(ало)российской словесности, памятнику языка, принадлежащего народу, некогда славному, и который вместе с ним, вероятно, скоро исчезнет вовсе и будет жить в одном этом памятнике. Издание этой поэмы, и издание рачительное, классическое, было бы благим делом, и потому, по моему мнению, стоило бы хлопот и старания, к тому же еще при жизни автора, который по национальной лености предоставил оное, как видно, на произвол судьбы. Поговорите-ка обо всем этом с Селивановским: он может прямо отнестись к Ивану Петровичу Котляревскому в Полтаву, или через меня, по возвращении моем в Москву» (Ю. Оксман, К истории опубликования «Энеиды» И. П Котляревского. — «Атеней, историко-литературный временник», кн. 3, Л., 1926, с. 153—154). Возвратившись в Москву, и сам П. А. Мельгунов принялся хлопотать об издании «Энеиды», однако 12 июня 1828 г. был вынужден известить автора об упорных своих неудачах. «Не знаю, как выразить Вам все замешательство, которое я теперь ощущаю; не знаю, как оправдать себя в столь продолжительном молчании. Скоро совершится год, как я в последний раз имел удовольствие быть у Вас в Полтаве и получить лестный для меня подарок Ваш — экземпляр «Энеиды». С тех пор я несколько раз осведомлялся и справлялся у здешних книгопродавцев, не пожелают ли купить «Энеиду» Вашу, и с прибавлениями 2-х послед(них) песней, и какую назначат за нее цену. Но многие от нее вовсе отказывались, говоря, что сия книга мало найдет себе охотников в России и что не иначе как в М(алой) России следовало бы издать ее; другие давали 800 и 1000 руб. Из числа последних Ширяев. Г-н Полевой, издатель «Москов(ского) Телеграфа», брался напечатать ее на свой счет с тем, чтобы ему, по выручке, возвращен был употребленный на то капитал и с законными процентами. Многие брали ее на комиссию, но ни один решительно не согласился дать и половинной цены той, какую Вы назначили. Уверяю Вас, что я с своей стороны прилагал всевозможное старание к выгодной для Вас сделке, но все осталось тщетным. Теперь остался один способ: отнестись к С.-П(етер)бургским книгопродавцам с сим предложением; хотя и сей способ не очень верен, ибо Сленин печатает одни *новые* книги, Глазунов одни сонники и песенники, а Смирдин взял на себя огромные пред-

приятия, которые едва ли решится умножить новыми. Не попытать ли харьковских книгопродавцев?» («Киевская старина», 1883, № 5, с. 151).

Нам неизвестны дальнейшие попытки самого Котляревского и его доверенных лиц относительно издания поэмы. Только 16 сентября 1837 г., отвечая на какое-то предложение петербургского книгопродавца и издателя И. Т. Лисенкова, поэт сообщал, что «Энеиду кончил вполне до тех мест, как и Виргилий написал; она у меня в 6-ти частях переписана и исправлена, только печатать; если Вы намерены взять на себя печатать, то заплатите мне две тысячи рублей денег ассигнациями и 25 экземпляров для меня пришлете по отпечатании; а я Вам Энеиду пришлю и доверенность на напечатание, получивши от Вас половину денег» (І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, Київ, 1953, с. 91). Однако и Лисенков поэмы не издал, и ее издание было поручено, вероятно при посредничестве И. И. Срезневского, харьковскому книгопродавцу И. Волохинову; самая книга вышла в свет только в 1842 г., уже после смерти автора: «Виргилиева Энеида на малороссийский язык переложенная И. Котляревским», Харьков, 1842. По этому изданию печатались все последующие издания поэмы; оно легло в основу академического издания сочинений Котляревского: І. П. Котляревський, Повне зібрання творів у двох томах, т. 1, Київ, 1952; т. 2, Київ, 1953. Из автографов «Энеиды» сохранилась только рукопись шестой части, частично переписанная набело, частично — в черновом виде (см.: Я. Айзеншток. Студії над текстами І. Котляревського. — «Записки Історично-філологічного відділу Української академії наук», кн. 10, 1927, с. 80—82). Многочисленные списки «Энеиды» неоднократно подвергались исследованию (см., например: П. Житецкий, Энеида Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII века, Киев, 1900; М. Марковський, Найдавніший список «Енеїди» І. П. Котляревського й деякі думки про генезу цього твору, Київ, 1927; І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 1, Київ, 1952, с. 366—503), хотя их текстологическая ценность остается недостаточно выясненной.

Публикуемый в настоящем издании перевод «Энеиды» сделан В. А. Потаповой по академическому изданию и, почти без изменений, перепечатывался дважды: И. П. Котляревский, Энеида. Перевод с украинского Веры Потаповой, М., 1961; И. П. Котляревский, Энеида. Перевод с украинского Веры Потаповой, «Библиотека поэта», Малая серия, М. — Л., 1964. Кроме того, в советское время (до революции на русский язык переводились только незначительные отрывки) были изданы полные переводы «Энеиды» И. Я. Бражнина (1952, 1955) и К. В. Худенского (1952, 1956).

Часть первая. *«До ляса»* — польское идиоматическое выражение, обозначающее стремительное, паническое бегство; в украинском обиходе и народной поэзии бытует начиная с XVII в. *Уж не видать бедняге Рима.* По римской мифологии, Энею было обещано богами, что он станет основателем города Рима и могущественного римского государства, основоположником великой династии правителей. Позднее к Энею возводили родословную Юлия Цезаря. *Как пану хану — Крыма.* Намек на присоединение к России Крымского ханства в 1783 г. и утрату крымскими ханами всяких собственниче-

ских прав на Крым. *Рыбу с Дона.* На Дон (так же, как на Кубань, в Крым) за соленой и вяленой рыбой обычно ездили с Украины чумаки, торговавшие затем рыбой оптом и в розницу, даже за границей: в Польше, Германии, Австрии и пр. *«Не до соли»* — украинская народная приговорка. Ведет начало от народного анекдота о пляшущем парубке, который на замечание, что у него из дырявого мешка сыплется соль, отвечает: «Теперь мне не до соли». *В корчму на танцы.* Около корчмы, стоявшей обычно на краю села, собиралась молодежь на танцы, приглашались музыканты, затевались игры и пр. *Крест-накрест перевит ремнями...* *Меркурий* и т. д. Поскольку в античной мифологии Меркурий-Гермес был вестником богов, Котляревский одел его под русского почтальона конца XVIII — начала XIX вв. Ср. в этой же связи ниже описание «таратайки» почтальона.

Часть вторая. *Громада* — сельский или другой какой-нибудь общественный сход на Украине, решения которого считались непререкаемыми: «Громада — большой человек», «Как громада скажет, так и будет». Ср. немного ниже упоминание об «одном троянце», имевшем мнение, противоречившее мнению всей громады. *«Со святыми»* — Кондак (т. е. краткая молитвенная песня) из заупокойной службы православного обихода — «Со святыми упокой...». *Пожившы школяры искали.* Ср. в «Вие» Гоголя рассказ о том, как бурсаки, «как только завидывали в стороне хутор, тотчас сворачивали с большой дороги и, приблизившись к хате, выстроенной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь рот начинали петь кант. Хозяин хаты, какой-нибудь старый казак-поселянин, долго их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал прегорько и говорил, обращаясь к своей жене: «Жинко! то, что поют школяры, должно быть очень разумное; вынеси им сала и чего-нибудь такого, что у нас есть!» И целая миска вареников валилась в мешок». *Как будто у ворот Орда.* Вплоть до окончательного покорения Крыма, татарские войска часто вторгались на территорию Украины. *Черноморский казак.* Часть запорожских казаков, выселившихся после ликвидации Сечи за Дон, в прикубанские степи, держала там оборону так называемой «черноморской линии» и образовала особое казачье войско. *Литвин заезжий.* Странствующие литовцы с дрессированными медведями — одно из традиционных народных увеселений в старой Украине. *Бывал в Силезии с волами* и т. д. Невтесу-Охриму Котляревский сочинил биографию старого чумака, ездившего на своем долгом веку в Силезию с обозами, в Крым — за солью, туда же, в Крым, и на Дон — за таранью. *Кобылья голова* — фантастическое чудовище из украинских народных сказок.

Часть третья. *О Сагайдачном распевали* и т. д. В этой строфе перечислен ряд старинных украинских песен: про гетмана малороссийского Петра Конашевича-*Сагайдачного* (ум. 1622) — «Ой, на горі та женці жнуть...»; про Запорожскую *Сечь* (таких песен очень много, и очень трудно с уверенностью сказать, какую именно имел в виду поэт, — возможно, одну из последних по времени и наиболее подходивших ко всему контексту поэмы песен об уничтожении Сечи); про *вербовку пикинеров* — так назывались пешие или конные войска, вооруженные пиками; в 1783 г. казацкие пикинеры были пре-

образованы в несколько полков легкой кавалерии; про *Полтавскую победу,* т. е. победу над шведами 27 июня 1709 г.; про взятие Бендер *(как мы Бендеры воевали)* — либо во времена Богдана Хмельницкого, либо в 1709 г., когда Карл XII, после поражения под Полтавой, искал защиты за стенами Бендер; неоднократно овладевали русские войска Бендерами и в русско-турецких войнах XVIII в. Возможно, в частности, имеется в виду осада Бендер в 1789 г., когда в мокрую, «гнилую» осень русские войска терпели многие лишения («без галушек помирали»). *Земельку эту Кумской звали.* Кумы считались одной из наиболее старых греческих колоний в Италии. *Я, знаешь, Кумская Сивилла* и т. д. Сивиллами римляне называли легендарных женщин-пророчиц; наибольшей известностью среди них пользовалась Кумская сивилла, которой приписывалось составление волшебных «сивиллиных книг», содержавших изречения и предсказания, записанные первоначально на пальмовых листьях. Книги эти хранились в особом святилище и были окружены глубокой тайной, доверенной немногим особым жрецам. Котляревский создает своей Сивилле биографию, основанную на действительных событиях истории Украины: она была девушкой при шведах, т. е. в годы, когда Северная война между Россией и Швецией (1700—1721) проходила на Украине, — 1708—1709 гг.; замуж она вышла («стала молодицей») «при татарах», — вероятно, в годы русско-турецкой войны 1735—1738 гг., когда крымские татары особенно часто делали набеги на степную Украину. Первый налет саранчи на Украину, надолго запомнившийся в народе, относится к 1748—1749 гг. В следующих строфах Сивилла рисуется как сельская колдунья-ворожея и целительница, знающаяся с «нечистой силою», но не чуждающаяся также «добрых дел». *Не сладили и с Геркулесом* и т. д. Среди основных двенадцати подвигов Геркулеса-Геракла античная мифология упоминала о том, что он одолел в схватке стража Аида — Кербера, связал его и привел к царю Эврисфею. По другим сказаниям, Геракл вывел из Аида жену Адмета Алкестиду и героя Тесея; при этом у врат царства мертвых Геракл сразился с самим богом Аидом (Плутоном) и ранил его. Таким образом, возможный круг сказаний, на которые намекал Эней у Котляревского, весьма широк. *Сломивши ветку золотую.* У Вергилия золотая ветвь, с которой Эней должен был явиться к Прозерпине, является символом жизни. Обычно Прозерпина изображалась с факелом в одной руке и с плодом граната в другой. *Вергилий рассуждал умно* и т. д. Имеется в виду шестая песня «Энеиды» Вергилия, в которой описано путешествие Энея в царство Плутона; возможно, впрочем, что Котляревский имел в виду роль Вергилия в «Божественной комедии» Данте, где он сопутствует поэту в блуждании по кругам ада. *С остриженными головами* и т. д. В старое время и вплоть до второй половины XIX в. на Украине женщин, уличенных в развратном поведении, с насмешками и издевательствами водили по селу, обрив им предварительно головы и подрезав высоко подол. *Явился перевозчик* и т. д. Имеется в виду Харон, перевозивший, в послегомеровских сказаниях, души умерших через реку Стикс (Лету) к вратам царства Аида и получавший за то от умерших плату; для этого покойникам обычно клали при похоронах под язык мелкую монету. *Свирепый пес* — трехглавый пес Кербер, или Цербер, охранявший врата подземного царства (см. выше упоминание о битве с ним

Геракла). *В гречку с кем-нибудь скакали* — народное выражение, обозначающее нарушение супружеской верности. *Нарушив заповедь восьмую.* Восьмая из так называемых Моисеевых заповедей — «Не укради». *Шептух и ведьм колесовали* и т. д. Далее перечисляются некоторые виды колдовства, бытовавшие в украинском селе. *Вернигора Мусий* — обобщенный образ богатыря в украинских героико-фантастических сказках. Наделенный сказочной силой, он выворачивает горы, переносит их на другое место и т. д. *От бабы скверной, криворотой* и т. д. Речь идет об одной из эринний, богинь мщения, живущих в подземном царстве. В античном искусстве эриннии изображались обычно в виде безобразных старух со змеями вместо волос и с бичами или факелами в руках. *Не те, что рявкают «и паки»* — православные священнослужители разных рангов. *Попали в податной оклад,* т. е. достигнув совершеннолетия и получив в «сиротских домах» какую-то специальность, приписались к одному из «податных сословий», стали полноправными гражданами, в понимании того времени. *Будь сотник ты или значковый* и т. д. — различные чины казацкой верхушки, или, как ее обычно в то время называли, казацкой старшины. *В ворона играть.* В записной книге Гоголя есть такое описание этой девичьей игры: «Одна, взявшись за другую, вереницею кроется под начальством передней, защищающей их от одной, представляющей ворона. Когда ворону удается поймать которую-нибудь из них, выключая предводительствующей, он становится в ряд, а пойманная представляет уже ворона» (Гоголь, т. 9, Л., 1952, с 511). *Паклю жгли.* Один из видов гадания на Украине. *«Тесная баба»* — игра, в которой играющие, усевшись в ряд, стараются вытеснить друг друга со скамейки, из ряда. *В трубе о суженых справлялись* и т. д. Далее перечисляются традиционные виды девичьих гаданий о женихах. *Сорванных на Константина* и т. д. Травы, сорванные 21 мая ст. ст., в Константинов день, по народным верованиям, обладали чудодейственными свойствами. *Пока, склонясь, не поцелует С ноги святейшей постола.* Переводчик, вслед за академическим изданием, восстанавливает доцензурное звучание этих строк. В изд. 1842 г., очевидно по цензурным требованиям, было напечатано: «З ноги чиєїсь постола». Смысл пророчества заключался в том, что римляне будут владычествовать над миром до тех пор, пока не попадут под власть папы (не поцелуют папской туфли), не обратятся в католичество.

Часть четвертая. *Обедка три не поденькуешь* и т. д. Две первые строфы четвертой части воспроизводят один из тайных языков бурсы; в основе жаргона лежит перестановка корней соседних слов. В осмысленном дословном переводе эти две строфы «переводятся» так:

«Денька три как не пообедаешь —
На сердце станет муторно.
Тогда кишкою затоскуешь
И в животе забурчит.
Попробуй пожевать зубами,
Желудок напихать харчами!
Нутро сразу повеселеет.
Грянешь лихом об землю,

Про свой голод забудешь,
Досада к черту убежит.

Да что болтать зря языком!
Соловья баснями не кормят.
А ну забряцай кошельком!
Небось деньжата забренчат.
Коль дашь пятак —
Грядущее свое узнаешь:
Куда челнам теперь плыть,
И что с тобой случится впереди,
И как ловчей умудриться,
Чтобы Юноне угодить».

Грошей с двенадцать в руку дал. В гетманской Украине, как и в Польше, грош был равен примерно полукопейке. Счет на деньги велся часто по шестеричной или двенадцатиричной системам. *Они играли на зубах* — тряслись мелкой дрожью. *Заклятый остров перед нами* и т. д. Речь идет об острове Эя, которым правила коварная волшебница Цирцея (Кирка), превратившая спутников Одиссея в свиней, а его самого в продолжение целого года удерживавшая в плену на своем острове. *Пропал, как Серка на базаре* — украинская поговорка, обозначающая безвозвратную потерю. *Готовь загривок для ярма* — готовься быть превращенным в вола. *И «не позвалям» позабудет.* Имеется в виду так называемое «liberum veto» — право каждого польского шляхтича, участника сейма, сорвать любое решение последнего своим несогласием («вето»): решения сейма считались принятыми только при единогласии всех присутствовавших. *С бородою Москаль замекает козою.* Украинцы, бривши бороды, дразнили ими великороссов, называя их «кацапами», т. е. похожими на «цапов», козлов. *Хвостом пруссак вилять горазд.* По-видимому, намек на предательскую политику Пруссии во время наполеоновских войн, особенно в войне Наполеона с Россией, когда прусский король переходил то на одну, то на другую сторону в военных спорах. *Французы — щелкуны, вояки* и т. д. Характеристика французов основана на официальных сведениях русских газет относительно событий во Франции конца XVIII — начала XIX в.: о революции 1789 г., революционных войнах, якобинском терроре, событиях после 9-го термидора, начале наполеоновских войн. *Роменским табачком балуясь.* Ромны славились своими плантациями махорки. *И не доспишь петровской ночи.* Ночь на 29 июня ст. ст., когда православная церковь отмечает память апостолов Петра и Павла, — одна из наиболее коротких ночей в году. *Носатый сосуд* — старинный украинский кувшин для питья. *Слова свои на «ус» кончает.* Вероятно, Котляревский имеет в виду не только грамматическое окончание многих латинских слов (особенно прилагательных мужского рода) на «us», но, особенно, семинарскую макароническую речь, когда окончание это, приделываемое к русским или украинским словам, создавало для непосвященных иллюзию «латинской» речи. Образцы подобной макарони-ческой речи даны Котляревским в дальнейшем тексте поэмы. *Азбука Пиарская.* Католический монашеский орден пиаристов помимо обычных монашеских обетов имел еще один: бесплатное обучение юно-

шества. Грамматики, в частности латинская, составленные монахами-пиаристами, пользовались большим распространением. Для Украины и Белоруссии грамматики эти печатались в Бердичеве, при католическом монастыре. *Шпалеры печатные* — бумажные обои. По своей дешевизне и возможности поэтому относительно часто менять их, быстро вытеснили обивку стен шелком, кожей и другими дорогими материалами. В конце XVIII — начале XIX в. они были относительной новостью, особенно в провинции. *Картины затейные* — лубочные картинки; в следующих строфах перечисляется ряд сюжетов этих картин, — таковы, например, «богатырей изображенья», о которых см.: Д. А. Ровинский, Русские народные картинки, кн. 4, СПб., 1881, с. 1—113. Ряд картинок посвящен битве *Александра* Македонского с «царем индейским» *Пором;* надпись на одной из них гласит: «Славное побоище царя Александра Македонского с царем Пором индейским. И сяде Александр на своего коня Дочупала, и взем в руку копие и щит и збрую, возложи на главу свою шелом и выехал на поединок и воззва велиим гласом: «О, Поре царю, иди противу меня, или покоряйся, и аз тебя помилую». И съехавшася оба и удари Александр Пора в груди и сшиб его с коня и войско его взял под свою власть» (цит. соч., кн. 2, СПб., 1881, с. 8—9). О картинках про Илью Муромца — см.: цит. соч., кн. 1, СПб., 1881, с. 1—9. *Бова*-королевич и *Полкан*-богатырь. Имеется в виду «гистория о храбром и о славном витязе Бове-королевиче», о его бое «с богатырем Полканом» — см.: цит. соч., кн. 1, с. 76—115. О *Соловье-разбойнике* рассказывалось преимущественно в связи с боем между ним и Ильей Муромцем: «Сильный могучий богатырь Илья Муромец ехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которою заложил Соловей-разбойник, ровно тридцать лет не пропущал ни конного, ни пешего, а убивал не оружием, но своим разбойничьим свистом» и т. д. (цит. соч., кн. 1, с. 8—9). Впрочем, существовали картинки, на которых Соловей-разбойник представлен на коне, в одежде древнего русского воина, в шапке, отороченной мехом, и с копьем в руке. По бокам его, в двух клеймах, надписи: «Соловей-разбойник. Славный богатырь». *Как Пересвет побил Мамая.* О Мамаевом побоище, по исследованию Д. А. Ровинского, существует «огромная картина», награвированная в первой половине XVIII в. На ней изображены отдельные эпизоды подготовки к сражению и самого сражения. В середине изображено единоборство инока Пересвета с татарином Челубеем. *Максим Железняк* — вождь «Колиивщины», крестьянского восстания против польской шляхты на Правобережной Украине в 1768 г. *Картуш Луи* — глава шайки грабителей в начале XVIII в. в Париже; его имя сделалось нарицательным для обозначения грабителя-разбойника вообще. На рубеже XVIII и XIX вв. Картушем в английской и русской журналистике называли Наполеона. *Ванька Каин* — московский грабитель XVIII в., получивший известность благодаря лубочным картинкам и книжкам, рассказывавшим о его похождениях. После нескольких лет разбойных «подвигов» Ванька Каин (Иван Осипов) явился с повинной в Сыскной приказ и поступил туда на службу. *Гаркуша* С. И. (1739—1784) — крепостной крестьянин, возглавлявший в 70—80-х годах XVIII в. крестьянские повстанческие отряды, боровшиеся с помещичьим произволом. В художественной литературе первой половины XIX в. Гаркуша неоднократно изображался в виде

«доброго разбойника», который отнимает излишки у богатых и благодетельствует беднякам (О. Сомов, В. Нарежный, Г. Квитка и др). Сведений относительно лубочных картинок, посвященных походу в Польшу Максима Железняка, о похождениях Картуша, Ваньки Каина, Гаркуши обнаружить не удалось. *Соль крымскую и соль бахмутку.* На Украине в быту пользовались крупной морской солью, которую привозили из Крыма чумаки; с середины XVIII в. получила распространение каменная соль, добываемая в соляных копях под Бахмутом; при выделке бахмутская соль оказывалась более мелкой и вкусной. *Энеус, ностер магнус панус* и т. д. Речь старшего троянца написана макароническим языком, распространенным среди семинаристов. В дословном переводе речь посла имеет следующее содержание:

«Эней, наш великий пан
И славный троянский князь,
Слонялся по морю, как цыган,
К тебе, о царь! прислал нас теперь.
Просим, пан Латин:
Спаси наши головы и отныне
Дозволь жить в твоем краю,
Хоть за деньги, хоть даром.
Уж мы, поверь, достаточно оценим
Благодеяние твое.
О царь! Будь нашим покровителем
И ласку твою окажи.
Энею названым братом
Стань, наилучший! Не откажи!
Эней, предводитель наш удалый,
Красивый и проворный малый, —
Увидишь самолично!
А прежде чем распить по чарке,
Вели принять подарки,
От сердца присланные вам».

Давно из Липска привезли. С Липском — Лейпцигом — Украина имела давние и крепкие торговые связи Чумацкие «валки» (обозы) возили в Лейпциг пшеницу, а оттуда захватывали для продажи металлические изделия, предметы роскоши, ткани и т. д. *Лубенский каравай пахучий* и т. д. Перечисляются местности Украины, славившиеся теми или иными видами сельскохозяйственной продукции или кулинарными изделиями. *«Горе грешникови сущу»* и т. д. — семинарская пародия (возможно, действительно восходящая к творчеству питомцев Киевской духовной академии) на молитвенные возгласы и песнопения православной церкви. *Чтоб головы при этом брили* и т. д. Бритые головы с чуприною — клоком волос на макушке — и длинные усы были отличительными приметами запорожских казаков; этой «моде» зачастую следовали многие украинские крестьяне и на «гетманской» Украине. *По городам полки назвали.* В гетманской Украине полки назывались по городам (Лубенский, Гадячский, Полтавский и т. д.), так как полк в то время являлся также административной единицей. Полковник таким образом был не только коман-

диром соответствующего воинского соединения, но и начальником определенного территориального района. Административные функции несли также сотники. Во времена Богдана Хмельницкого Украина делилась на 17 полков. *Ружья без пружин* — ружья, которые при стрельбе не нужно было устанавливать на сошки, подобно мушкетам и некоторым другим видам огнестрельного оружия в ранних его образцах. *Точь-в-точь полковник так Лубенский* и т. д. В Полтавской битве 1709 г. Лубенский полк принимал ближайшее участие, вовремя придя на помощь войскам Петра. В начале XIX в. валы, окружавшие Полтаву во время шведской интервенции, были превращены в цепь бульваров. *Там атаман был Покотиллос* и т. д. Котляревский украинские фамилии и прозвища выворачивает на «греческий» лад: Покотиллос вместо Покотило, Караспуло вместо Карась. Равным образом, говоря об «испытанном войске», Котляревский придает ему черты украинских греков, т. е. выселенцев из Греции, образовавших во многих местах Украины (особенно на Полтавщине и Черниговщине, а позднее — во многих южных районах) особые греческие поселения (колонии) и торговавших мылом, оливами, колбасами и пр. *Не так ли с Сагайдачным вместе Казаков Дорошенко вел?* Имеется в виду народная песня «Ой, на горі та женці жнуть...». Дорошенко Михаил (?—1628) — гетман реестровых запорожских казаков. *Сыночек панский, богоданный* и т. д. — Ипполит, сын афинского царя Тесея; его мачеха Федра воспылала к нему любовью и, после того как Ипполит отверг ее домогательства, оклеветала его перед отцом.

Часть пятая. *Энею снится старичище... Камышовый дед* — бог реки Тибра, Тиберин. *Мы на заре, без жеребьевки, Полки сколотим — и в поход!* — то есть не будет обычной при рекрутских наборах жеребьевки, определявшей, кому идти в армию; в данном случае в поход должны были идти все. *Речь Посполита.* Со времени Люблинской унии 1569 г. официальное наименование феодального польско-литовского государства, являвшегося своеобразной «дворянской республикой». Речь Посполита управлялась общим сеймом и общим главой государства, избираемым на этом сейме. В данном случае под Речью Посполитой имеется в виду «аркадский сейм». *На чинш не отпускает* — не отпускает на оброк, не дает возможности на стороне заработать деньги для уплаты податей. *На том щите* и т. д. В качестве рисунков на щите Энея Котляревский вспоминает ряд мотивов украинских и русских сказок и текстов лубочных картинок: например, народные сказки об Ивасике-Телесике и бабе-яге, о семиглавом змие, об Иване-Царевиче и сером волке, о Покатигорошке. *Рыцарь Марципан* — герой одной из рыцарских повестей, получивших распространение в XVII в. в России. *Ахтырский мед* — сорт особенно крепкого и сладкого меда, выделывавшегося по рецептам, идущим из Ахтырки, некогда полкового города на Украине. *Сидит за прялкой, безобразник.* Энею здесь приписывается один из мифов о Геркулесе: убив, по наущению Геры, царевича Ифита, Геракл затем три года служил рабом лидийской царице Омфале, которая, чтобы пуще унизить героя, заставляла его прясть пряжу. *Сатурнович* — Зевс, по преданиям, был сыном Сатурна. *Фома и Ерема* — персонажи шутливых народных песен, которые за что ни возьмутся, всякое дело у них из рук

валится. *Творишь пеккатум, фратер милый* и т. д. — макароническая речь, в дословном переводе содержащая следующий смысл:

«Творишь грех, брат милый!
Ты смерть невинному несешь:
Я — дурак, разбойник, нечестивец,
Злодей, мерзавец и убийца...»

Светильник Феба — солнце. *Троюродный был Турну сват.* По Вергилию, Ремул — супруг младшей сестры Турна. *Огарки Трои, оборванцы!* — оскорбительный намек Ремула на постигшее троянцев бедствие — пожар Трои. *Морочить девок, вдов морить* — намек на любовные отношения Энея с Лавинией и Дидоной. *По-сербски величали веру* — подразумевается непристойная, богохульственная брань.

Часть шестая. *Смирительный дом* — место заключения для лиц привилегированных классов, которые должны были отбывать заключение по приговорам судов за незначительные преступления. *В Сечь Запорожскую отправлю.* В самой Запорожской Сечи женщинам было запрещено постоянно проживать; отсюда у Гоголя о запорожских казаках: «безженные рыцари» («Тарас Бульба»). *И жен меняют на табак.* Возможная реминисценция народной украинской песни «Ой, на горі та женці жнуть . »; в ней упоминается один из казацких предводителей, Сагайдачный, «що проміняв жінку на тютюн та люльку». *Ей вышла от Вулкана взбучка — За Марса розгами порол!* В «Одиссее» рассказывается, как ревнивый Гефест (римск. миф. — Вулкан) с помощью остроумно сделанных сетей поймал Афродиту, изменявшую ему с богом войны Ареем (Марсом). *Вулкан ей отхватил подол.* Подрезать подол платья — наказание жене, нарушившей супружескую верность. *Она и Трою разорила.* Троянская война началась из-за того, что Афродита помогла Парису похитить жену Менелая Елену, считавшуюся прекраснейшей женщиной на свете, в благодарность за то, что в споре богинь Геры, Афродиты и Афины Парис отдал преимущество ей, Афродите. *На угоры слабы* — идиоматическое народное украинское выражение, обозначающее слабовольного и вместе с тем несдержанного человека. Уторы — желобок (на краях клепок в бочках), в который вставляется дно. *Шведская могила* — большой курган, насыпанный над 1345 русскими воинами, погибшими в Полтавской битве 27 июня 1709 г. *Юнона в небо шасть кукушкой.* Кукушка, наряду с павлином, считалась священной птицей Юноны. *Заткнули за щеку пятак* — плата Харону за перевоз через Стикс (см. примеч. к части третьей). *Все сплошь асессорского чина.* Чин коллежского асессора приравнивался к чинам майора и капитана третьего ранга. *Латинус рекс неугомонный* и т. д. Макароническая речь Энея в буквальном переводе означает следующее:

«Латин — царь неугомонный,
А Турн самый большой дурак.
И зачем вам сражаться со мной?
Латина я считаю слепым,
Господа, олухами — вас.

Латину рад мир дать;
Разрешаю погребсти мертвых,
И против вас мой гнев угас.

Один лишь Турн недруг мой!
Сам, следовательно, должен воевать.
Так хочет судьба! — и Эней
Вам будет царь, Амате зять.
Назначив с Турном поединок,
Мы приведем войну к концу.
Не всем же кровь проливать!
Укажет меч или бог,
Достоин Турн или Эней
Латинским скипетром обладать».

Искони бе хаптурный род. «Искони бе» — т. е. издавна был. Хаптурным родом поэт называет духовенство, за хаптуры, или хавтуры, — так назывались поборы натурой, собиравшиеся духовенством; так же назывались остатки от поминальных обедов, которые делились между духовенством (церковным причтом). *В костры швыряли седла, сбрую.* Совершая погребальный обряд, древние римляне сжигали умерших и при этом бросали в огонь всевозможные предметы, которые, по античным представлениям, могли пригодиться покойнику. *Отца втащил на Иду-гору.* Эней у Вергилия вынес из пылающей Трои своего престарелого отца Анхиза. *В Ивашках, Мыльцах, Пушкаривке, И в Будищах, и в Горбанивке* — ближние подполтавские села. *Пальнул в Гилипенка, аркадца.* У Вергилия речь идет об одном из девяти красавцев сыновей аркадца Гилиппа. *Нечёса-князь* — Потемкин Г. А. (1739—1791), русский государственный и военный деятель. По преданию, Нечесой его прозвали за длинные волосы и подчеркнутую небрежность в одежде.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня на Новый год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину. «Пчола» (Львов), 1849, № 16, с. 241, и «Основа», 1861, кн. 1, с. 235. Обе публикации «Песни» давали ее текст по случайным спискам (автограф не сохранился). Впервые попытка установить сводный текст сделана в издании: І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 1, Київ, 1952, на основе шести списков «Песни»; по этому тексту в настоящем издании сделан перевод. Количество списков в настоящее время может быть значительно увеличено, и текст «Песни» подлежит дальнейшему уточнению. На русский язык переводится впервые. Куракин Алексей Борисович (1759—1829), которому посвящена «Песня», — первый малороссийский генерал-губернатор (1802—1808). Еще при Екатерине II сделал большую чиновную карьеру и в 1795 г. уже был тайным советником. При Павле, с которым вместе воспитывался старший брат Куракина, Александр, занимал министерские должности, однако в 1798 г. был уволен от всех должностей. После смерти Павла Александр I назначил Куракина малороссийским генерал-губернатором,

затем министром внутренних дел. В последние годы жизни он был членом Верховного суда над декабристами. Малороссийское генерал-губернаторство было составлено из двух украинских губерний — Полтавской и Черниговской; в Полтаве находилась и основная резиденция Куракина. Он одной из первых своих задач поставил придать Полтаве облик настоящего города: до тех пор она более походила на деревню, нежели на город, центр целого края. Павел Сумароков, посетивший Полтаву в год открытия губернии, так характеризовал ее: «Полтава, бедный и маленький городишко, в котором нет ни правильных улиц, ни порядочных строений» («Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», СПб., 1803). При открытии губернии в Полтаве не нашлось подходящих зданий ни для губернских учреждений, ни даже для того, чтобы разместиться самому генерал-губернатору. Поэтому деятельность Куракина началась со строительства административных зданий, мощения улиц, устройства тротуаров и тому подобных мероприятий. Чиновник крупных возможностей, Куракин развернул в Полтаве административную работу в широких масштабах, — это не могло не привлекать к нему симпатий многих полтавских обывателей, полтавских местных патриотов в особенности. Симпатии эти отразились и в «Песне» Котляревского; ср.: И. Ф. Павловский, Очерк деятельности малороссийского генерал-губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808 гг.) (По архивным данным), Полтава, 1914. Г. Гуковский и В. Орлов опубликовали характеристику Куракина, оставленную А. Ф. Воейковым: по этой характеристике, Куракин «пользовался особенным благоволением (...) и считался домашним человеком при маленьком дворе великого князя Павла Петровича. По вступлении его на престол он занимал важные должности, но не был государственным человеком в хорошем смысле этого слова. Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость без пользы, проекты неисполнимые или пустые, недостаток образования, хотя при уме от природы остром, делали его тяжелым для подчиненных и неправосудным при благородном стремлении к правосудию» («Литературное наследство», кн. 9—10, 1933, с. 75). С этой характеристикой вполне согласуется также пространный отзыв И. М. Долгорукова в кн.: «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни», М., 1874, с. 343—346. *Лентами опутан ты* — т. е. знаками высших степеней различных орденов, отечественных и иностранных. *Ключ прицеплен сзади.* Куракин имел придворный чин камергера; на парадных мундирах камергеры носили сзади золотой (позолоченный) ключ, в качестве символа своей близости ко двору. *Как на ярмарке в Ромнах.* Так называемая Ильинская ярмарка в Ромнах, имевшая большое значение для всей торговли Украины, в продолжение многих лет размещалась на городской площади, очень узкой и замкнутой со всех сторон строениями. В 1803 г. Куракин распорядился перевести ее на новую территорию, за пределы города. В результате этой меры, как писал современник, «по переселении лавок из тесного и опасного от пожара места внутри города, где оные доселе были ... торговля из года в год увеличивается, и тем дальновидность сего деятельного начальника (т. е. Куракина. — *И. А.*) начинает уже торговле и городу Ромны приносить существенную пользу» (Ф. Д. Николайчик, Ильинская ярмарка в периоде ее суще-

ствования в Ромнах. — «Труды Полтавской архивной комиссии», вып. 2, 1906, с. 50).

Ода Сафо. Альм. «Молодик на 1844 г.», Харьков, 1843, с. 279; к альманаху было приложено факсимиле автографа Котляревского. Стихотворение Сафо (или Сапфо), древнегреческой поэтессы (VII—VI вв. до н. э.), неоднократно переводилось на русский язык. Сводку данных о старинных переводах см. в книге проф. В. И. Резанова, Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2, Пгр., 1916, с. 354—361; П. П. Филипович, Переклад Котляревського із Сапфо. — «Записки історично-філологічного відділу УАН», кн. 13—14, 1928, с. 51—56. П. П. Филипович установил, что перевод И. П. Котляревского сделан с французского свободного перевода Н. Буало.

ПЬЕСЫ

Наталка Полтавка. «Наталка Полтавка, малороссийская опера И. П. Котляревского, издание И. Срезневского, с предисловием и словарем, украинский сборник кн. 1», Харьков, 1838. Обнаруженная много позже рукопись пьесы в библиотеке Харьковского университета (в настоящее время хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Шевченко Академии наук УССР, Киев — см.: Я. Айзеншток, Студії над текстами І. Котляревського. — «Записки історично-філологічного відділу УАН», кн. 10, 1927, с 75—93) свидетельствует о том, что Срезневский, публикуя пьесу, сделал в ней ряд сокращений, отредактировал авторские ремарки, кое-где даже «подредактировал» самый текст. Начиная с академического издания (І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, Київ, 1953), пьеса печатается по автографу; по этому же изданию сделан перевод пьесы в настоящем издании. Авторские ремарки, написанные Котляревским по-русски, естественно, не переводились и не редактировались. В автографе «опера» называется «Полтавка»; так же, в течение нескольких первых лет, в ряде сохранившихся документов, ее называл сам автор. Однако, начиная с первых же ее представлений, пьеса стала называться «Наталка Полтавка». Это ее название в конце концов было закреплено автором в письме-доверенности Котляревского на имя И. И. Срезневского от 12 июля 1837 г.: «Сочиненные мною малороссийские оперы: Наталка Полтавка и Москаль-чарівник поручаю для издания в свет, в каком будет нужно количестве экземпляров, титулярному советнику Измаилу Ивановичу Срезневскому» (І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, с. 90).

По свидетельству самого Котляревского (см. ниже), «Наталка Полтавка» была написана в 1819 г. (возможно, впрочем, писатель при этом имел в виду дату постановки «оперы» на сцене; в таком случае написание ее следует отнести к 1817—1818 гг.; см.: И. М. Стешенко, И. П. Котляревский, автор украинской Энеиды, Киев, 1902, с. 29) для полтавского театра и сразу же получила широкую известность во многих списках среди странствующих на Украине трупп. Как сообщил писатель Н. И. Гнедичу 27 декабря 1821 г., пьеса была принята «довольно хорошо в Полтавс(кой), Черниговс(кой) и Харь-

ковской губерниях» (І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т 2, с. 85). А в 1829 г. он был вынужден обратиться к полтавскому полицмейстеру в поисках защиты своих авторских прав. «Содержатель странствующей труппы иностранец Иван Штейн, — писал он, — разъезжая по ярмаркам, бывавшим в разных городах разных губерний, с подвижною своею труппою, играет на театрах сочиненную мною в 1819-м г. малороссийскую оперу в двух действиях под названием «Полтавка» без моего согласия и позволения. Мне неизвестно, как и откуда он ее достал, но я удостоверен в том, что он пользуется непозволительно чужим добром, а моя опера Штейном не благоприобретена ... Следовательно, содержатель труппы Штейн, непозволительным образом получивши мою оперу и играя ее на театрах без моего позволения, лишает меня тех выгод, кои собственность моя могла бы мне доставлять. Таковой поступок Штейна, кроме того что бессовестный, есть противозаконный и достоин преследования правительства». В заключение своего «объявления», Котляревский просил полицмейстера «оперу Полтавку и музыку к ней приказать, отобрав от Штейна, отдать мне. Обязать его реверсом (т. е. обязательством), чтобы он ни на каком театре оперы Полтавка ни другого какого-либо моего сочинения не играл и не выпустить его, Штейна, из Полтавы, покуда не разочтется со мною за представление в разных городах моей оперы около десяти лет» (цит. соч., с. 87—88).

Неизвестно, возымело ли это обращение какие-либо конкретные результаты, но оно уже само по себе свидетельствует о большом успехе пьесы Котляревского. О том же говорят и современники. Как писал один из них, «ни одна повесть, ни одно какое-либо сочинение до сих пор не пришлось так по душе малороссиян, как Наталка И. П. Котляревского; сотни списков ее ходят и теперь еще по всей Малороссии, народ усвоил себе песни, написанные Иваном Петровичем, и есть много таких лиц, которые знают наизусть всю оперу» (Н. М. Сементовский, Иван Петрович Котляревский. — «Северная пчела», 1846, 15 апреля). Примерно о том же писал в предисловии к первому изданию «Наталки Полтавки» И. И. Срезневский: «Наталка Полтавка из книжно-народных украинских произведений большого размера по своему внутреннему достоинству занимает первое место, ...она более всех любима во всей Украйне, ...наконец, она доселе была не издана, и переписчиками искажалась все более и более» («Наталка Полтавка, малороссийская опера И. П. Котляревского», Харьков, 1838, с. 7). Действительно, отдельные песни Котляревского из «Наталки Полтавки», иногда даже без указания автора, печатались, например, в статье Н. А. Цертелева «О народных малороссийских стихотворениях» — «Благонамеренный», 1825, № 20, с. 223—227; в альманахе «Северные цветы», СПб , 1830, с. 68—69; в приложении к альманаху «Утренняя звезда», кн. 2, Харьков, 1833 (вместе с нотами) и др. Вместе с песенными номерами собственного сочинения, которые впоследствии прочно вошли в народный песенный обиход, Котляревский включил в свою «оперу» ряд собственно народных песен; для некоторых из них (в тех случаях, когда это можно было установить) в примечаниях отмечаются печатные публикации, предшествовавшие включению их в «Наталку Полтавку».

Сам Котляревский называл свою пьесу «оперой», хотя по своему жанру она более приближается к «водевилям» (см. вступ. статью,

с 38—39). В последние десятилетия неоднократно делались попытки превратить «Наталку Полтавку» в «большую оперу» путем введения в нее новых хоровых и танцевальных номеров и сцен (из народного репертуара) и пр. Попытки эти (вроде оркестровки, «обработки с дополнениями» В. Я. Йориша) оказались неудачными, нарушающими замысел автора, и не прижились на сцене.

Действие первое. *«Веют ветры, веют буйны...»* — песня Котляревского. *«От юных лет...»* — песня Котляревского, подражание старинным кантам *Сколько артикулов в Статуте или запятых в Магдебургском праве.* Имеется в виду Литовский статут — собрание обычаев, королевских «привилегий» и постановлений земских сеймиков Великого княжества Литовского, издававшееся несколько раз (1529, 1566, 1588). После присоединения территории Великого княжества Литовского к России, юридические отношения по-прежнему продолжали регулироваться Литовским статутом вплоть до 1840 г. Магдебургское право — средневековое городское уложение, действовавшее в ряде стран центральной Европы, в том числе в славянских землях (Польша, Украина, Белоруссия и др.) вплоть до первых десятилетий XIX в. По Магдебургскому праву, в частности, предоставлялась довольно широкая автономия городским самоуправлениям, цеховым организациям. *Тахтауловский дьяк изучил Вермолой* — т. е. так называемый Ирмологий нотного пения, книгу, содержавшую весь обиход церковных песнопений, установленных канонами православной церкви. Тахтауловский дьяк, кроме того, был обучен особым напевам Киево-Печерской лавры, — это, по мнению Возного, свидетельствовало о его глубокой учености. *«Ой, під вишнею...»* — народная песня, известная по многим песенникам с начала XIX в.; см.: «Всеобщий, новоизбранный песенник всех лучших российских авторов, содержащий в себе песни, арии и хоры ... малороссийские, анакреонтические и проч, положенные на голоса, по новейшему вкусу на 13 отделений», М., 1805; ср. также песенники 1810 г. и др. *Многим женихам печеного кабака поднесла.* При отказе невесты или ее родителей на предложение замужества часто, вместо словесного ответа, сватам или самому сватающемуся вручалась тыква, иногда печеная. *«У всякого города нрав и права...»* — песня украинского философа и поэта Григория Саввича Сковороды (1722—1794), имевшая, наряду с другими его песнями («Ах, поля, поля зелены...», «Ах, ты, пичка желтобока...» и др.), большое распространение на Украине и за ее пределами.

Действие второе. *Пойду на Тамань, пристану там к черноморцам.* После уничтожения Запорожской Сечи (1775) часть запорожцев переселилась на Таманский полуостров и в прикубанские степи. За участие в войне с Турцией казакам были «пожалованы» обширные и богатые земли. В 1801 г. была учреждена войсковая канцелярия, и казачье черноморское войско было разделено на 20 полков. *«Гомон, гомон по дуброве...»* — народная песня; известна ее публикация в приложении к «Грамматике малороссийского наречия» А. Павловского (СПб., 1818, с. 89—90). *Да в городе теперь не до новостей.* См. выше примечание к «Песне... князю Куракину». Хлопоты о благоустройстве Полтавы продолжались также при преемни-

ках А. Б. Куракина — Я. Б. Лобанове-Ростовском и, особенно, Н. Г. Репнине. Меры, предписанные последним (побелка и покраска фасадов домов, укрепление заборов, выходящих на улицы, строительство тротуаров и т. п.), собственно, и имел в виду Котляревский. *Был и на линии.* Имеется в виду пограничная линия между Россией и неприсоединенными («немирными») кавказскими народами. По всей вероятности, Петро подразумевал черноморских (иначе кубанских) казаков, которым было поручено охранять линию на значительном ее протяжении. *Мне полюбилась наша украинская малороссийская комедия* — «Казак-стихотворец» А. А. Шаховского; см. вступ. статью, с. 37—40. *«Ой, шел казак с Дону...»* — народная песня, известная по многим песенникам: «Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник», СПб., 1806; «Новейший всеобщий песенник, собр. Афанасием Калатилиным», М., 1810; и др.

Солдат-чародей. «Москаль-чарівник, украинский водевиль в 1 действии И. П. Котляревского, издание И. Срезневского, украинский сборник, кн. 2», М., 1841. Так как И. И. Срезневский уезжал за границу, в поездку по славянским землям, издание книги осуществил М. С. Щепкин, причем предполагалось, что «Гоголь будет держать корректуру» («Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839—1842», СПб., 1895, с. 20). С 1918 г. печ. по автографу, сохранившемуся в фонде И. И. Срезневского (Архив Академии наук СССР, Ленинград), так как оказалось, что первое издание, так же как издание «Наталки Полтавки» (см. выше), содержит многочисленные случаи вмешательства издателя в текст Котляревского, случаи неоправданных «исправлений», сокращений и пр. В настоящем издании перевод сделан по тексту академического издания: І. П. Котляревський, Повне зібрання творів, т. 2, Київ, 1953.

Тобою восхищенный... Песня сочинена, по-видимому, самим Котляревским в подражание распространенной «канцелярской поэзии», т. е. стихотворным объяснениям в любви и пр. в духе и стиле канцелярских бумаг. *«Склонитеся, веки...»* и т. д. Из всего перечня упомянутых Финтиком песен нам известна одна: «Не прельщай меня, драгая...» — стихотворение А. П. Сумарокова, исполнявшееся как романс. *Я — ветвь масличная от грубого корня* и т. д. Стремясь поразить воображение Тетяны своей «образованностью», Финтик городит чепуху, припоминая крохи своих познаний в Библии: ветвь масличную принес в клюве голубь Ною как знак того, что всемирный потоп окончился (кн. Бытия, гл. 8); история Иосифа, проданного братьями в рабство и, благодаря личным своим качествам, сделавшегося в Египте первым человеком у фараона, рассказана в той же книге Бытия, гл. 39—42. Возможно, Котляревский хотел при этом подчеркнуть невежество Финтика, «познания» которого в Библии не пошли далее ее первой книги. *Без экзамена в науках не произведут в асессоры.* По указу 6 августа 1809 г., в отмену прежде существовавшего положения, когда чины давались за выслугу лет, были установлены специальные экзамены при одном из университетов для получения чина коллежского асессора и некоторых других, более высоких чинов. Чин премьер-майора соответствовал позднейшему чину подполковника. *Я хотел было пойти в ополчение.* Во время Отечественной войны 1812 г. было созвано так называемое опол-

чение, т. е. призыв в войска боеспособных мужчин, которые по тем или иным причинам освобождались от призыва в регулярную армию. В частности, на Украине было создано несколько казачьих полков ополчения; по поручению «малороссийского» генерал-губернатора Я. Б. Лобанова-Ростовского Котляревский сформировал в августе 1812 г. 5-й казацкий полк. *Выехал в Крым за солью.* Чупрун занимался чумачеством («чумаковал»), т. е. с группой односельчан ездил на волах в Крым и привозил оттуда соль, вяленую и соленую рыбу и пр. Чумачество сохранялось на Украине вплоть до середины XIX в. и постепенно отмерло с развитием сети железных дорог.

Абсест — у Вергилия — один из участников осады Трои, затем спутник Энея.

Авант (Абант) — союзник Энея в его войне с Латином и Турном, вождь этрусков.

Авент — один из союзников Турна. Котляревский называет его «байстрюком», т. е. приблудным, незаконным сыном Геркулеса и жрицы Реи. По той же причине Авент зовется «попадьич» (жрица — попадья).

Авлет (Авлест) — союзник Энея.

Аврунцы (аврунки) — одно из племен, населявших древнюю Италию до прихода греков.

Агамемнон (греч. миф.) — аргосский царь, предводитель греков в Троянской войне.

Азиллас (Азилла) — вождь одного из племен этрусков и жрец-прорицатель, союзник Энея.

Альба-град — главный из всех первоначальных латинских городов, носивший название Альба-Лонга. Согласно преданиям, основан Асканием, сыном Энея, за триста лет до основания Рима.

Амата — у Вергилия — жена царя Латина, покровительница Турна в его войне с Энеем.

Амик — у Вергилия — один из сыновей троянского царя Приама; после гибели Трои — спутник Энея.

Ансул (римск миф.) — бог древнеиталийского племени вольсков, отождествлявшийся с Юпитером.

Анхиз — племенной вождь дарданов, внук троянского царя Ила; возлюбленный Афродиты (Венеры), родившей от него Энея. У Вергилия Эней выносит на своих плечах слепого (по другим преданиям — расслабленного) отца, покаранного Зевсом за то, что он похвастал любовью богини; Анхиз умер в Сицилии во время странствий Энея.

Аргавцы — аргивяне, жители древнегреческого города Аргоса на севере Пелопоннеса.

Ардея — главный город племени рутулов в Лацциуме, родина Турна.

Ареф — (у Вергилия — Ортигий) троянец, спутник Энея.

Аркадяне — жители Аркадии, пастушеской страны в центре Пелопоннеса, прославленной поэтами как страна мира и невинности. Аркадяне считались одним из древнейших народов Греции.

Артикул — здесь: воинский устав, в частности определявший ружейные приемы для приветствования начальства и пр.

Арунт — один из спутников Энея, убил в сражении дочь царя вольсков Литаба — Камиллу (см.).

Аршин неклейменый — т. е. непроверенный, допускавший обмер покупателей.

Асессор — введенная Петром I должность — в «коллегиях», в «надворных судах», в «резиденциях», губерниях и т. д. Асессоры («заседатели») сохранились вплоть до судебной реформы 1864 г. Чин коллежского асессора (8-го класса) соответствовал армейскому чину майора.

Асканий — см. Иул.

Асмодей (библ.) — злой дух, нарушитель брака и возмутитель супружеского согласия. Иногда его имя употреблялось как одно из имен сатаны.

Астрея (греч. миф.) — богиня справедливости, правившая миром в золотом веке. Дни Астреи — блаженные времена.

Астур — союзник Энея.

Афидн — троянец, спутник Энея по странствованиям.

Ацест — согласно греко-римским сказаниям, один из племенных правителей в Сицилии; радушно принял Энея и похоронил скончавшегося Анхиза на горе Ерике.

Бадьян — эфироносное душистое растение. С древних времен у многих народов употреблялось в качестве приправы к кушаньям, для настоек и т. д.

Базилик — род травы или полукустарника, цветы которого обладают сильным приятным запахом. В древности из базилика делались лекарственные вещества, похоронные венки, позднее базиликом в торжественных случаях окуривали помещения.

Байдак — лодка.

Барбос — имя разбойника в распространенном романе XVII—XVIII вв. «Гистория о Евдене и Берфе»; сделавшись нарицательным, укрепилось как собачья кличка.

Бахмутка — поваренная соль, добытая в копях Бахмутского уезда (Бахмут — дореволюционное название Артемовска).

Бахус (греч. миф.) — бог, покровитель виноградарства и виноделия. Культ Бахуса был особенно популярен среди простого народа, хотя Гомер не включал его в число главных богов. Возможно, поэтому и у Котляревского Бахус держится среди богов особняком.

Берлин — старинная тяжелая четырехместная карета.

Бероя — у Вергилия — троянка, жена Дорикла; ее характеристика в украинской «Энеиде» целиком сочинена Котляревским.

Битиас (Битий) — троянский герой, сын лесной нимфы Иоры.

Борей (греч. миф.) — бог северного ветра.

Братина — в допетровской Руси большой сосуд для питья и еды, деревянный или металлический. Из братины ковшами наливали в чаши и кубки пиво, мед, брагу.

Бублейница — продавщица бубликов.

Бук (укр.) — род кадки, обычно выдолбленной из цельного куска дерева, употреблявшейся для вываривания белья в щелоке (золе) при стирке.

Бунчук — один из знаков достоинства украинских гетманов. Бунчук состоял из длинного древка, сверху которого был насажен металлический шар, а под ним свешивался лошадиный хвост.

Бургомистр — по Магдебургскому праву выборный чиновник городского самоуправления (магистрата).

Бурлак (укр.) — бездомный человек, крестьянин, ушедший на заработки из родного села, бобыль. Здесь: переселенец.

Варенуха (укр.) — крепкая водка, варенная с медом, сушеными фруктами, пряностями.

Венул — латинянин из греческого города Аргоса, прибывший в Лациум.

Вертеп — украинский кукольный театр. Спектакли происходили в особом вертепном ящике в виде домика, разделенного на два яруса; исполнитель был скрыт за задней стеной ящика, где иногда помещался и хор. В верхней половине вертепа исполнялись сцены духовного содержания, главным образом связанные с рождеством Иисуса Христа; в нижней половине происходили интермедии — разного рода народные сцены анекдотического содержания, с народными песнями и танцами.

Вечерницы (укр.) — вечерние собрания сельской молодежи, обычно в хате какой-нибудь пожилой женщины, вдовы или солдатки. Вначале девушки занимались рукоделием, парни развлекали их анекдотами и песнями. Позже вскладчину устраивался общий ужин, заканчивавшийся танцами и играми.

Возница — точнее Возничий — одно из созвездий Млечного Пути.

Возный — мелкий судебный чиновник в Польше, Литовском королевстве и в старой Украине. На его обязанности лежало исполнение судебных решений, взыскание платежей, ввод во владение, осмотр трупов и повреждений и пр. Избирались возные обычно из зажиточных групп населения.

Войсковый товарищ — почетный титул, который присваивался в XVIII в. гетманом заслуженным и зажиточным казакам. Войсковые товарищи выполняли отдельные поручения гетмана.

Воловье войско — обоз.

Волонтер (франц.) — доброволец.

Волсент (Волцент) — богач, правитель города Амиклы в Лациуме.

Вулкан (римск. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла. В отличие от остальных богов, проводивших время в праздности и пирах, Вулкан был богом подземного огня и работал в подземных кузницах. Это особое положение Вулкана не раз обыгрывается и Котляревским.

Выбойка — бумажная или холщовая ткань с выбитым, отпечатанным на ней узором, обычно в одну краску.

Выборный — так назывались в XVIII в. привилегированные казаки (всего не более 30 000), избиравшиеся из зажиточных слоев казачества. Выборные казаки освобождались от обычных призывов на военную службу и могли отбывать ее, в случае необходимости, с собственным снаряжением, конем, оружием. После введения на Украине крепостного права выборные казаки утратили свои привилегии и были уравнены в правах с государственными крестьянами.

Выжлец — гончая или легавая собака.
Выкрест — человек, принявший христианство и исповедовавший до того другую религию.
Вьюшка — здесь: приспособление для размотки пряжи.

Гайдук — слуга, выездной лакей в богатых помещичьих или дворянских домах.
Галес (Галис) — у Вергилия — сын Агамемнона.
Галушки (укр.) — клецки, кусочки теста, сваренные в воде или молоке.
Ганимед (греч. миф.) — сын дарданского царя, похищенный Зевсом за необыкновенную красоту, взятый им на Олимп, где он стал виночерпием богов. Поэтому Котляревский изображает его с «погребцом», в котором хранились обычно вина и настойки.
Гарлемские капли — от голландского города Гарлема; бальзам, использовавшийся в старинной медицине по многим поводам.
Геба (греч. миф.) — богиня юности, дочь Зевса и Геры. На Олимпе подносила во время пиров нектар и амброзию.
Гевалы (библ.) — народ арабского происхождения, враждовавший с израильтянами; бурсаки называли так крестьян, у которых воровали кур и индюшек.
Гевальдигер (нем.) — офицерская должность, установленная Петром I; гевальдигеры ведали в армии полицейскими функциями.
Геенна (церк.) — ад.
Геленор — один из бойцов троянской «ватаги» Энея, погибший в схватке с рутулами.
Геркулес (греч., римск. миф.) — один из любимейших античных героев, сын Зевса и Алкмены, жены Амфитриона, царя Тиринфского. С именем Геркулеса связано множество подвигов, за которые ему было даровано бессмертие, он был взят богами на Олимп, где сделался супругом Гебы.
Гибсон (Гисбон) — рутульский воин.
Гилл (греч. миф.) — сын Геракла-Геркулеса.
Главк — предводитель ликийцев, один из союзников Энея в троянской войне.
Глухов — во времена Котляревского небольшой городок Черниговской губернии. В начале XVIII в. был некоторое время резиденцией украинских гетманов.
Голиаф (библ.) — по библейскому преданию, великан из племени филистимлян, вызывавший израильтян на единоборство и убитый в схватке юношей Давидом.
«Голландцы» — узкие мужские штаны.
Гоны — старинная мера длины на Украине, определявшая длину вспаханного поля; размеры гонов колебались от 120 до 240 метров («большие гоны»).
Горелка (горилка) — водка.
«Горлица» — здесь: украинская шуточная песня и танец.
Грезет — шелковая или шерстяная ткань (обычно серого цвета) с мелким рисунком.

Дежка (укр.) — квашня.
Дельта — полуостров в Мраморном море близ Босфора.
Демоток (Демодок) — один из соратников Энея.
Дерет (Дарет) — у Вергилия — спутник Энея, участник Троянской войны.
Десятский — помощник старосты в деревне или полицейский.
Дидона — легендарная властительница Карфагена; была женой владетеля Тира Сихея и, после насильственной смерти последнего, бежала в Северную Африку, где основала богатый город Карфаген: Котляревский, вслед за Вергилием, называет ее вдовой.
Диомид (Диомед) (греч. миф.) — аргосский царь, участник Троянской войны, в которой храбростью и силой уступал только Ахиллу. Позднейшие мифы рассказывают, что после взятия Трои, пережив много приключений, Диомед попал в Италию, где основал несколько городов и святилищ.
Доминус (лат.) — господин, повелитель.
Добродий (укр.) — уважительное обращение к незнакомому человеку.
Донце (русск., обл.) — часть самопрялки, доска для укрепления гребня и для сидения при работе.
Дормез (франц.) — старинная карета для дальних поездок, приспособленная для сна во время пути.
Драгоман — официальное название на Востоке переводчиков при посольствах и дипломатических миссиях.
Дрансес (Дранкей) — латинянин, недоброжелатель Турна.
Дрочиться — здесь: бесноваться, метаться.
Дубовки — сорт груш.
«Дудочка» — украинский девичий танец.
Дулевка (укр.) — сладкая грушевая настойка.
«Дурни» — народная карточная игра.

Есаул (татарск.) — воинское звание, введенное в казацких войсках при Стефане Батории (XVI в.). В то время были есаулы генеральные, полковые, артиллерийские и сотенные. Позднее чин есаула был приравнен к чинам капитана или ротмистра.

«Жгуты» — детская и молодежная игра: одному из играющих завязывают глаза и дают в руки туго сплетенный платок или веревку; другие играющие всячески задевают его, он отбивается жгутом; попавшему под удар в свою очередь завязывают глаза. Так же называется одна из народных карточных игр.
Живица — прозрачная смола, вытекающая из стволов хвойных деревьев в местах надрезов или повреждений. Из живицы производится скипидар и канифоль.
Жупан — кафтан, верхняя мужская одежда зажиточных украинцев и поляков в XVII—XVIII вв.
«Журавль» — украинский народный танец.

Загнетка — углубление для горячих углей в шестке русской печи, обычно слева.
Заговенье — последний день перед постом, когда православной церковью разрешается употребление мясной пищи.
Запаска — кусок узкой домотканой шерстяной материи, обычно черной, которой женщины обертывают бедра; спереди, вместо пе-

редника, прикрепляется отрез материи другого цвета (чаще всего синей). Оба куска подвязываются красным шерстяным поясом.

Заседатель — так назывались выборные лица от дворян и от «сельского сословия», избиравшиеся для присутствия в судах различных инстанций, при рекрутских наборах и в некоторых других случаях.

Зевс (греч. миф.) — верховный бог греков, царь и отец большинства остальных богов и всех людей.

Зефир — бог западного ветра.

Значки — эмблематические отличия из металла или материи на длинном древке, дававшиеся в казацких войсках каждому воинскому подразделению, начиная с сотни.

Значковый товарищ — один из младших чинов в казацких войсках, соответствовал примерно прапорщику.

«Зуб» — украинская плясовая песня.

Ида — горная цепь на Крите, считавшаяся, согласно некоторым мифам, местом рождения Зевса.

Иов — библейский праведник, которому бог, чтобы укрепить его веру и терпение, дал испытать все бедствия земной жизни.

Иосиф (библ.) — сын патриарха Иакова; будучи любимцем отца, возбудил зависть и злобу своих братьев, продавших его в рабство. Попав в Египет, Иосиф привлек к себе внимание фараона и сделался его первым помощником в управлении страной.

Ирися (Ирида) (греч. миф.) (ср. Лавися) — богиня радуги. Поскольку радуга, по верованиям греков, соединяла небо и землю, Ирида считалась посредницей между богами и людьми, передававшей волю богов, особенно Зевса и Геры (Юноны). Котляревский образует от ее имени уменьшительно-ласкательное, на украинский лад.

Ил (Асканий) — сын Энея, легендарный начальник рода римских императоров Юлиев, основатель города Альба-Лонги.

Кагал (евр.) — здесь: беспорядок, суматоха, крикливое сборище.

Казенные (крестьяне) — т. е. крепостные крестьяне, собственником которых считалась «казна» (государство). Их положение было несколько лучше по сравнению с частновладельческими крестьянами.

Как (римск. миф.) — сын Вулкана, изрыгавший огонь великан, обитал в пещере на Авентинском холме и убивал всех, кто проходил мимо его жилища. Был убит Геркулесом за то, что похитил у него и спрятал у себя в пещере часть его стада коров.

Каламарь (укр.) — чернильница.

Калганная — водка, настоянная на корне растения калгана; считалась целительной от многих болезней.

Калесцы — жители города Калеса, в Кампанье.

Камедь — у Котляревского, собственно, асафетида, затвердевший млечный сок корня дикорастущего растения с едким отвратительным запахом и горьким вкусом. Издавна употребляется как успокаивающее при истерических припадках и т. п.

Камерт — сын Волсента, латинский герой.

Камилла — дочь мифического царя вольсков Метаба, воительница, убитая Энеем во время войны с Турном. Ее внешний вид, описанный Котляревским, не связан с поэмой Вергилия.

Каплица — часовня.

Карачун — возможно, одно из обозначений «нечистой силы» у древних славян. Сохранился в просторечных выражениях типа «карачун пришел» — для обозначения внезапной смерти.

Кармазин — старинное тонкое сукно ярко-красного цвета.

Карфаген — город и государство в Северной Африке, основанное финикийцами в IX в до н. э.

Келебердянская верста — в украинском просторечии выражение, соответствующее русскому «коломенская верста».

Кефалос (Кефалония) — второй по величине и значению (после Керкиры) остров в Ионическом море, у западных берегов Греции.

Кибела — см. Цибела.

Кизиловая — сладкая и крепкая настойка на ягодах кизила.

Киприда (греч. миф.) — одно из имен Афродиты-Венеры, родившейся из морской пены у берегов острова Кипра.

Кирея (укр.) — длинная суконная верхняя одежда с капюшоном.

Кисей — фракийский царь, отец Гекубы, супруги троянского царя Приама.

Китайка — плотная ткань (шелковая, потом хлопчатобумажная), преимущественно красного или синего цветов.

Клавз — сабинянин, от которого, по Вергилию, происходит римский род Клавдиев.

Клейноды (укр.-нем.) — здесь: регалии, атрибуты власти.

Клепало — колотушка или чугунная доска, в которую били, призывая к церковной службе или отмечая время (особенно ночью).

Кнур (укр.) — боров.

Кныш (укр.) — печенье, род ватрушки или пирога.

Кобза (укр.) — многострунный музыкальный инструмент на Украине.

Кобыла — здесь: старинное средство пытки — доска с вырезами для шеи и рук, к которой привязывали приговоренных к наказанию кнутом.

Когорта — отряд римского войска, составлявший десятую часть легиона.

Коломянка — плотная льняная ткань.

Колядки (укр.) — цикл народных песен, с которыми в рождественскую ночь молодежь ходила от хаты к хате, собирая вознаграждение продуктами или деньгами, затем делившимися между участниками.

Комиссар — здесь: провинциальный чиновник, выполнявший административно-полицейские функции, обычно в группе сел.

Компанейское войско — на Украине в XVII—XVIII вв. специальные воинские части, набиравшиеся из добровольцев для личной охраны гетмана и полицейской службы.

Контроверсии — здесь: возражения, отписки в дореформенном (1864 г.) судебном процессе.

Копыл — Копылом называется один из брусков, который вставляется или вдалбливается в полозья и служит опорой для кузова саней. Здесь в смысле: кто же попрет против рожна?

Кораблик — старинный женский головной убор: шапка из парчи или бархата с меховой опушкой.
Корец — ковш.
Корж — здесь: так называемые «мандрыки», род печенья из муки, творога и яиц; ими «разговлялись» в день Петра и Павла (29 июня ст. ст.), после так называемого Петровского поста («петровки»).
Косик — здесь: щекотка.
Коты — теплая обувь вроде современных бот.
Кош (укр.) — запорожский лагерь, Запорожская Сечь.
Кошара (укр.) — сарай или загон для овец.
Кошевой (укр.) — выборный военачальник в Запорожской Сечи.
Кригсрехт — военный закон, военное право.
Кригскальмейстер (нем.) — в русской армии XVIII — начала XIX в. военный чиновник, ведавший снабжением армии, а также денежными расчетами с населением, выплатой жалования и т. д.
Кримей — сторонник Энея.
Крутопон — протопоп, шуточный «выворот наизнанку» в духе народной этимологии.
Кузьма, Демьян — православные святые, считавшиеся покровителями скота.
Кулеш (укр.) — жидкая пшенная каша, заправленная салом.
Кунтуш — род кафтана, надевавшийся поверх верхней одежды мужчинами и женщинами; в Польше и гетманской Украине XVII—XVIII вв. — обычная одежда зажиточных кругов казачества.
Купавон — союзник Энея в войне с Турном, предводитель племени лигурийцев.
Купидон (римск. миф.) — бог любви, сын Венеры и Марса.

Лабики — древнеиталийское племя.
Лава — боевой порядок при атаке в конном рассыпанном строю для охвата противника с флангов и тыла.
Лавз — этрусский герой, сын этрусского тирана Мезентия.
Лавися — украинизированное Котляревским имя упоминаемой и в поэме Вергилия Лавинии, дочери царя Латина и царицы Аматы.
Лаврент — один из древнейших городов Лациума, столица латинян.
Ладон — соратник Энея.
Лары (римск. миф.) — боги, по верованиям древних римлян, охранявшие дом и семью.
Латин — у Вергилия — царь Лациума, сын Фавна, бога лесов и полей, покровителя стад и пастухов, и нимфы Марики.
Латинский край — Лациум, в древности обширная страна в средней части Апеннинского полуострова, вдоль берега Тирренского моря.
Лемешка (укр.) — старинная народная еда: поджаренная гречневая мука, разведенная в подсоленном кипятке или в горячем молоке.
Лигар (Легар, Лигер) — брат Лукага, союзник Турна.
Лидийцы — народ в Малой Азии, соседствовавший и друживший с троянцами. По преданию, лидийцы были предками этрусков, поэтому у Вергилия Эвандр советует Энею обратиться к этрускам за помощью в войне с Турном.
Лик — соратник Энея.
Лихас (Лихант) — латинянин.

Лихва — прибыль, процент (обычно чрезмерный) с отданного взаймы.
Лук (Лука) — рутульский военачальник.
Лукул (Лукаг) — брат Лигара, соратник Турна.
Лунь — хищная птица (сарыч). Идиоматическое выражение «Чтоб тебя лунь схватил» и др. — равнозначно «Чтоб ты околел».
Лутаг, Орс, Палм, Парфен — по Вергилию, убиты не Энеем, а Мезентием и его соратниками.
Лутеций (Луцетий) — сторонник Турна.
Любисток — травянистое растение с желтыми цветами. Народная этимология связывает его название с глаголом «любить», отсюда — специфическое назначение любистка при составлении «приворотных зелий» и т. п.
Люстрин — блестящая глянцевитая шерстяная или полушерстяная ткань.
Лядунка — сумка для пистолетных патронов, надевавшаяся через плечо. Вместе с пистолетом полагалась почтальонам на случай встречи с разбойниками и пр.

Магистрат — обобщенное название органа городского самоуправления, которым пользовались по так называемому «Магдебургскому праву» некоторые города Украины (Чернигов, Нежин, Стародуб и др.). Члены магистрата избирались частью пожизненно, частью на определенный срок из знатных людей города, богатых обывателей, представителей ремесленных и торговых цехов. Магистрату принадлежало право суда над местными жителями, он ведал всеми финансовыми, административными, полицейскими делами города, пользовался даже известными законодательными правами. Магистраты на Украине были упразднены, вместе со всем Магдебургским правом, в 1831 г., по представлению М. М. Сперанского.
Мазуровка — некогда полтавский пригород, включенный в самом начале XIX в. в городскую черту.
Макитра (укр.) — большой глиняный горшок, в котором ставят опару, трут табак или мак и пр.
Макуха — жмыхи семян масличных растений.
Марс (римск. миф.) — бог войны, сын Юпитера и Юноны. Существует миф о любовной связи Марса и Афродиты.
Марципан — пирожное из сладкого миндального теста.
Массик — союзник Энея в войне с Турном, один из племенных вождей этрусков.
Мезап (Мессап) — у Вергилия — предводитель нескольких этрусских племен.
Мезентий — мифический царь этрусков, изгнанный своим народом из страны за жестокость.
Мерика — нимфа, мать царя Латина.
Меркурий (римск. миф.) — Гермес (греч. миф.) — бог, покровитель странников, купцов, торговли; глашатай Зевса и вестник олимпийских богов.
Мерон (Мероп) — троянец, спутник Энея.
Метелица — украинский народный танец, сопровождаемый хоровой песней.

Меценат — здесь: богатый и знатный покровитель.
Минерва (римск. миф.) — одно из главных божеств, позднее — богиня мудрости, покровительница наук.
Монада — здесь: учение философа-идеалиста Лейбница (XVII в.) о том, что все живое в природе состоит из мельчайших неделимых единиц — монад, каждая из которых обладает «духовной субстанцией», т. е. как бы является самостоятельным простейшим живым организмом.
Моргухи (укр.) — легкомысленные женщины, заигрывающие (перемигивающиеся) с мужчинами.
Морея — позднейшее (установившееся со средних веков) название Пелопоннеса, южной части Балканского полуострова.
Мурзатый — буро-черный или рыже-бурый цвет шерсти у животных.
«Мыслете» — название буквы «м» в славянской азбуке (кириллице). Писать «мыслете» — говорится о пьяном, который идет нетвердыми шагами, зигзагами.
Мясопуст — день (иногда неделя), в который православная церковь запрещает употребление мясной пищи.

Набор — здесь: отдельные пластинки с украшениями, набитые по краям щита, загибающимся во внутрь.
Намитка (укр.) — покрывало из простой самодельной кисеи, которым повязывались замужние женщины поверх очипка (см.).
Невтес (Навт) — спутник Энея по троянской «ватаге». По Вергилию, был наделен Минервой даром предвиденья. Котляревский сделал Невтеса (Охрима) старым чумаком, много поездившим по свету, много повидавшим, мудрым провидцем.
Нептун (римск. миф.) — бог морей, ударом своего трезубца раскалывающий скалы, поднимающий бурю. Существовало много мифов о любовных похождениях Нептуна, — это нашло отражение в упоминаниях о нем Котляревского.
Низ — воин Энея. О его дружбе с Эвриалом и трагической гибели обоих в рутульском стане рассказывается в IX песне «Энеиды» Вергилия.
«Носки» — народная карточная игра на Украине.
Нот (греч. миф.) — бог южного ветра, приносившего в Грецию туманы и дожди.
Нума — один из военачальников рутулов.

Оберучь — обеими руками, в обе руки.
Обозный генеральный — в казацком войске высший военный чиновник, ведавший обозом и артиллерией.
Октоих (греч.) — в православном церковном обиходе книга, содержащая церковные песнопения на восемь разных напевов.
Олимп (греч. миф.) — священная гора древних греков в Фессалии, считавшаяся местопребыванием богов.
Онит — союзник Турна.
Орс — см. Лутаг.
Орфей (греч. миф.) — мифический певец, которому приписывалось изобретение музыки и стихосложения. Музыка Орфея заставляла

растения склонять ветви, камни сдвигаться, укрощала диких зверей. Когда жена Орфея, нимфа Эвридика, погибла от укуса змеи, Орфей спустился в Аид. Его пение укротило Кербера, исторгло слезы у эринний, растрогало Персефону, которая разрешила возвратить Эвридику на землю.

Оселедец (укр.) — казаки обычно брили голову наголо, оставляя на темени длинный клок волос, — его и называли оселедцем.

Очерет (укр.) — камыш. На Украине его употребляли в качестве топлива и складывали в огромные «костры»; в костер входило тридцать коп камыша, каждая копа состояла из шестидесяти кулей (охапок).

Очипок (укр.) — головной убор замужней женщины, под который тщательно убирались волосы, так как замужней женщине не полагалось ходить простоволосой.

Очкур (укр) — шнур, поддерживавший шаровары.

Паки — опять, еще, снова.

Палинур — у Вергилия так звали рулевого корабля Энея. Брошенный в море, в качестве жертвы Нептуну, он добрался до берега, но был убит туземцами. Его именем был назван в древности мыс в Лукании (на юге нынешней Италии).

Паллант — италийский герой, сын аркадского царя Эвандра.

Палм — см. Лутаг.

Паляница (укр.) — род булки из пшеничной муки.

Пампушки (укр.) — пышки, печеные или вареные.

«Памфил» — род карточной игры на Украине. Памфилом, собственно, называется трефовый валет, считающийся в игре старшей картой.

Пандар — троянский герой, сын лесной нимфы Иэры.

Пан-отец (укр.) — здесь: священник.

Парис (греч. миф.) — сын троянского царя Приама, прославившийся силой и красотой. Эти качества побудили Зевса направить к Парису богинь Геру, Афродиту и Афину, чтобы он решил, кому из них надлежит обладать яблоком, предназначенным красивейшей. Парис решил спор в пользу Афродиты, и она помогла ему похитить жену спартанского царя Елену, что послужило поводом к Троянской войне.

Парнас (греч. миф.) — горный массив в Греции, в мифах — место обитания Аполлона и муз.

Парфен — см. Лутаг.

«Пары» — украинская народная карточная игра.

Пафос — в древнегреческом мире город на Кипре, с храмом, посвященным Афродите (Венере), один из главнейших центров ее культа.

Пегас (греч. миф.) — крылатый конь, воплощение поэтического вдохновения.

Пендо́сы (греч. искаж.) — шутливое прозвище греков на Украине, нежинских в частности. По-видимому, семинарского происхождения, в его основе греч. «пента» — пять.

Пенник — крепкая, неочищенная хлебная водка.

Переполох (укр.) — болезненный испуг, от которого народная медицина лечила заболевшего наговорной водой.

Перечес (укр) — чесанье пряжи.
Пернач — массивная булава, в верхнем конце которой несколько металлических пластин («перьев»), расположенных вокруг стержня. Знак власти полковников в гетманской Украине.
Петровка (укр.) — у православных пост перед Петровым днем (29 июня ст. ст.).
Пимфа — старинная бурсацкая проделка: спящему вставлялась в нос свернутая в трубочку бумажка с подожженным куском ваты.
Пйсанки (укр.) — окрашенные в различные цвета и расписанные узорными орнаментами (иногда рисунками или вензелями) яйца, которыми обмениваются на пасху православные при христосовании.
Пищаль — старинное название пушки, затем длинное и тяжелое ружье, заряжаемое с дула.
Плáхта (укр.) — плотная шерстяная домотканая ткань, цветная, иногда с рисунком Обернутая вокруг бедер, заменяет юбку; употребляется также в домашнем обиходе в качестве покрывал и драпировок.
Плутон (римск. миф.) — бог подземного мира и повелитель царства мертвых.
Повет (польск.) — в старой Польше и в гетманской Украине территориальная единица, соответствовавшая позднейшему уезду; в украинских губерниях название «повет» сосуществовало с «уезд» вплоть до середины XIX в.
Повытье — доля, пай, надел, участок.
Подканцелярист — в XVIII — первой половине XIX в. служащий в государственном учреждении по вольному найму, не имевший чина и соответствующей выслуги лет.
Подкоморий (польск.) — в королевской Польше высокий чиновник, управлявший имениями короля; позднее так назывались чиновники, ведавшие установлением земельных границ шляхетских «маетков», решавшие земельные споры между шляхтичами и т. д.
Подпанок (укр.) — служащий у пана, помещика.
Подпенок — простая водка.
Подпомощные — крестьяне-бедняки, на обязанности которых лежало вскладчину снаряжать казака в войско.
Подсоседок (укр.) — крестьянин, не имевший собственной земли и вынужденный ютиться у соседей, уплачивая за свое содержание и кров деньгами или собственной работой.
Подсудок — заседатель уездного суда.
Подымщина — феодальный побор, взимавшийся помещиком с очага, «дыма».
Позов — судебный иск, тяжба, также исковое заявление.
Полкан — персонаж народных сказок, былин, лубочных картинок. В одних случаях это — «богатырь», в других — страшное «чудище». Котляревский, вероятно, имеет в виду Полкана, сражающегося с отважным Бовою-королевичем в сказке XVII в., которая много раз позднее издавалась книжками и в картинках.
Полубоги — в античной мифологии герои, у которых один из родителей был божественного происхождения, а также люди, возведенные в этот ранг богами за свои подвиги или добродетели.

Понедельничать — поститься в понедельник.
Пор — индийский царь, побежденный Александром Македонским.
Портшез (франц.) — крытые сидячие носилки.
Постолы — род обуви, сплетенной из кожаных полосок, на манер лаптей или мокасин.
Потапцы (укр.) — маленькие сухарики, иногда сладкие, иногда соленые; едят их либо с медовой сытою, либо с ухой.
Приам — последний царь Трои. Еще в древности имя Приама стало нарицательным для обозначения человека, испытавшего все превратности судьбы.
Провиантмейстер — генеральская должность в русской армии XVIII — первой половины XIX в. Провиантмейстеры ведали материально-продовольственным снабжением армии.
Прогоны — здесь: плата за проезд на лошадях по почтовым дорогам (трактам).
Прозерпина (римск. миф.) — владычица подземного царства и одновременно богиня произрастания злаков и земного плодородия. Мифы о Прозерпине — владычице мертвых — отводили ей в подземном царстве более значительную роль, чем ее мужу Плутону: она повелевала чудовищами преисподней, разрывала последние связи умирающих с живыми.
Прометей (греч. миф.) — титан, богоборец и защитник людей, похитивший с Олимпа огонь и принесший его людям, научив их пользоваться им. В наказание за противодействие богам Зевс повелел приковать Прометея к скале на Кавказе, пробил ему грудь копьем, и огромный орел каждый день прилетал выклевывать у Прометея печень; за ночь печень снова отрастала. Так продолжалось много лет, пока Геркулес не убил орла и не освободил Прометея.
Протопоп (греч. искаж. от «протопапас» — старший отец) — так называются в православной церкви старшие священники.
Пустосвятки — ханжи.
Путря (укр.) — народное украинское кушанье из вареного ячменя и сладкого кваса.

Рамент — царь и жрец-прорицатель; любимец Турна.
Ратман (нем.) — член городского самоуправления (магистрата, городской управы) в дореформенной Руси.
Рацея (лат. искаж.) — неодобрительное или насмешливое определение длинного, назидательного рассуждения, поучения.
Рейнвейн (нем.) — сорт виноградного вина.
Ремез — один из видов синиц.
Ремул — у Вергилия — супруг младшей сестры Турна.
Ретий (Ретей) — соратник Турна.
Ретус (Рет) — соратник Турна.
Рогоз — растущая по берегам болот и стоячих озер многолетняя высокая трава; ее листья употребляются на разного рода плетения, изготовление прядильного волокна и т. п.
Роспуски — здесь: повозка (сани) без кузова, употреблявшаяся для перевозки бревен и досок.
Рядни́на (укр.) — домашняя толстая и плотная ткань из пеньки; из нее делают простыни, одеяла, иногда одежду.

Сакранцы — жители города Ардеи в Лациуме.
Саламата — походная еда запорожцев: мука, разболтанная в воде.
Самопал — пищаль, старинное примитивное ружье крупного калибра, стрелявшее от подожженного фитилем заряда.
«Санжарка» — украинский народный танец, сопровождаемый песней.
Сатурн (римск. миф.) — бог посевов; с его именем связано представление о золотом веке — эпохе всеобщего изобилия и вечного мира.
Сбитень — старинный напиток, мед с пряностями, заваренный в кипятке; распространенный повсеместно, к концу XIX в. почти полностью был вытеснен чаем.
Свитка (укр.) — короткая крестьянская мужская верхняя одежда на Украине из домашнего толстого сукна. Иногда так же называется мужской нагольный полушубок, всего чаще бараний.
Святая неделя — неделя православного праздника пасхи.
Святцы (церк.) — месяцеслов, перечень православных святых и церковных праздников, расположенных в календарном порядке.
Себарис — соратник Энея.
«Семь листов» — название народной карточной игры на Украине.
Сердюк (турецк.) — наемная стража, телохранители гетмана; должность эта считалась весьма почетной.
Серест — у Вергилия — один из троянских военачальников.
Серка (точнее: Серко) — собачья кличка; встречается в распространенных народных поговорках: «пропал, как Серко на базаре» (т. е. пропал без вести), «у Серка глаза взаймы брать» (т. е. «стыдно в глаза людям смотреть» — говорится обычно о наглых, бесстыдных людях).
Серран — соратник Турна.
Сидицяне (сидицины) — древнеиталийское племя.
Сиканцы (сиканы) — жители Сицилии.
Ситикуляне (сатикульцы) — жители города Сатикула в Кампанье.
Сихей — муж Дидоны (см.).
Скороход — здесь: слуга, сопровождавший пешком ехавшего в экипаже господина.
Скубент — студент.
Сновалка — часть ткацкого станка, на которой «снуют», готовят основу под ткань.
Содом — здесь: крайний беспорядок, сильный шум, шумная, буйная толпа.
Соломон — иудейский царь (1020—980 до н. э.). Библия приписывает ему ряд литературных произведений, превознося его мудрость и ум, сделавшие его имя нарицательным.
Сотник — в украинском казачьем войске командир отдельного отряда, непосредственно подчинявшийся полковнику; в мирное время сотники несли административные функции, управляя группой сел, городом с прилегавшими к нему селами, иногда поветом.
Старшина (укр.) — сборное название всех начальствующих лиц в казачьем войске.
Статут — т. е. Литовский статут; см. с. 342.
Стикс (греч. миф.) — одна из рек подземного царства.
Стожары — украинское народное название созвездия Плеяд.
Стратилат (греч.) — военачальник, воевода, вождь.

Стряпчий — чиновник по надзору за ходом дел в суде или частный ходатай по делам.
Субботка — традиционная порка учеников (в бурсе, у дьяков) по субботам, без всякой вины, для острастки, как специфический педагогический прием.
Сукрон — рутул, воин Турна.
Сулея (укр.) — большая бутыль.
Сульмон и *Таг* — латинские герои, воины из отряда Волцента.
Сусанна (библ.) — еврейка из Вавилона, которую, как рассказывалось в библейской апокрифической книге «Сказание о Сусанне и Данииле», тщетно пытались соблазнить два старика; когда их домогательства были отвергнуты, они обвинили ее в прелюбодеянии и добились того, что она была осуждена на смерть. Сусанна была спасена Даниилом, который доказал ее невиновность.
Сыровец (укр.) — хлебный квас.
Сыта — подслащенная медом вода, либо вода, вскипяченная с медом.

Таг — см. Сульмон.
Тамарис (Тамир) — соратник Энея.
Танаис — соратник Турна.
Тарантить — болтать, говорить быстро, без умолку. Таранта — болтун или болтунья.
Тарквит — сын Фавна и нимфы Дрионы, соратник Турна.
Тебеньки — боковые кожаные лопасти седла, иногда с карманами.
Тезифона (греч. миф.) — одна из эринний, богинь мщения, обретавшихся в подземном царстве Аиде. Эриннии обычно изображались в виде безобразных старух со змеями в волосах, с бичами или факелами в руках.
Телешик — герой украинских народных сказок, одолевающий «нечистую силу» и приносящий счастье своим близким.
Тетеря (укр.) — род кушанья из муки или сухарей, разведенных в воде.
Тиберин (римск. миф.) — бог реки Тибра, по преданию был царем Альбы и погиб при переправе через реку, которая и получила название в его честь.
Тму, Мну, Здо, Тло — нарочитые слоги при обучении азбуке в старину.
Толон (Талон) — соратник Турна.
Толумний — прорицатель у рутулов.
Травчатые ткани — узорчатые или с разводами.
Третьепробное вино — водка, подвергнутая трехкратной перегонке.
«*Третьяк*» (укр.) — одна из вариаций (колен) гопака.
Трахон — союзник Энея, племенной вождь лидийцев.
Тройчатка — плеть, сплетенная из трех ремней и заканчивавшаяся тремя концами (хвостами).
Троя (Илион) — город-государство в Малой Азии, с высокоразвитой культурой. О Троянской войне с греками, относящейся к XII в. до н. э., см. выше — Парис.
Тула — здесь имеются в виду тульские оружейные заводы, получившие в России широкую известность с конца XVII в.
Трясавица — лихорадка.

Тулумбасы — старинный музыкальный инструмент вроде литавр. Здесь: удары.
Турн (римск. миф.) — царь рутулов, италийского племени, обитавшего в Лацкуме и покоренного римлянами. Турн — сын нимфы Венилии, соперник Энея, убитый им.
Тыква — кувшин или кубышка для воды. Делались из одного сорта тыкв, которым перевязкой созревающего плода придавали вид кувшина.

Угонка — гнать кого-то в угон, настигать, догонять на бегу.
Укладка — деревянный сундук.
Уминервиться — умудриться; производное от Минервы (см.), в духе бурсацкого словотворчества.
Ушница — народное название свинки.

Фар — латинянин.
Феб (греч миф.) — один из важнейших богов греко-римской религии (у римлян — Аполлон); бог солнца, искусств.
Фарет — соратник Энея.
Ферсилог (Ферсилох) — соратник Энея.
Фил (Фол) — соратник Энея.
Филарис — сторонник Энея.
Фригийцы — народ, переселившийся с берегов Стримона (в Малой Азии).
Фузея — старинное название кремневого ружья.

Харон (греч. миф.) — перевозчик-старик, который на челноке переправляет через реки подземного царства души умерших и довозит их до ворот Аида, взимая за перевоз плату.
Хлорей — троянский жрец.
«Хлюст» — род карточной игры.
Хмель царь — сказочный персонаж, упоминание о котором характеризует стародавние времена (ср. «царь Горох»).
Хорт — борзая собака.
Хорунжий — младший казачий чин; также знаменосец в казачьем войске.

Цекул (римск. миф.) — сын Вулкана, легендарный основатель города Пренесте (Палестрина), в 20 милях от Рима.
Ценаис (Кинир) — союзник Энея.
Цесарцы — австрийцы, подданные австрийского императора, который носил титул повелителя Священной Римской империи, «цесаря».
Цетаг (Цетег) — соратник Турна.
Цехмейстер — старшина ремесленного цеха; по Магдебургскому праву, ремесленные цехи принимали близкое участие в избрании ратманов, бургомистров и других членов магистрата.
Цибела (Кибела) (греч., римск. миф.) — мать всех богов и всего живущего на земле («Великая Мать»), возрождающая умершую природу и дарующая плодородие.
Цибуля (укр.) — лук.
Циней — один из троянцев, спутников Энея.

Цирцея (Кирка) (греч., римск. миф.) — волшебница, правившая островом Эа; чарами своими она заманивала мореходов, заставляя их служить себе. Даже «хитроумный» Одиссей целый год провел у нее в плену, а спутники его были превращены в свиней.

Цитера (Кифера) — остров в Ионическом море, к югу от Пелопоннеса, один из древнейших центров культа Афродиты-Венеры.

Чекан — старинное холодное оружие: топорик с молоточком на длинной рукоятке.

Чинш (польск.) — оброк, плата бессрочного наследственного арендатора за пользование землей, вносимая землевладельцу.

Шишак — металлический шлем с острием на темени; острие это называлось шиш.

Эак (греч. миф.) — сын Зевса и дочери речного бога Эгина. После смерти Эака боги за благочестие и справедливость сделали его одним из трех судей в Аиде, вместе с Миносом и Радамантом.

Эвандр (римск. миф) — сын аркадской нимфы и Гермеса (Меркурия). По преданию, основал на месте нынешнего Рима за 60 лет до Троянской войны колонию аркадян — Палланте́й. Его сын Паллант погиб в единоборстве с Турном, сражаясь на стороне Энея.

Эвр (греч. миф.) — бог восточного ветра.

Эвриал — см. Низ.

Эмфион (Амфион) (греч. миф.) — сын Зевса, участник Троянской войны, вождь греческого племени эпеев.

Эней (греч., римск. миф.) — троянский герой, сын Анхиза и Афродиты-Венеры. С ростом могущества Римского государства возникла легенда о том, что после гибели Трои Эней, спасший троянские святыни, поселился в Лациуме, где возникло могущественное государство, а его потомки основали Рим. Легенда эта легла в основу «Энеиды» Вергилия.

Энтелл — участник Троянской войны, ставший потом героем в Сицилии.

Эол (греч. миф.) — бог, повелитель ветров.

Эстафета — здесь: почта, доставлявшая корреспонденцию через специальных нарочных.

Юнона (Гера) (римск., греч. миф.) — сестра и супруга Зевса, вместе с ним повелевает тучами и бурями, молниями и громом, посылает урожай; она является также богиней-покровительницей женщин, брака, богиней плодородия.

Ютурна (римск. миф.) — нимфа вод, которой Юпитер даровал бессмертие, сестра Турна.

Янус (римск. миф.) — двуликий бог входов и выходов, бог времени, покровитель моряков.

Янычарки — облегченные ружья, которыми были вооружены янычары, отряды турецких войск, формировавшиеся из пленных христиан.

Япид (Иазид Япиг) — у Вергилия — врач, любимец Феба.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет И. П. Котляревского.
2. *С. 199.* Титульный лист первого издания «Энеиды» 1798 г
3. *С. 200.* Беловой автограф шестой части «Энеиды».
4. *С. 257.* Автограф титульного листа «Наталки Полтавки».

СОДЕРЖАНИЕ

И. П. Котляревский. *Вступительная статья И. Я. Айзенштока* . . 5

ЭНЕИДА

Перевод с украинского Веры Потаповой

Часть первая 45
Часть вторая 63
Часть третья 84
Часть четвертая 122
Часть пятая 158
Часть шестая 197

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня на Новый год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину. *Перевод с украинского Веры Потаповой* . 247
Ода Сафо. 252

ПЬЕСЫ

Перевод с украинского Вс. Рождественского

Наталка Полтавка 255
Солдат-чародей 296

Примечания 325

Словарь 345

К иллюстрациям 362

Котляревский Иван Петрович

СОЧИНЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969,
364 стр. Тем. план вып. 1969 г., № 335.

Редактор *Л. А. Николаева.*

Художник *И. С. Серов.*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.*
Техн. редактор *В. Г. Комм.*
Корректор *Ф. Н. Аврунина.*

Сдано в набор 6/II 1969 г. Подписано в печать 17/IV 1969 г. Бумага 84×108$^{1}/_{32}$, № 1. Печ. л. 11$^{3}/_{8}$ + 1 вкл. (19,22). Уч.-изд. л. 19,42. Тираж 25 000 экз. Заказ № 212.
Цена 93 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.